

Гарри Фельдман

Память сердца

Израиль

2017

Права автора охраняются Законом. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, запрещено без письменного разрешения автора.

ISBN — 978-965-572-323-6

©**Г. Фельдман**

©Израиль, 2017 г.

На обложке:

1. Один из памятников на шести братских могилах жертв Холокоста в местечке Романов.
2. На обороте: Фотография фрагмента «Зала Имен» Мемориального комплекса «Яд ва-Шем».

*Выражаю глубокую признательность за помощь в редактировании книги доктору технических наук **Анатолию Цалиовичу**, а также огромную благодарность за содействие в её издании гражданину России **Сергею Владимировичу Ильинскому**.*

Гарри Фельдман

Забвению не подлежит (вместо предисловия)

Таково название моей книги, вышедшей в свет в 2000 году в Житомирском издательстве «Полиссия» (Полесье) при содействии народного депутата Верховной Рады Украины Виктора Иосифовича Развадовского.

Содержание её в полной мере соответствует названию, о чём свидетельствует аннотация: *«Эта книга призвана стать памятником над многими могилами зверски уничтоженных ни в чём не повинных мирных жителей, стать ещё одним грозным напоминанием о недопустимости возрождения фашизма, в какую бы тогу он ни рядился, – призвана стать призывом, дабы нигде и никогда не повторилось подобное! Вместе с тем она является убедительной отповедью появившимся в последнее время отрицателям Холокоста.*

Хочется верить, что читатель по достоинству оценит многолетний, бескорыстный, подвижнический труд автора этой нужной и своевременной книги, раскрывающей одну из самых скорбных страниц в истории нашей страны (Считаю, правильнее было бы написать: всего человечества). Г.Ф.)

И читатель эту веру в полной мере оправдал.

Об этом красноречиво свидетельствует отзыв заведующей русским фондом Иерусалимского института памяти жертв нацизма и героев движения Сопротивления Яд ва-Шем Анны Шиндер:

«Уважаемый господин Фельдман!

Сердечное спасибо за книгу «Забвению не подлежит» с Вашей дарственной надписью. Среди множества книг и воспоминаний, получаемых библиотекой, ваша книга «зацепила» меня своей искренностью и непридуманной правдой жизни. Я думаю, что молодые люди, не чувствующие ужаса от цифры шесть миллионов, может быть, только читая такие книги, как Ваша, смогут приблизиться к пониманию всего кошмара

фашизма, войны и Катастрофы... Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая сборник «Забвению не подлежит» остаться невозможно. Но ведь для этого и создана книга».

Не менее впечатляющи отзывы на эту своеобразную книгу памяти и скорби и ряда других читателей. Позволю себе привести некоторые выдержки из них.

Вот, например, что написал об авторе и его книге Михаил Гурвиц – вице-президент Еврейского Совета Украины, член Координационного Совета, Совета регионов и Президиума Еврейского Конгресса Украины, Председатель Ассоциации Еврейских средств массовой информации Украины:

«... Холокост – незаживающая рана всего еврейского народа, каждого человека.

... Прошли годы, и как земля не смогла залечить раны, нанесённые войной, так и поляне не хотят и не могут забыть своих родных и близких, друзей и товарищей, соседей и сослуживцев, влюблённых и любимых, своих земляков- дзержинцев, невинно убиенных.

25 августа 1998 года усилиями старейшего жителя города, отличника народного образования, краеведа и активиста еврейского возрождения Гарри Борисовича Фельдмана, при поддержке районной госадминистрации был открыт Мемориал Памяти невинно погибшим евреям – жителям района ... Гарри Борисович проделал огромную работу, нашёл родственников погибших, которые собрали средства, заказал обелиск, решил вопрос о расчистке территории, установил имена расстрелянных, записал свидетельства очевидцев – и Мемориал был создан. А на основании собранных материалов краевед решил написать книгу.

...Он как бы продолжил работу, начатую Маргаритой Алигер, Павлом Антокольским, Вениамином Кавериным и другими известными деятелями литературы и искусства, которые издали «Чёрную книгу» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга.

Эта книга стала своеобразным напоминанием людям: фашизм – это смерть, гибель человечества. То же самое можно сказать о книге Гарри Фельдмана «Забвению не подлежит».

... «Забвению не подлежит» – не просто книга, – это весомый аргумент в борьбе с теми, кто отрицает Холокост и тем самым реабилитирует фашизм. Это своеобразный мемориал, который вечно будет напоминать каждому из ныне живущих: «Помните!»

«У меня в руках Ваша книга «Забвению не подлежит» – пишет учительница, директор школы села Судилков Шепетовского района Украины Надежда Денисовна Мамчур. – Нет, это не книга, - это святыня, это память, это история, это горе, это ужас, который пережил очень умный, очень красивый, очень деловой, очень хороший, очень способный, очень совестливый народ, который пострадал, даже не зная почему.

... Ваша книга – шедевр должна стать настольной книгой в каждой школе. Пусть на воспитательных часах учителя расскажут и покажут детям, что это за памятники, кто там почил нежданной и страшной смертью, пусть жители кланяются безвинным жертвам нацизма».

Своё восхищение книгой высказали и многие родные и близкие жертв Холокоста.

Кроме неё о трагедии еврейской общины моего родного местечка Романов (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине рассказано в моей книге «Сказание о местечке Романов» (Израиль, 2010 г.), в книгах Иосифа Рейтмана и Гарри Фельдмана «Во имя исторической правды!» (Израиль, 2010 г.), «В грозном зареве войны» (Израиль, 2011 г.), а также в моём докладе, опубликованном в сборнике материалов Международной научно-практической конференции в городе Житомире 20 марта 2009 г. «Евреи Волыни: история и современность».

Об этом же повествуется на интернет сайте Яд ва-Шем (на английском языке), в многочисленных ссылках (без указания источника) на книгу «Забвению не подлежит» в многотомном

энциклопедическом издании Феликса Канделя «Книга времён и событий», в ряде книг «Книги Скорби» (Житомирская область, нескольких газетных, журнальных и интернет-публикациях в Израиле, Украине, России, США и Канаде.

Однако все эти книги были изданы мизерными тиражами и уже давно стали раритетом. Считая не только своим, но и нашим общим долгом сохранить для нынешнего и грядущих поколений память о трагедии еврейской общины местечка Романов, ставшей грозным предвестником Бабьего Яра, я решил собрать наиболее значимые из ранее опубликованных мной материалов и издать их в виде этого сборника.

Поэтому в нём встречаются повторения отдельных фактов. Но я считал бы это не недостатком изложения, а своеобразным рефреном, усиливающим восприятие описываемой ужаснейшей трагедии.

Многочисленные восхощённые отзывы на мои предыдущие публикации позволяют мне надеяться, что и этот сборник внесёт существенный вклад в сохранение исторической правды о преступлениях нацизма, светлой памяти жертв Холокоста и будет оценен читателями по достоинству.

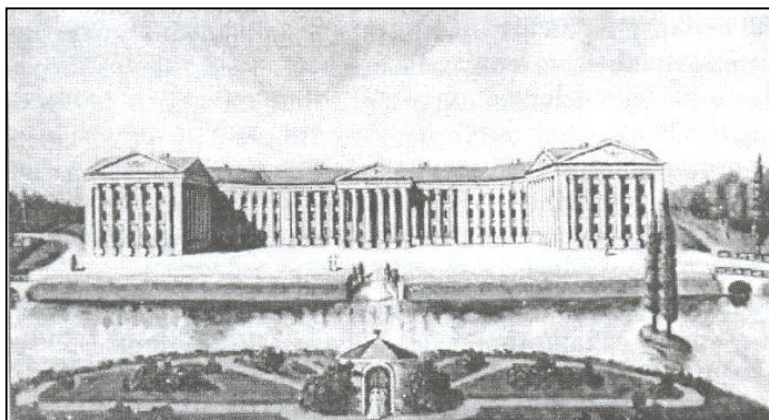
Сказание о местечке Романов

На Правобережной Украине, недалеко от областного центра Житомира и называемого некогда «еврейской столицей» Бердичева, расположено бывшее когда-то достопримечательным еврейское местечко Романов (в советские годы – посёлок Дзержинск), имеющее многовековую историю. В 2001 году исполнилось 530 лет со дня первого письменного упоминания о нём.

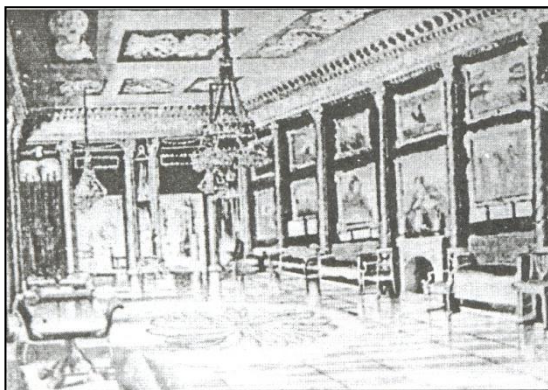
До воссоединения Правобережной Украины с Россией (1795 год) в местечке проживали лишь единичные еврейские семьи: в 1784-м, например, их было лишь восемь. После воссоединения графы Ильинские, во владении которых находились и земли Романова, развивая мелкие мануфактуры и ремесленничество (в

основном кожевенное производство), приглашали сюда евреев-ремесленников, и к 1795 году здесь жило уже 1155 евреев. После указа правительственного Сената от 3 октября 1817 года о присвоении Романову статуса местечка и учреждения в нём 19, а впоследствии – 24-х ярмарок в год, оно по торговому обороту стало занимать третье место в Волынском округе, в состав которого оно тогда входило. В 1914 году в местечке работало 121 торговое предприятие и 25 небольших промышленных объектов (кожзаводы, мельницы, лесопилки, кирпичные заводы), собственниками которых и тружениками на них были евреи.

Достопримечательностью Романова, его красотой и гордостью были четыре дворца графов Ильинских, спланированный выдающимся западноевропейским специалистом парковой архитектуры Кайзером чудесный ландшафтный парк с множеством архитектурных и скульптурных шедевров из белого мрамора, изготовленных в Италии. В зверинце, в больших вольерах за двухметровой оградой в естественных условиях проживало множество разных диких животных и птиц, привезённых со всех концов планеты.



Главный дворец графов Ильинских в Романове



«Золотой» зал в главном дворце Ильинских

В послевоенный период от дворцов и парка остались лишь одни воспоминания. Сохранились только искусственное озеро, приспособленная под больницу бывшая графская конюшня и ещё одно здание, использовавшееся в разное время под Дом культуры, Дом пионеров и школьников, спортивную школу. Теперь и эти здания уже снесены. На всю империю, а впоследствии и за пределами страны, славились хрустальные изделия Романовского стекольного завода, открытого в 1903 году и работавшего до развала Советского Союза.





Относительно высоким в то время был в Романове уровень образования и культуры жителей. Кроме церковно-приходских школ, здесь в 1811 году открывается иезуитское училище с пансионом, в 1817 году – польская гимназия, создаётся книгохранилище-библиотека. Граф Август (Юзеф) Ильинский открыл в Романове в 1806 году институт глухонемых – единственный в России, для работы в котором привлёк ряд знаменитых в то время профессоров, за что царь наградил его наивысшей в то время наградой – орденом Владимира I степени.

18 декабря 1881 года начало работать одноклассное народное училище. С этой даты ведёт отсчёт своего существования Дзержинская средняя школа (хотя средней она стала лишь в 1934 году). С 1 сентября 1911 года одноклассное училище было преобразовано в Романовское сельское двухклассное начальное училище.

Компактная еврейская община местечка имела свои культовые сооружения. Посреди Романова возвышалось внушительное здание хоральной синагоги. Второй этаж его был опоясан большим балконом, на который вела наружная деревянная лестница. Впечатляющим было и внутреннее убранство. Это здание стало украшением местечка, центром его религиозной и культурной

жизни. В 30-е годы, в период борьбы за искоренение религии в сознании людей, это здание было уничтожено.

При синагоге имелась и религиозная школа – талмудтора. С 1842 года в этой школе обучал 85 мальчиков Т.В. Ротенберг.



Дом, в котором размещалась Талмудтора

Существовала и частная школа Аврум-Лейба Гехмана, в которой в то время обучалось 92 мальчика. Большое влияние в общине имели раввины, а также кагалы - органы самоуправления.



Единственный сохранившийся после войны памятник (после реставрации).

Во второй половине XVIII столетия на юго-восточной окраине местечка на живописной возвышенности недалеко от речки было заложено еврейское кладбище, существующее до сих пор. За два века на нём были установлены сотни гранитных памятников, в том числе и настоящие произведения искусства. Все они были уничтожены во время оккупации местным населением. Теперь там довоенных памятников почти нет.



В царское время евреи испытывали всевозможные притеснения: для них ограничивалось место жительства (существовала определённая правительством черта еврейской оседлости), они даже не учитывались при переписи населения. Хотя евреи местечка и старались жить в дружбе и согласии со своими соседями – украинцами, поляками и жителями других национальностей, им не всегда удавалось избежать проявления антисемитизма.

По этому поводу выдающийся сын украинского народа, крупнейший представитель мировой культуры и литературы Иван Франко писал:

«Антисемитизм сегодня – явление повсеместное... Евреев преследуют по-разному..., но систематически».

К сожалению, это явление в значительной мере проявляется и сейчас, особенно после попытки Израиля противостоять хамасовской банде и постоянным ракетным и миномётным обстрелам своей территории, а также периодически совершаемым шахидами террористическим актам, унесшим жизни сотен ни в чём неповинных людей.

Чтобы выжить в многолюдных провинциальных местечках с ограниченными возможностями заработка, в условиях жестокой конкуренции, необходимы были огромное трудолюбие,

мастерство, сообразительность, расторопность и предприимчивость. Но этого евреям, как известно, не занимать.

Не обошла стороной еврейскую общину Романова и общественно-политическая жизнь.

В сентябре 1904 года в нём при активном участии еврейской молодёжи (Хаим Брудник, И. Бейзер, А. Крестенецкий, Л. Гехтман) состоялась первая политическая демонстрация. В январе 1906 года за распространение революционных листовок был исключён из гимназии и отдан под особый надзор полиции 16-летний брат романовского аптекаря М. Островский.

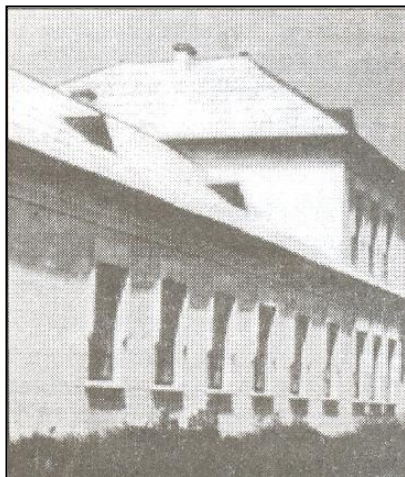
В 1919 году в Романове был создан ревком во главе с Бородиным. В его боевую дружину входили и евреи: Рефул Рабочко, Ицько Портной, Мойше Лапкин, Арон Гильман.

В 1922 году в Романове на стекольном заводе уже активно действовала комсомольская организация, возглавляемая Раей Вайсберг. Её ядро составляли евреи: Мильгром Хуна (учитель), Вайсберг Лиза, Пекерман Шмуль, Ройтфарб Мейше, Ройтфарб Хаим, Вернер Герш, Каплер Сеня, Фельдман Лиза, Аксель Гавсин. 17 сентября того же года в комсомол были приняты Аксель, Блехер, Литвак, Зельцер.

После установления на Украине советской власти и разгрома петлюровцев, банды которых в 1922 году основательно поиздевались над жителями Романова, евреям местечка жить стало гораздо привольнее, хотя и продолжал существовать антисемитизм на бытовом, а впоследствии и на государственном уровне, а в 1923 году были национализированы под советские учреждения дома наиболее состоятельных из них.

Значительное внимание уделялось созданию новых предприятий – артели «Лозоплёт» (в которой получили рабочие места 48 евреев), «Древогвоздь», «Красный кирпич», работой в каждой из которых были охвачены десятки евреев; подверглись укрупнению и слиянию в артели по 50-70 работников мелкие кустарные предприятия, в которых раньше трудилось по 3-4 человека. Десятки евреев проявляли своё мастерство на Романовском стекольном заводе. Созданная в период

коллективизации еврейская промартель «Путь Ленина» славилась своим заводом огнеупорного кирпича, гончарным производством, успехами в земледелии и высоким уровнем прибыли.



Здание бывшей еврейской школы (ныне детский сад)

В 1925-1926 учебном году в Романове была открыта еврейская школа. Первыми учителями в ней были приезжие: директор Сегалович, супруги Шахмейстеры, Риманы, Кернерманы и другие. Она сразу же стала центром просветительской и культурной жизни местечка. Тут часто устраивались костюмированные вечера, концерты. Застрельщиками многих начинаний, кроме учителей, были и старшеклассники, среди которых выделялась своей инициативностью Тайбл Гринфельд.

До сих пор с теплотой и нежностью вспоминают выпускники своих наставников-земляков: директора школы Анциса, учителя математики Сагаловского, биологии – Кагановскую, еврейского языка – Гершман и многих других. К сожалению, многие из этих прекрасных людей, как и почти все их выпускники, трагически погибли в годы Великой Отечественной войны. Еврейская община

построила кирпичное здание школы-семилетки и частично финансировала её работу.

В рапорте третьей партконференции в 1932 году еврейская школа отмечалась как одна из лучших. В предвоенный период (до перевода на должность первого секретаря райкома комсомола) директором школы работал Яков Моисеевич Вакс, 1 сентября 1943 года погибший на фронте. Его сын Изяслав Яковлевич Вакс (псевдоним Романовский) ныне известный московский журналист, автор многих популярных песен («Нашей юности оркестр», «Деревенские вечера», «Жалейка» и других), посвятил своей школе замечательную лирическую песню «Берег детства».

Многие еврейские дети учились в украинских школах местечка, после чего выезжали на учёбу в города и становились впоследствии учителями, врачами, инженерами, юристами. Еврейское население местечка постоянно увеличивалось. Так в 1925 году у евреев Романова родилось 86 человек, умерло 24 человека. Местечко занимало площадь в 29 десятин земли, в нём было 367 домов, среди которых 10 каменных. 328 домов принадлежало еврейскому населению. В 1928 году в местечке проживало 4078 жителей, из них 3390, то есть свыше 83 процентов, составляли евреи, которые жили в мире и согласии со своими односельчанами – украинцами, русскими, поляками и представителями других национальностей.

В послевоенный период евреи в посёлке составляли лишь 0,6 процента. Остальных унёс огненный смерч Катастрофы. Сотни евреев местечка погибли на фронте. 100 из них занесены в «Книгу памяти Украины». Данные на ещё десятки персоналий, собранные в результате многолетнего кропотливого поиска, переданы для включения в дополнительный том. Вместе с тем их имена увековечены в изданной в Москве «Книге памяти воинов-евреев», а также в электронной книге памяти воинов-евреев.

В период немецко-фашистской оккупации еврейское население местечка было обречено на поголовное истребление, так как из-за значительной отдалённости посёлка от железной дороги и стремительного наступления вражеских войск не успело вовремя

эвакуироваться. Ещё задолго до трагических событий в Бабьем Яру, с 25 августа 1941 года, началось массовое уничтожение еврейского населения посёлка. В трёх огромных ямах-рвах в парке, в трёх – в лесу за трассой недостроенной дороги Одесса – Ленинград, в одной – на западной окраине посёлка и бывшем военном аэродроме за Романовкой зверски уничтожено свыше трёх тысяч евреев посёлка, в основном женщин, детей и стариков.

Проклятые душегубы не щадили никого. Чем могли провиниться перед ними шестимесячная Люся Литвак – дочь послевоенного председателя поселкового совета местечка Романа Литвака, её ровесница Броня Розенблюм, трёхмесячный Симха Шамис, двухмесячный Миша Гольдман, месячная Рая Аксень, восьмидневная Дора Пех? Очевидцы рассказывали, как озверевший полицай Ледник вырывал младенцев из рук их матерей, накалывал на штык, крутил их, истекающих кровью, перед собой и на глазах потерявших от ужаса рассудок матерей полуживых бросал в яму.

А за какие грехи выродки рода человеческого уничтожили моего дедушку – одноногого стекольщика Гершмана Бенциона и его дочь (мою тётю) Хайку, работавшую буфетчицей в школе – людей самых мирных профессий.

Криком смертельно раненной души звучат слова в книге воспоминаний нашей землячки Веры Горелик «Простите меня» с описанием рассказа очевидца о последних минутах жизни её любимого брата, 10-летнего Люсика:

«В это утро, 25 октября 1941 года, сначала отдельной колонной отвели женщин-матерей, затем повели детей. Я шёл за Люсиком. Две девочки крепко уцепились за руки Люсика. Остановили детей метрах в четырёх от ямы. Полицай подходили к детям с двух сторон ямы, прокалывали штыками животы и живых бросали в ров, то ли патронов жалея, то ли забавы ради. Крик, плач, ужасные стоны разносились по всему лесу. Подойдя ближе, Люсик повернулся ко мне и спросил: «Может, броситься в яму самим, чтобы не чувствовать боли?» В это время, увидев Люсика с девочками, полицай крикнул: «Брось сучек!», но Люсик

рук девочек не выпустил, и это заняло у полиция чуть больше времени. Я воспользовался этим мгновением и бросился в яму. Встал у стенки рва сначала на колени, а потом выпрямился. Яма заполнилась. Её слегка припорошили землёй. Земля шевелилась от ещё живых детей. Когда стало темно, я выбрался».

Словно кадр из современного фильм ужасов воспринимается воспоминание очевидца, как во время скорбного марша колонны обречённых к месту расправы, полицай Степан выволок из неё девочку-подростка Басю, на глазах родных и односельчан изнасиловал её и, не дав даже подняться, хладнокровно застрелил.

Вряд ли во всём мире существуют слова, способные выразить всю глубину трагедии, пережитой жителем Романова Вольком Пекерманом: из 36 человек его родни в живых остался лишь он один. *«В то утро, 25 августа 1941 года, – звучит из фонограммы его скорбный рассказ, – в четыре часа, когда люди ещё спали, разбудили нас идти на работу. Пригнали на площадь и начали выбирать мужчин помоложе. Выбрали комсомольцев, 52 человека, и моего сына тоже. Увели их навсегда».*

А увели их рыть огромные ямы на «Песковке» слева от дороги на село Голубын. До позднего вечера продолжалась там кровавая бойня. Многие сотни евреев местечка были зверски уничтожены во время этой человеконенавистнической акции. Волько Пекерман тоже стоял, оцепенев от ужаса, на краю страшной, залитой кровью ямы, заполненной сотнями трупов и ещё кончающихся в страшных муках, в предсмертной агонии тяжелораненых стариков, женщин и детей, среди которых были десятки его родных и близких, в том числе и его любимая жена с шестимесячным ребёнком на руках. Его сердце и душу раздирали их предсмертные стоны и мольба о помощи. Стоял, распрощавшись уже не только со своей большой роднёй, но и с жизнью, молясь лишь о том, чтобы смерть его была мгновенной. Но в последний момент ему, как хорошему специалисту-портному, временно предоставили отсрочку. Когда же со временем он как специалист стал оккупантам не нужен, пришла его очередь снова стать на край ямы под пулю полиция. Но

Пекермана об этом предупредили подпольщики. Они же показали ему путь в партизанский отряд».

Более семи десятилетий прошло со времени той ужасной, человеконенавистнической, бессмысленной бойни, но и сегодня нельзя удержаться рыданий, читая мольбу, рвущуюся из самого сердца одного из немногих оставшихся в живых представителей большой дружной семьи – Иллариона Малица: *«Расскажите людям о семье Моисея Григорьевича Шульмановича, которого в народе нежно и ласково звали Путой, кузница которого стояла на дороге при въезде в местечко. Скажите людям, что у него была жена – восхитительная Рейзеле, с большими голубыми глазами и чёрными, как смоль, прядями волос, красотой и весёлым нравом которой восхищалась вся Романовская округа.*

Скажите людям, что у них был порывистый и увлечённый футболом сынишка Береле, нежная, мечтательная дочурка Генечка и перед самой войной родившийся неописуемый ангелочек Минечка. Всю кухню вела строгая и ласковая бабушка (мать Рейзеле), о которой люди говорили, что её кулинарное искусство ни с чем не сравнимо.

Оповестите всех знакомых и незнакомых, что вся эта прекрасная семья, наравне со многими тысячами таких же прекрасных людей, была зверски расстреляна немецко-фашистскими извергами и их верными приспешниками-полицаями в августе-октябре 1941 года только за то, что они были евреями. Они нашли свой страшный конец в тех ужасных ямах, которые вечным немым укором подлым убийцам тянутся за памятниками, установленными благодаря вашей деятельности и вкладу вечно скорбящих родственников». (Из письма автору этого очерка).

Эти факты вопиющего человеконенавистничества в комментариях не нуждаются. Трагические события в нашем местечке недаром считаются предвестником Бабьего Яра. В акте от 27 мая 1945 года читаем: *«Расстрелы производились со стороны местной полиции, руководителем которой был начальник полиции немец Мольц и его заместитель – пособник Ткачук Степан. Также активное участие принимал полицей Сягровский Владимир*

Степанович, который лично расстрелял 700 человек еврейского и украинского населения в парке Дзержинска и по сёлам».

Ещё большей жесткостью отличался полицай Геннадий Сухой, который так и не понёс ни малейшего наказания за свои кровавые злодеяния.

Не может оставить равнодушным и опубликованное далее воспоминание о прожитом и пережитом Янкеля Абрамовича Герца, скрывавшегося в период оккупации под именем Яков Иванович Рудюк и и сохранившего эту фамилию до конца жизни в благодарность своим спасителям.



Жители Романова и родственники погибших в Холокосте у памятника жертвам фашизма

В архиве зафиксировано только по посёлку Дзержинск 1516 расстрелянных евреев и 1419 евреев, имена которых остались неизвестными. Но фактически число погибших значительно больше, так как уже в первые дни войны сюда прибыли как беженцы из окружающей местности, так и сотни родных и близких

местных жителей, чтобы вместе эвакуироваться, или пережить здесь военное лихолетье.

Например, семья Баразов накануне оккупации пополнилась десятью своими родственниками из Барановки и Новограда-Волынского. Но дожить до освобождения и светлого дня Победы суждено было лишь отдельным членам еврейских семей, которых, рискуя собственной жизнью, укрывали семьи настоящих интернационалистов: Ивана Ильинского, Василия Кузьменко, Степана Бондарчука, Лидии Конончук, Василия Горбатюка, Нины Макарчук, Иосифа Дардалевича, Фёдора Луценко, Захара Лиманца, Евы Зинчук, Александры Савчук, Павла Филипповича, Анастасии Дзензелевской, Марии Березы, Франца Жмуцкого и некоторых других.



Памятник в лесу на месте гибели и захоронения около восьмисот мужчин-евреев (установлен в 1998 году)



Памятники в лесу на месте зверского уничтожения и захоронения почти тысячи еврейских женщин с младенцами на руках и детей. Установлены в 1998 году

В вышедшей в 2003-м году в Житомире «Книге Скорби Украины» в списках зверски уничтоженных моих земляков упоминается и семья Шерман:

отец Мехл Бурохович (фактически — Борухович),
мать Фаина (возможно Фейгл) Янкелевна,
дочери Гися и Рива (старшая из дочерей).

Имя ещё одной из дочерей — Ады (фактически Адели) было изъято из этого Мартиролога перед сдачей книги в печать, т.к. к тому времени стало известно о её чудесном спасении семьёй праведников. А случилось это (если передать лишь саму суть) так.

22 июня 2001 года во время открытия памятника жертвам фашистского геноцида в лесопарке на окраине местечка Дзержинск наша землячка Фаина Нейман рассказала, что когда началось массовое уничтожение местного еврейского населения, в жилище местной крестьянки вскочила женщина с девочкой и младенцем на руках. Она бросила растерявшейся хозяйке крошку Аделю, умоляя приглануть за ней несколько часов, пока они с другой дочкой где-то укроются от облавы. Но вернуться им не было суждено. Они попали в гетто и были уничтожены, как и остальные члены их семьи.

Так еврейская девчушка осталась у чужой женщины и её 15-летней дочки. Когда у них дома появлялся кто-то посторонний и интересовался этим ребёнком, мама разводила руками и начинала жаловаться на свою беспутную дочку, в юном возрасте нагулявшую ребёнка.

А та, потупивши взгляд, крепче прижимала подброшенного младенца к своей ещё детской груди и старалась подальше спрятаться от чужих глаз. Всё это выглядело настолько правдоподобно, что в эту легенду поверили не только родные и соседи (как потом оказалось, кое-кто из них знал правду), но даже полиция и староста. Это дало возможность выжить Аделе и её спасительницам, которым в случае разоблачения угрожала лютая смерть.

Рассказала Фаина и про то, что оставшись у этих милосердных людей и после войны, Аделя закончила сельскую школу. Дальше

её след затерялся. Наша землячка просила присутствующих разыскать героиню своего рассказа и её спасительниц.

Найти во всём мире человека, зная только его имя и приблизительный возраст — дело безнадёжное. Но случилось невероятное. Через несколько дней после этого мне позвонила знакомая из Израиля и, между прочим, сообщила, что познакомилась там с нашей землячкой, которую во время оккупации спасла семья местных жителей в одном из наших сёл. На вопрос, как звать её новую знакомую, последовал ответ: Аделя.

Конечно, я не мог не связаться с Аделей по телефону, и получил от неё данные про её спасительниц (во-первых — то, что они из Врублевки), узнал, как вообще сложилась жизнь еврейской девочки-сироты. Оказалось, что после окончания школы, а потом ФЗУ в Виннице, Аделя работала швейей, вышла замуж и выехала с мужем в Караганду. Когда у них там родилась дочка Неля, старшая из спасительниц Юзефа Левчук покинула милую её сердцу Врублевку и отправилась в дальний путь, чтобы как за родной правнучкой присматривать за младенцем. Почти пять лет она с теплотой и нежностью ухаживала за ребёнком, до тех пор пока тяжело не заболела и не умерла там.

Её дочка, Мария Паренюк, взявшая в 15 лет на себя роль мамы Адели, продолжительное время, вплоть до выхода на пенсию, работала звеньевой в местном колхозе, была отмечена многими правительственными наградами, заслужила уважение односельчан, родила и воспитала четверых собственных детей. С Аделей, которую она тоже считала своей дочкой, она долго поддерживала тесную связь. Но получилось так, что когда Аделя осталась вдовой, в семье возникли сложные проблемы, заставившие её переехать в Израиль, связь между этими близкими людьми на определённое время прервалась, однако она не могла не восстановиться снова.

Теперь Аделя Клейман (девичья фамилия Шерман) проживает с детьми (после Нели у неё родился сын Михаил) в городе Петах-Тикве в Израиле. Она восстановила связь со своей спасительницей Марией, а после её смерти — с её детьми. Дочери Марии по

приглашению Адели приезжали к ней в Израиль. При содействии Адели Марии Паренюк (ещё при её жизни) присвоено звание Праведник Мира, а её матери, Юзефе Левчук, оно присвоено посмертно. Имена этих женщин из Врублевки выгравированы на стене в мемориальном комплексе Яд ва-Шем в Иерусалиме.

Накануне еврейского праздника Ханука, который обычно не обходится без чудес, случилось подобное и в семье Адели. Её сын случайно обнаружил на интернет-сайте «Яд ва-Шем» «Листы свидетельских показаний» о трагической гибели семьи Шерман, в том числе и его матери — Адели.

В этом не было бы ничего удивительного, так как погибшими считались все члены их семьи, если бы эти показания не были бы подписаны ... родной (старшей) сестрой Адели.

Так более чем через 70 лет после ужасной трагедии Аделя узнала о существовании своей сестры, которая по архивным данным также считалась погибшей в Холокосте.

Надежда на их трогательную встречу минимальная, так как старшей из сестёр за 90 лет и вряд ли она ещё жива. В таком случае Аделя была бы счастлива встретиться со своими родственниками, о существовании которых и не подозревала.

Почётное звание «Праведник Мира» присвоено и большинству спасителей наших соплеменников: Ивану и Марии Ильинским и их детям Андрею и Антонине, Лидии Конончук и её дочери Александре, Нине Макарчук, Филипповичу Павлу и Нине, Боцанюк Мокрине, Иосифу и Антонине Дардалевич и некоторым другим. Их имена увековечены на стене почёта мемориального комплекса «Яд ва-Шем». Кроме того, Павлу Филипповичу из Романова, Мефодию Мельничуку из Ясногорода, а также членам их семей присвоено звание «Праведник Украины». Низкий им всем поклон и огромная благодарность!



Памятник на месте уничтожения и захоронения евреев местечка на бывшем аэродроме за селом Романовка (захоронено не менее 168 евреев).

Уточнение: После открытия доступа к архивам органов государственной безопасности краеведа Александру Кондратьюку удалось установить, что на этом месте уничтожено и захоронено около 1500 человек.

Уничтожение евреев сопровождалось массовыми грабежами их опустевших домов ближайшими соседями, ещё так недавно называвшими себя друзьями, а теперь вмиг превратившимися в махровых мародёров. Не упустили свой «шанс» и пособники фашистской нечисти – презренные полицаи. Да и «осиротевшие» дома недолго пустовали.

Ежегодно 25 августа, в годовщину начала массового уничтожения еврейского населения местечка, наши земляки, в каких бы частях света они ни были, собираются вместе, чтобы вспомнить уничтоженных родных, близких и просто односельчан, разделить с присутствующими боль тяжких утрат, не гаснущую вот уже более шести десятилетий, сделать всё для того, чтобы никогда не угасла память сердца, передающая эстафету грядущим поколениям.

О нашей трагедии можно писать много горестных воспоминаний, снимать кинофильмы. Многое освещено в моём

очерке «Зловещий предвестник Бабьего Яра» – вступительном очерке «Книги скорби». В послевоенные годы оставшиеся в живых родственники погибших, по инициативе Хайкеля Каменецкого, Мотеля Духовичного, Зины Поташник, привели в порядок разгромленное национальное кладбище, обсадили его деревьями, подняли обломки могильных камней, построили домик-сторожку.

Впоследствии благодаря упорству и настойчивости Семёна Калики, Юрия Бараза, Семёна Вайнмана, Соломона Блейниса, Евы Рубинштейн на западной околице посёлка на месте гибели сотен наших земляков 25 августа 1982 года, в день очередной годовщины начала трагедии, в присутствии 160 человек, съехавшихся со всех концов страны, был открыт памятник-монумент. В 1986 году сюда были перевезены останки из двух братских могил в парке. Территорию захоронения обнесли металлической оградой, обсадили ёлочками и берёзками. В 1999 году – и живой изгородью.

В 1998 году установлен памятник на самом большом захоронении, в котором нашли своё последнее скорбное пристанище около 800 евреев-мужчин. В основание этого памятника замурованы списки всех погибших, чьи имена к тому времени были известны. Юрий Бараз, Семён Калика, Михаил Орпер, Туня Шамис, проживающие в последние годы в США, Геня Каменецкая, живущая ныне в Израиле, организовали сбор средств, за счёт которых мной были установлены обелиски на всех захоронениях и ограждены штaketным забором эти священные места. Сейчас на каждом из них вместо обелисков установлены памятники из чёрного полированного гранита. Все они, как и памятник жертвам Холокоста в посёлке Мирополь, занесены в книгу «Свод памятников истории и культуры Украины Житомирской области».

Значительный вклад в увековечение светлой памяти своих земляков внёс и Анатолий Розенбойм - один из инициаторов и активный участник приведения в надлежащий порядок всех братских могил.



Памятник в Романовском лесопарке на месте зверского уничтожения и захоронения более 450 евреев местечка.

Белая изгородь, уходящая вдаль, обозначает границы рва, в котором покоятся жители местечка. Конца белой изгороди не видно. За изгородью виден памятник из чёрного гранита.

Памятник (изображённый на фотографии) установлен при содействии нашего земляка, депутата Верховной Рады Украины Виктора Иосифовича Развадовского. Он же посодействовал и изданию моей книги «Забвению не подлежит» о трагической судьбе нашего, некогда достопримечательного местечка. Она замурована в хрустальной шкатулке в основании памятника.

Кстати, отец Виктора Иосифовича, будучи 15-летним подростком, после очередной фашистской акции подобрал еврейского младенца Шейлыка Поташника, принёс домой и весь период оккупации вместе с родителями и семьёй своими братьями и сёстрами скрывал его от презренных полицаев, нежно ухаживая за ним, как за любимым младшим братиком. (К сожалению, из-за бюрократических проволочек, в Яд ва-Шем не сочли нужным наряду с родителями присвоить звание «Праведник мира» и их сыну Иосифу, несмотря на представленные документы).

Списки погибших на фронте занесены в «Книгу памяти Украины» (3-й том, Житомирская область) и в её дополнительный том. В «Книгу скорби» занесены тысячи персоналий жертв Холокоста, поданы они и для занесения на интернет - сайт «Яд-ва-Шем»а.

Материалы о трагических событиях некогда славного еврейского местечка переданы мною в музей «Яд ва-Шем» в Израиле, а также в музеи Холокоста в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они помещены и в моей книге «Забвению не подлежит» (Житомир, «Полиссия», 2000), воспоминаниях наших земляков Клары Вайсман-Мирчевской, Михаила Ройтбурга, Михаила Розенберга, опубликованных в различных журналах, сборниках и альманахах, увековечены в нескольких лентах известного кинорежиссёра Стивена Спилберга. Этим же событиям посвящена и книга нашей землячки Веры Горелик «Простите меня», и публикации в Канаде нашей землячки Малки Блейнис-Пещаницкой, 10-летней девочкой пережившей все ужасы фашистской оккупации.

Леденят душу, не оставляют никого равнодушным и страницы изданной в 2006 году в России книги воспоминаний «Чтобы помнили» нашего земляка Якова Ивановича Рудюка (Янкеля Абрамовича Герца), а также его публикации «Скитания» в сборнике из серии «Анатомия Холокоста» «Последние свидетели» (Москва, 2002 год) и альманахе «Радуга сердец», выпуск № 2, июль 2003 года, город Междуреченск).

Все эти материалы переданы мной в «Яд ва-Шем» для создания на его интернет-сайте рассказа о трагедии еврейской общины Романова.

Член семьи наших земляков Ильи и Туни Шамис, проживающих в Чикаго, Михаил Берман-Цикиновский посвятил трагическим событиям Холокоста поэму «Гитлер и Моцарт», в которой показал, как в недрах одного народа, почти в одном городе, были порождены такие человеческие качества, как гений добра, красоты и света, так и исчадие зла, дьявольского человеконенавистничества, беспросветной мглы. Петербургский

композитор Тимур Коган по мотивам этой поэмы написал ораторию «Венский Кадиш», премьера которой с большим успехом прошла в северной столице. Она вызвала огромный интерес и у жителей Чикаго на грандиозном концерте под названием «Торжество жизни», основная идея которого – подчеркнуть то, что, несмотря на стремление полностью уничтожить наш народ, евреи живут и процветают.

В фойе была развёрнута выставка детских стихов и рисунков. На концерте выступали и дети – внуки и правнуки погибших земляков. Они играли на скрипке, фортепьяно, декламировали стихи, а также представили на выставку свои рисунки. Приурочено к этому событию также издание книги о Холокосте со списками фамилий погибших евреев-земляков. Американская пресса восторженно отзывалась об этом знаменательном событии в культурной жизни Чикаго, о славной семье наших земляков Шамис, которая в полном составе – родители, дети, внуки и правнуки – приняла активное участие в подготовке и проведении «Торжества жизни» о нашем древнем еврейском местечке. Много скорбных слов сказано и о его трагедии, а также увековечении светлой памяти тысяч детей, женщин, стариков, зверски уничтоженных прихвостнями бесноватого фюрера лишь за то, что они были евреями.

В послевоенный период, уже проживая в США, Туня Шамис собрала десятки бесценных экспонатов по истории нашего некогда достопримечательного местечка и передала их отдельной экспозицией в историко-краеведческий музей города Чикаго.

Фрагменты из трагической истории еврейской общины Романова, рассказы о судьбах отдельных семей, о прожитом и пережитом, о праведниках и антисемитах, о невинных жертвах «дела врачей» мастерски воспроизведены и в моноспектакле «Простите меня» по одноимённой книге Веры Горелик её невесткой Тамарой Горелик – артисткой Московского академического центрального детского театра, театра имени Моссовета, творческого коллектива «Ренессанс» и Москонцерта.

Этот моноспектакль с огромным успехом прошёл не только на театральных подмостках Москвы, но и на гастролях в Берлине, не оставив никого из зрителей равнодушным.

На начало 2000 года в местечке оставалась единственная еврейская семья, 17 евреев, входящих в состав смешанных семей, или евреев-одиночек, и шесть еврейских детей дошкольного и школьного возраста. В 2001 году из него репатрировалась в Израиль моя, последняя в посёлке еврейская семья. В бывшем еврейском местечке от евреев остались только могилы и памятники, за которыми заботливо ухаживает оставшийся единственным коренным евреем местечка пенсионер Игорь Поташник и руководитель районной ветеранской организации Семён Бать.

Кстати, портрет матери Игоря, Зины Поташник, сбежавшей с младенцем на руках с места кровавой бойни и ставшей народным мстителем в партизанском отряде, уже многие годы висит в вестибюле Житомирского областного архива, ибо она является образцом стойкости и мужества в борьбе за выживание.

Подобная участь постигла и евреев соседнего местечка Мирополь. Из оставшихся там, в оккупации 960 человек в живых осталась лишь двенадцатилетняя Людмила Цимринг, чудом выбравшаяся из расстрельной ямы. Зверски уничтожены все евреи и в других сёлах района

Трагическая судьба еврейской общины моего родного местечка Романов и района – не исключение. Такая же участь постигла наших соплеменников и в тысячах других населённых пунктов, в которых ступал кованый сапог нацистов. Менялись лишь методы зверского уничтожения нации. В одном месте обречённых сжигали заживо или отправляли в крематории лагерей смерти, в другом – расстреливали или умерщвляли в душегубках, в третьих морили голодом и жаждой, после чего топили в колодцах. А дочку моих знакомых из Житомира двенадцатилетнюю Светочку Ройтфарб, застрявшую во время школьных каникул у дедушки и бабушки в селе, двое полицаев подняли за ноги и на глазах обезумевших от ужаса родных и множества сельчан разорвали пополам.

Разве об этом можно вспоминать без содроганий?!!



Памятник мирным жителям (евреям) Романова, уничтоженным фашистами и их приспешниками – полицией на окраине местечка. Установлен в 1982 году.

Время неумолимо, и с каждым годом наших земляков остаётся всё меньше и меньше. Трагедия еврейской общины моего родного местечка, в котором из более чем трёх тысяч не успевших эвакуироваться наших соплеменников, в живых благодаря подвигу праведников, осталось лишь десяток взрослых и столько же детей, ставит его в один ряд со многими полностью уничтоженными, сожжёнными дотла и стёртыми с лица земли селениями Европы.

Поэтому не удивительно, что этот прискорбный факт не обойдён вниманием в исполняющейся на многих официальных церемониях и встречах песне известного в Израиле и за его пределами поэта, композитора и замечательного певца, лауреата многих, в том числе и международных конкурсов, Давида Блюма «Герои гетто и концлагерей»:

*Есть люди – герои на свете.
Но память о них нелегка.
Евреи, прошедшие гетто,
Фашистские концлагеря.
Нет более мучительных судеб,
Чем те, что пришлось им пройти.
А мы, их потомки, обязаны людям
Трагедию их донести.
Горело гетто, дымились печи...
Шли люди с номерами на руках.
Мечты о счастье, надежды в детях –
Всё обратилось в пепел, пыль и прах.
Но сквозь страдания и униженья
Сердца их дух свободы пронесли.
И в бой вступая, жизнь защищая,
Без страха на смерть они шли.
Берёзовка, Вильно и Балта,
Богдановка и Черновцы,
Романов, Жмеренка, Песчанка,
Доманевка и Трикати,
Тирасполь, Шаргород, Слободка...
Приказ был: «Евреев сжигать!»
Не пересчитать, сколько было всех гетто,
Но внуки должны правду знать.
Как мало осталось героев,
Что помнят лихие года.
Восстали евреи в растерзанных гетто.
На подвиг шли концлагеря.*

***Люди мира! Помните это!
Сегодня террор взрывает планету!
Не дадим же ему ни за что на свете
Превратить нашу землю в новое гетто!***

Не забудем! Не простим!

Романов сегодня



*Административное здание
(В настоящее время памятник В.И. Ленину снесён)*



Мемориальный комплекс воинам-освободителям



Памятник подпольщикам и партизанам



Памятник воинам-интернационалистам



Романовская средняя школа № 1 (с 2005 года – гимназия)



*Районный Дом культуры
(В настоящее время памятник В.И. Ленину снесён.)*



Районная поликлиника



Детская музыкальная школа

Позволю себе снова вернуться к трагическим событиям военного лихолетья, предоставив слово чудом выжившим в той кровавой мясорубке моим замлякам.

Из воспоминаний Янкеля Герца



Не может оставить никого равнодушным и фрагмент воспоминаний о прожитом и пережитом Янкеля Абрамовича Герца, скрывавшегося в период оккупации под именем Яков Иванович Рудюк и сохранившего эту фамилию до конца жизни в благодарность своим спасителям:

«Для нас война началась 1 сентября 1939 года. Мне было тогда 10 лет. На той улице, где мы жили (г. Замостье в Польше), не было ни военных объектов, ни воинских частей. Стояли две крупные мельницы, на одной из которых работал мой старший брат, да недалеко была кафельная фабрика, где работал отец.

Во дворе одной из мельниц в тот день, первого сентября, мы, пацаны, гоняли мяч и сначала не обратили внимания на летящие самолёты. Вдруг услышали душераздирающий вой – это полетели первые бомбы. Мы успели перескочить через ограду и упасть, когда бомбы начали рваться на том месте, где мы только что играли. Два пацана погибли, одного ранило в ногу...

Дома мама сразу же послала меня на кафельный завод узнать о судьбе отца: там тоже бомбили.

Бежал кратчайшей тропинкой и увидел картину, которая до сих пор стоит у меня перед глазами: убитая женщина, а на ней – живой ребёнок, он плачет, пытаясь добраться до груди...

Это был первый день войны. А затем нам пришлось не только увидеть, но и пережить великое народное бедствие – эмиграцию. Как следствие этого бедствия – разорванные навек семьи, исковерканные людские судьбы, попранные права и человеческое достоинство. Как оставить землю своих предков? Родину? Святые родные места?

Однако война гнала. Люди толпой бежали от «прелестей», обещаемых в листовках «освободителей». Лишённые собственных мыслей и чувств, под влиянием разгула страстей люди непрерывным потоком двигались на Восток. Ежедневно людской поток подвергался бомбёжке. В отдельные дни – по несколько раз.

Конечно, весь трагизм, описанный мной сейчас, тогда, будучи десятилетним ребёнком, я не оценивал. Но этот людской поток, пыльный, плачущий, орущий, мечущийся под разрывами бомб и пулёмётными очередями, убитые и раненые, голодные и до смерти напуганные – всё это никак и ничем не вытравить из памяти.

Потом ещё была жизнь в эмиграции – в Советском Союзе, в местечке Дзержинск на Житомирщине. Освоение украинского языка, новых обычаев, приобщение к новым идеалам.

И снова война – Великая Отечественная.

В оккупации мы оказались уже на девятнадцатый день войны. Фашисты развешали свои приказы на стенах и заборах. За невыполнение – смерть! Тут же зарегистрировали всё трудоспособное население и погнали на работу по

восстановлению дороги и аэродрома, разрушенных бомбёжкой. Отправили на работу отца и брата.

Отец сильно похудел и прямо на глазах терял свою некогда могучую силу. В один из дней брат вернулся с работы один, без отца. Он был чем-то настолько потрясён, что мы ничего не могли от него добиться. Поняли только, что отца надо выручать.

Оказывается, отец, окончательно обессилев, упал, и тут же на него посыпались удары плёток и прикладов. Ничего не добившись, палачи, глумясь, с хохотом влили ему в рот из фляжки спирт, и отец пришёл в себя. Затем они заставили его самого и моего брата выкопать глубокую яму. После этого под улюлюканье фашистских палачей сын засыпал в этой яме родного отца. Осталась видна только голова.

В конце дня откопать его не разрешили, и он под охраной остался умирать.

Буквально чудом, через посредников, маме удалось вымолить разрешение забрать его домой. Мы откопали отца, привезли его домой. Но сил ему хватило лишь на то, чтобы немного походить по двору и потом самому уйти в последний путь.

Этот страшный путь оказался последним для многих наших соплеменников. Я сам участник шествия обречённых, беззащитных людей. На улицах стрельба, очень много полицейских. Всех выгоняют из домов и сгоняют в общую колонну. Двигается этот живой поток по главной улице. В него вливается и наша семья.

Мы поддерживаем отца, помогаем ему идти. Он молится. Вокруг него образуется плотное кольцо молящихся. Идёт проливной дождь. По сторонам дороги стоят в касках и плащах фашисты с собаками. Мы идём, как по коридору. И так

до самого здания военкомата, территория которого огорожена колючей проволокой.

Стоит беспрерывный вой, плач, стон. Мы уже думаем, что это конец света, и наши мучения закончатся. Но вот объявили: всем трудоспособным мужчинам отправляться на работу. Отец велел нам с братом оставаться, а сам пошёл к выходу. Большие мы его не видели. Услышали пулемётные очереди, стрельбу из автоматов, винтовок – и всё поняли.

Потом я узнал, что сначала их заставили выкопать большие ямы – для всех, кому было суждено погибнуть. Эта зверская расправа над мирными людьми была совершена в лесу, недалеко от военкомата. А молодёжь, в числе которой был мой брат, расстреляли в поле, рядом с лесом.

Потом вызвали трудоспособных женщин, имеющих одного ребёнка. Большинство оставляли своих детей, без них уходили на смерть.

В этот день палачи не довели своё чёрное дело до конца: устали! И ближе к вечеру объявили, что матери, у кого трое детей и больше, могут идти домой. Мама, мы с сестрёнками и ещё одна, оставшаяся без родителей девочка, наконец, вырвались из этого ада.

Однажды под утро (ещё было темно, как ночью) мы услышали стрельбу и крики. Мама, услышав стук в нашу дверь, открыла окно и с силой выбросила меня на улицу, крикнув вслед, что поручает мне заботиться о маленькой сестричке (её к тому времени удалось отправить к знакомой полячке в деревню).

Маму я больше не видел.

Оставшихся в живых согнали на одну улицу и поселили в нескольких домах. Как я сейчас понимаю, это было гетто.

События этого дня представляются мне теперь сплошным кошмаром. Меня ловили, куда-то вели, я убегал. Стрельба. Меня в числе других куда-то ведут, опять все разбегаются, кто-то кричит, кого-то убили. Вновь ловят. И так до самой ночи.

И всё-таки уже ночью нас, большую группу взрослых и детей, не только евреев, но и украинцев, и русских, коммунистов, комсомольцев, под усиленной охраной, с собаками привели к месту казни. Это было в лесу за прудом. Около большой ямы нам приказали раздеваться. Все разделись, я – тоже. Никаких мыслей уже не было. Что делали все, то делал и я. Через яму лежали доски. Все пошли по доскам, и я пошёл. И тут застрочили автоматы и пулемёты. Как упал в яму – не помню. Видимо, падали в яму все – и я за ними.

Очнулся и не сразу понял, что произошло. Помню сильную тяжесть и темноту. И ещё – тишину. Когда я, наконец, осознал, что произошло, и что я остался жив, начал исступлённо выбираться из груды мёртвых тел. Это было тяжело и страшно. Меня подстёгивал далёкий лай собак.

Не помню, как я оказался в густых зарослях камыша на заболоченном пруду. И опять – провал в памяти. Потом, когда спасшие меня люди помогли мне восстановить ход событий, оказалось, что я пробыл в камышах почти трое суток.



Семья Рудюк, приютившая осиротевших детей

Надо сказать, что нам с сестрой в наших последующих долгих, опасных скитаниях по занятой немцами Украине очень везло на добрых людей, которые, помогая нам, рисковали своей жизнью, жизнью своих детей. Но они не задумывались над этим. Просто спасали нас – детей, попавших в беду. Это их подвиг. Об этом надо помнить. Зло приходит и уходит. Доброта – вечна! И во времена зверств и разнузданной злобы, созданных фашизмом, добрые люди не перевелись и продолжали творить добро».



Яков Иванович, Любовь Николаевна и их дети

Эти факты вопиющего человеконенавистничества в комментариях не нуждаются. Трагические события в нашем местечке недаром считаются предвестником Бабьего Яра. В акте от 27 мая 1945 года читаем: «Расстрелы производились со стороны местной полиции, начальником которой был немец Мольц, а его заместителем – пособник Ткачук Степан. Также активное участие принимал полицей Сягровский Владимир Степанович, который лично расстрелял 700 человек еврейского и украинского населения в парке Дзержинска и по сёлам».

Ещё большей жесткостью отличался полицей Геннадий Сухой, который так и не понёс ни малейшего наказания за свои кровавые злодеяния.

Со времени той ужасной человеконенавистнической бойни

прошло более семидесяти пяти лет, но и сегодня нельзя удержать рыданий, читая воспоминания, рвущиеся из самого сердца немногих оставшихся в живых представителей некогда большой дружной еврейской общины Романова.



Я прошёл сквозь все круги ада... *(Воспоминания Михаила Розенберга)*

Вместе с родителями и сёстрами я проживал в Романове. Мама моя была домохозяйкой, а отец трудился в колхозе "Шлях Ленина".

Я очень хорошо запомнил день, когда началась война. Мы жили напротив базара, где продавали скот. В тот день, узнав о начале войны, люди начали быстро расходиться и разъезжаться с базара. Началась страшная суматоха.

Через несколько дней отец взял в колхозе подводу, и мы собрались уезжать в Житомир к родственникам. Но, к сожалению, не успели. На дороге уже хозяйничали немцы, и нам пришлось вернуться в свой дом, чтобы впоследствии пережить и испытать все ужасы нашей трагедии.

Нацисты и полиция установили новые порядки. Для евреев начались чёрные дни: облавы, погромы, издевательства.

Навсегда запечатлелся в моей памяти августовский день 1941 года. Отец мой вместе со всеми мужчинами (более 700 человек – примечание Г.Ф.) ушёл якобы на работу и больше не вернулся. Он вместе со всеми евреями был расстрелян в лесу и брошен в огромную яму, которую фашисты и полиция заставили их вырыть.

Так я в 9 лет остался без отца, с мамой и старшей сестрой.

Через некоторое время наша соседка чешка сообщила нам, что готовится новая расправа над евреями. Она пожалела нас и спрятала у себя на чердаке в сарае. Об этом не знали даже её родные. Эта женщина не всегда могла нас проведать. Порой мы сутками сидели без воды и еды. Я капризничал, просил пить, а мать меня уговаривала: «Молчи, это очень опасно: услышат и нас расстреляют».

Мы долго там сидели. А когда на некоторое время стало вроде бы спокойнее, покинули своё укрытие. Но вернуться в свою квартиру мы не могли, так как там уже поселился полицай.

Всех евреев согнали в одно место за колхозной пилорамой, в какое-то помещение, и мы разместились там все вместе. Сестра же осталась с подружкой у соседей. Мама считала, что так ей будет безопаснее.

Однажды утром пришли нацисты и полицаи, стали ломиться в дверь и с грубой бранью выгонять нас из помещения. Все поняли: пришёл конец. Дети плакали, прижавшись к родителям. Мама крепко держала меня за руку. Полицаи ворвались, начали избивать нас, выталкивать на улицу. В этой страшной сутолоке я от страха вырвался из маминых рук, протиснулся сквозь приоткрытое окошко и бросился бежать, не зная куда. Я был мал ростом, худенький, вёрткий. Вокруг были огороды, сады. Я бежал стемглав, не сознавая, что меня могут поймать.

Выбившись из сил, я остановился у какого-то дома. Долго не решался войти в него, так как не был уверен, что меня там не выдадут. В конце концов решился. Хозяйкой дома оказалась хорошая женщина. Она сжалилась надо мной и спрятала, хотя хорошо понимала, что если попадусь кому-то из недоброжелателей на глаза, то мне и ей грозит смерть за укрывание у себя еврея. Она мне ласково говорила: «Сиди, сынок, будто я и не знаю, что ты там есть».

Через некоторое время она посоветовала мне, куда лучше идти, где поменьше по сёлам фашистов и полицаев и где меньше проверяют. Но меня тянуло домой, к родным, к маме. Я многого не понимал, мне ж было лишь девять лет. И я вернулся к своим соседям – чехам. Они сообщили мне ужасную вестъ: всех евреев, которых согнали, в том числе мою маму и сестру, а также всех моих родственников, расстреляли.

Я горько плакал, осознав, что остался один, и не знал, что теперь делать. Оставаться у соседей было нельзя. И я пошел, куда глаза глядят, скрываясь в скирдах, сараях, на огородах.

Уже наступила осень, сильно похолодало. Я был раздетый и поэтому пришёл к соседу В. Пекерману, которого немцы пока оставили в живых как специалиста, и которому было позволено проживать в своём доме.

А в это время всех оставшихся специалистов собрали для заключительного отбора. И я опять попался. Нас забрали и заперли в помещении военкомата. Я понимал, чем это мне грозит. Поэтому в полной растерянности метался с одного места на другое. Убежать было невозможно, так как мы находились под усиленной охраной. Спас меня случай. Специалистов начали вызывать пофамильно. И когда назвали фамилию жившего недалеко от нас Шульмановича, я сообразил, что терять нечего, и пошёл вместе с его семьёй. У них дети были моими ровесниками и старше меня. К счастью, никто не обратил внимания на пристроившегося к семье мальчугана. Но, вернувшись домой, Шульманович сказал мне, чтобы я взял, что мне подойдёт из одежды, и уходил, потому что, если кто-то узнает, что я у них, то все погибнут. К этому времени всех оставшихся в помещении военкомата евреев уже расстреляли. А я, воспользовавшись поздним временем и темнотой, снова двинулся в свой горестный путь. Пытался скрываться в укромных, незаметных местах, ночевал, где придётся. Иногда просился в дома, чтобы погреться, переночевать. Кто пускал, кто – нет. Я вырослел не по годам.

И всё-таки меня тянуло в родные места. Когда я пришёл к своему дальнему родственнику Пекерману, он впустил меня и сказал : «Бери, что нужно, и иди».

Зима была суровая. Одежды я не имел. Ходил оборванный, холодный и голодный. К тому же меня донимали вши и короста. Ночевать в скирдах и конюшнях при таких сильных морозах стало невозможно. Я мечтал попасть к партизанам, но заболел. Спасла меня одна добрая женщина – Анна Одарич. Она впустила меня в дом, хотя у самой было трое детей, и её милосердие ко мне могло обернуться трагедией для её семьи, выходила меня, кормила, лечила. Продолжительное время скрывался и в селе Меленцы. Пригрели добрые люди. Помню лишь их имена: бабушка Настя, тётя Галя, Люба...

В последнее время фашисты уже не так донимали проверки. Видно, чувствовали свой конец.

Когда в конце 1943 года советские войска освободили наш район, я с радостью и надеждой встретил их. Я просился к ним, но меня не хотели брать с собой и говорили: «Мальчик, уходи, тебе пули могут оторвать ноги, руки». Но я всё равно шёл с пехотой. Они меня подкармливали. И так я дошёл до города Тернополя. Солдаты, заметив, что я настырный, не отстаю от них, стали приглашать к себе.

Многие из части погибли. Люди менялись. На Тернополь было брошено много немецких самолётов. И почти вся рота погибла. Стою, смотрю на этот кошмар, а тут подбегает ко мне офицер, кричит на меня: «Тебе что, жить надоело?», хватается за руку и тащит в какой-то подвал. Я был тогда ужасно одет, всё не по размеру. На мне была подрезанная, выдавшая виды шинель, большая солдатская шапка, а карманы были полными гранат.



Этот офицер забрал меня в свой полк. Так началась моя фронтовая жизнь. Я попал в 98-й миномётный гвардейский полк, в котором служили Б. Покрас, А.Фёдоров, мой непосредственный командир и воспитатель В.Долгов, позднее погибший. Я стал воспитанником, как тогда говорили, сыном полка. Мне пошили форму по размеру, зачислили в дивизионную разведку.

Солдаты и офицеры любили и оберегали меня. С ними я прошёл до конца войны, освобождая Польшу, Чехословакию. Дошёл до Дрездена. Победу встретил в Германии.

Среди многих боевых эпизодов запомнился мне и такой. Дело было в Польше. Во время миномётного обстрела наших позиций немцам удалось вывести из строя 3 наших «катюши». Фёдоров и Покрас первыми бросились их тушить, чтобы предотвратить взрыв. Под ураганным вражеским огнём мы спасли боевую технику. Но в ту ночь многие мои старшие фронтовые товарищи погибли.



Миша в кругу боевых побратимов

Вскоре после Победы наш полк был направлен в Володар-Волынский, откуда я вернулся в Дзержинск. Дом наш сгорел. Мои родные и близкие все погибли. При встрече с Пекерманом я узнал, что моя тётя вернулась из эвакуации и проживает в Житомире.

Я поехал в Житомир. Но у тётки жить мне было негде, так как она проживала с семьёй в крохотной комнатухе. Поэтому она определила меня к знакомым старикам. Я им помогал по дому, носил воду, одним словом, прислуживал.

В школу я пошёл лишь на следующий год. В вечернюю, в 5-й класс. В 1948 году поступил на учёбу в ремесленное училище, которое окончил в 1950 году. В 1951 году был призван на действительную службу. После армии остался на целинных землях, так как ехать мне было не к кому и некуда. В 1960 году поехал в Киргизию, на строительство плотины. Там встретил замечательную житомирянку Лилу, с которой растим сына, дочку и внука.

Я являюсь участником боевых действий в Великой Отечественной войне. Имею боевые награды.

Горестные воспоминания Михаила Розенберга об утраченном детстве, о его тяжёлых оккупационных злоключениях, о пережитом им ужасе и боли утрат навечно запечатлены в фильме, снятом бригадой всемирно известного кинорежиссёра Стивена Спилберга, о чём свидетельствует его благодарственное письмо. Об этом же узнали зрители Житомирского областного телевидения (1998 год) их двух передач «Чи тільки тернини на шляху знайду...»

SURVIVORS OF THE
SHOAH
VISUAL HISTORY FOUNDATION

3 марта 1997 г.

Mikhail Rozenberg
Pervogo Maia 46 apt. 54
Zhitomir, 262000
Ukraine

Уважаемый господин Rozenberg!

Поделившись с нами своими воспоминаниями о том, что Вам довелось пережить в годы Холокоста, Вы дали поколениям возможность ощутить свою личную связь с историей.

Ваше интервью будет тщательно сохранено как важная часть наиболее полной библиотеки воспоминаний из когда-либо собранных. В далеком будущем люди смогут увидеть лица, услышать голоса, узнать о судьбах. Они смогут слушать и учиться и всегда помнить.

Спасибо за Ваш неоценимый вклад, за Ваше мужество, за Вашу душевную щедрость.

С глубоким уважением,



Стивен Спилберг,
Председатель Фонда

MAIN OFFICE · POST OFFICE BOX 3168 · LOS ANGELES, CALIFORNIA 90078-3168 · PHONE 818.777-7802 FAX 818.733-0312

Благодарственное письмо Стивена Спилберга



*Михаил Розенберг на открытии памятника жертвам
Холокоста в Романове в 1998 году*

Его трижды пытались расстрелять

В государственном архиве Житомирской области в списке убитого немецко-фашистскими захватчиками еврейского населения в период временной оккупации Дзержинского района по гор. Дзержинску под № 390 значится Райтбург Миша Аронович, 12 лет.

Однако, пройдя все круги оккупационного ада, он остался жив. Узнав о готовящейся к изданию книге, Михаил Аронович прислал опубликованный в своё время очерк о нём Э. Аксельрода «Войне пора затихнуть» опубликованный в газете «Днепр вечерний» за 12 октября 1991 года.

Предлагаю его читателям.

Трагедия еврейского народа кровавой волной прокатилась по городам и весям Украины в ту страшную осень сорок первого.

Пусть рассказ одного из очевидцев тех дней напомнит о событиях пятидесятилетней давности.

Наша память – единственный инструмент, которым прошлое связывается с настоящим. Если жива память, можно надеяться, что прошлое, мрачное прошлое, никогда не воскреснет. Не дай Бог ныне живущим пережить то, что выпало на долю поколений, к которым и принадлежит герой этого очерка.

Войне пора б затихнуть

Мать, отец, трехлетний братишка пали от рук фашистов. А он уцелел! За ним охотились, как за диким зверем. Чтобы спастись, замести следы, сочиняет легенду – новую биографию. Придумывает себе другую фамилию, отчество. И... попадает в застенки гестапо, в камеру смертников.

Проходит через истязания в лагере массового уничтожения Дахау. Познаёт труд пленного раба в Мюнхене.

Всё это в годы войны выпало на долю двенадцатилетнего паренька Михаила Райтбурга, жившего когда-то в городе Дзержинске (Романове), а ныне проживающего в нашем городе.

** * **

Его история настолько необыкновенна – еврейский мальчишка с характерным местечковым выговором и с ещё более чёткими национальными отличиями прошел через такую круговерть и остался жив, – что он даже и не пытался раньше кому-либо её рассказывать. Более того, делиться с кем-то своим прошлым было небезопасным занятием. Самые близкие люди советовали держать язык за зубами. Всё равно не поверят, а, глядишь, начнут копать в твоей жизни и докопаются... Был ещё один компромат, который таил в себе не меньше неприятностей. За границей у него были родственники... и довольно близкие. В Америке проживала бабушка, которая, не ведая о наших проблемах, иногда внуку присылала письма и даже фотографии...

Так бы, наверное, он прожил свою жизнь, сохраняя всё в тайне, если бы не события последних лет, когда стали раскрываться секреты и не такие, как у него. Мало того, всё им пережитое перестало казаться сокровенной тайной. Письмо в редакцию он написал после публикации в «Днепре вечером» моего очерка «Чтоб внушки знали».

** * **

Сколько лет прошло после тех событий?! Страшно подумать. Полвека. А он по сей день не может поверить в свою счастливую звезду. Понимает, что ещё труднее будет поверить в такое постороннему человеку. Поэтому первое, что он приготовил к нашей встрече, – папку с документами и фотографиями.

– Здесь у меня есть некоторые доказательства, что я ничего не придумал, – говорит он, развязывая тесёмки своего,

толициной в полпальца, досье.

– Вот справки из Дзержинска о том, что нас всех фашисты расстреляли в 1941 году. Да, да! Всех! И меня тоже. Я ведь тоже значился в списках погибших. Мало кто знал, что мне удалось спастись. А вот я в Дахау, а это уже Мюнхен. Здесь я снялся со своим сербским побратимом, который так же, как и я, вышел из этого лагеря живым.

А это снимок из нашего ещё довоенного семейного архива. Секретная фотография. Мы её всё время прятали. Здесь изображены мои американские дедушка и бабушка. Снимок этот они прислали перед самой войной. И вот вы первый его видите из посторонних.

Он закрывает папку и протягивает её мне.

– Достаточно? Теперь верите? Если да, тогда слушайте мою историю.

– Небольшой украинский городок Дзержинск. Здесь в дружбе и согласии испокон веков проживали люди разных национальностей, в том числе евреи и немцы. Немцы, правда, жили несколько обособленно. У них как бы свой микрорайон – "немецкая слободка", но дружеские отношения от этого не страдали.

Особенно часто в слободке бывает Мишин отец Арон Соломонович. У него там много друзей, благодаря которым он в совершенстве, кроме своего родного языка идиш, владеет ещё и немецким.

Он считает немцев интеллигентными, культурными людьми и не верит слухам, которые распространялись быстрее наступающих гитлеровских войск, о зверствах нацистов.

И, тем не менее, семья Райтбургов, погрузив на телегу свой нехитрый скарб, перед приходом фашистов в Дзержинск, уходит с потоком беженцев на восток. Только разве на бричке далеко уедешь? И после недельных мытарств по забитым беженцами дорогам, узнав, что такие налёты штурмовиков на толпы беззащитных людей, они возвращаются обратно в свой уже оккупированный немцами город.

О том, что здесь ничего хорошего ждать не приходится, стало ясно в первые же дни, после того, когда им было приказано нашить на одежду шестиконечные желтые звёзды. За невыполнение этого требования наказание одно – расстрел. А примерно через месяц всем евреям было приказано явиться в центральный парк «на собрание».

Казалось, годы, толща времени вымыли, растворили в себе все эмоции, страсти, ужас, страх... Казалось... Если б не продолжительные паузы между отдельными словами, если б не замедленная речь и долгий остановившийся взгляд в какую-либо точку современной, хорошо обставленной квартиры.

Какие видения, какие образы всплывают из небытия в памяти в эти мгновения?

Тем, кто не пережил ужас тех дней, как бы ни старались, до конца понять, оценить этого невозможно.

Группа из местных полицаяв, зная, где кто проживает, буквально силой выталкивала людей из их жилищ. Больше всех усердствовал некий Геннадий Сухой – девятнадцатилетний парень, коренной житель Дзержинска. Миша был на пять лет младше этого ретивого блюстителя нового порядка, но хорошо его знал. Так же, как и его брата. Война плугом прошла и по семье Сухих. Два брата и две судьбы. Разных и страшных.

Один – убийца, преступник, проклятый тысячами им замученных людей.*

Другой – солдат, сражавшийся за свою страну и сложивший за неё голову.

Из парка, когда стало ясно, зачем согнали их сюда, им удалось уйти. Уже в темноте, прижав к груди младшего, четырёхлетнего, и не выпуская руки старшего сына, молодая женщина скрывается в густом, почти как лес, парке...

**Сухой Геннадий за участие в массовых расстрелах приговорен заочно после войны советским судом к высшей мере наказания, но скрывался долгое время в Америке.*

И снова...Давайте сделаем ещё передышку. Она нужна рассказчику прежде всего. Да и нам, читатель, тоже. Ему – чтоб набраться сил, перевести дыхание, нам – чтоб ещё больше проникнуться состраданием к тем людям, войти, насколько сможем, в их положение.

Который раз слышу подобные истории, а привыкнуть к ним не могу. Впрочем, возможно ли это!? И знаете, чьё состояние больше всего заставляет до боли сжать кулаки?...Нет, не детей. Они до конца всё-таки не могли осознать всего происходящего, да и рядом были близкие... Состояние их родителей, возраст которых мы уже давно перешагнули, а они остались в нашей памяти вечно молодыми. О чём думала мать Миши в эту страшную ночь под рокот пулеметов, лай собак, гортанные звуки чуждой речи? «Отец не пошёл в парк. Быть может, он жив? У кого искать защиты? С кем посоветоваться? Где и у кого спрятать своих сыновей?»

Подумаешь об этом, и все наши нынешние беды и проблемы меркнут, да и просто исчезают по сравнению с теми.

Ну да ладно, вернёмся снова в август сорок первого.

Она задворками пробирается к себе домой. Может там где-то муж, глава семейства. Никого!... (отца Миши уже не было в живых).

А Сухой и его дружки вновь и вновь обходят квартиру за квартирой, где живут (вернее, жили) евреи. Они все когда-то дружили и часто бывали в гостях друг у друга. Перепуганных и затравленных мать и детей с улюлюканьем выгоняют на улицу. И вновь – парк. Те же овчарки, полицаи, гестаповцы. Только окружение более плотное. И она, наконец, отпускает руку, которой сжимала ладошку своего старшего ребёнка:

– Беги, сынок. Ты должен спастись. Я тоже попробую как-нибудь отсюда выбраться...Может, нам снова повезёт.

Он тогда, конечно, не знал, что это последние услышанные им слова матери, что её лимит на везение полностью исчерпан, а его – только начинается.

Миша ныряет в темноту, в кусты. Автоматная очередь сбивает над его головой ветки с листьями. Но погони нет. Далеко, однако, он не уходит. Как волчонок, бродит он вокруг своего дома, боясь в него войти. Он ищет мать, отца, а вместо них снова, уже под утро, налетает на группу полицейев, своих местных парней. Среди них Сухой.

– Да это жидёнок вон из того дома. Я его хорошо знаю. – Полицай хватает мальчишку за руку и крепко держит. А Миша со страхом и удивлением вглядывается в лицо своего бывшего приятеля, который не скрывает своего злорадства.

Что он такое сделал, в чём его вина перед ними? Почему они так жаждут его смерти?

Мальчишку вталкивают в группу отловленных беглецов и ведут к развалинам кирпичного завода. Там предусмотрительно тоже были вырыты глубокие ямы-рвы.

Он понимал, что пошёл отсчёт последних минут его жизни, если сейчас он что-то не предпримет. Вот они, ямы. От свежей земли исходит дурманящий запах. Он его тоже запомнил. Это – запах смерти. Что ещё запомнилось? Вот рванул на себе ворот рубашки и бесстрашно шагнул вперёд Исаак Кухман. Его Миша хорошо знал. Впрочем, здесь все хорошо знали друг друга.

– А ну, добрые мои сограждане, уважьте старика. Первую, самую меткую пулю – мне...

Те уважили. Грянул выстрел, и Исаак исчез в яме. Это был сигнал. Миша очнулся от оцепенения. Из всех мальчишеских сил он рванулся сначала влево за спины солдат, а потом вперёд. Страх, ужас, инстинкт самосохранения несли его в другой мир, в жизнь. Только не быстрые ноги спасли его тогда. Пули летают быстрее. Спасли две бурёнки, которые, ничего не подозревая, паслись недалеко от этих мест.

– Не стреляй. Коров поубиваешь. – Эти слова какого-то

полицая он тоже услышал и запомнил, всё дальше убегая от места казни.

Итак, очередная попытка его расстрела вновь срывается. Наконец до него доходит одна нехитрая мысль: помощи ждать теперь не от кого. И еще одна. Из города, где его знают, нужно уходить. Он бредёт от деревни к деревне, спит в скирдах сена, ест то, что найдёт на земле, сорвёт с дерева. И думает, думает... Ему нужно изобрести что-то такое, что бы хоть как-то гарантировало жизнь, если снова попадёт в лапы гестаповцев. И придумал. Прежде всего он должен перестать быть евреем. В голове рождается легенда, которую Миша сочиняет во время одной из ночёвок под открытым небом. Итак, теперь он украинец Михаил Архипович Покровский, детдомовец, т.е. сирота. Приют разрушен при бомбардировке. Все дети погибли. Он остался один.

Легенда легендой. А куда денешь характерный диалект, которого у украинцев не бывает? И ещё – куда девать главное национальное отличие? Его он приобрёл в раннем детстве. Кто мог тогда сказать, что религиозный обряд, через который проходили многие мальчишки его национальности, будет для него, спустя десять с небольшим лет, смертоносной отметиной. Но фортуна уже повернулась к нему лицом. Она взяла над ним шефство и «вытаскивает» его из самых невероятных ситуаций, в которых он оказывается во время своей почти двухлетней одиссеи по городам и весям оккупированной фашистами Украины.

Кем он только за это время ни был: пастухом, нищим, сезонным работником, крестьянином, чернорабочим. Но... нигде долго задерживаться не мог. «Жидёнок»! Когда он слышал это шипение за своей спиной, понимал, что и тут его легенде перестают верить. Нужно уходить... Под Винницей его задержал прямо на улице немецкий патруль, заподозривший в нем преступника, Еврея!

Итак, гестапо города Винница. У Миши, как и положено серьёзному преступнику, появился следователь. Он-то и

должен подтвердить состав преступления – рождён не той национальности. У следователя всего лишь подозрение. Мальчик похож на еврея. Но и на украинца – тоже. И твердит все время, что он – «не юде». Ну что ж, есть быстрый вариант разоблачения, раскалывались и не такие. Мишу на сутки запирают в камере смертников. В ней уже опознанные евреи, которым осталось жить только ночь. Есть здесь и стукач. Если парень среди своих оттаёт, разоткровенничается, всё определится легко и быстро. Однако пацанёнок твердит, как попугай, даже в камере одно и то же: «Я не юде, я не юде».

Утром, когда всех обитателей камеры уводят на расстрел, следователь недовольно буркнул: «Этого оставьте на допрос». На допросе потребовалась ещё одна ночь. Опять его сажают в камеру к смертникам, где Миша не ленился ещё и ещё раз рассказывать свою недавно сочинённую биографию. Рассказывает, пока не свалила усталость. Он уснул внезапно для себя. И во сне заговорил. На своём родном языке. Один из сокамерников растолкал спящего мальчишку.

– Парень, болтаешь много лишнего. Не на том языке по ночам тебе нужно разговаривать, если жить хочешь.

Из гестапо в товарных вагонах тех, кто получил отсрочку от смерти, везут в Германию, в концлагерь Дахау. Шёл уже сорок четвёртый год, и фабрика уничтожения стала сбавлять обороты. Хотя почти все, кто сюда попадал даже в то время, были практически обречены, и его снова спасает случай, который для него, видимо, не был слеп. На Мюнхенской овощной базе нужны были подростки для переборки овощей. Хозяйка базы попросила нескольких мальчишек.



Фото на аусвайс, а на другой фотографии Миша с женщиной с Украины (Германия, Мюнхен, 1943 год) Среди узников, выделенных командованием лагеря для этих целей, был и Миша.

– «Знаете, тогда эта немка спасла нам жизнь. – Михаил Аронович снова замолкает и пристально, словно сличая себя сегодняшнего с тем, каким он был почти полвека назад, рассматривает фотографию... – Если будете писать, обязательно укажите адрес, где я тогда работал, жил, укрывался: Мюнхен, Фабрика Вольфа, Батергинер штрассе, 35. Я обязательно пошлю туда газету. Может, та женщина жива. Представляете, какая была бы для неё радость получить от меня такую весточку»

. Ну вот, собственно, и вся история об одном из тех, кого называли тогда «дети войны». Видимо, и у войны были любимцы, которым она сохранила жизнь. Пощадила. Но... отпустить от себя не спешила.

Потом началась мирная жизнь для всех, только не для него. Войну он держал в себе ещё многие и многие годы, десятилетия. Он не имел права на воспоминания. Прояви интерес к его необыкновенной судьбе кто-либо из соответствующих органов, и война могла бы для него

вспыхнуть с новой силой. Свой главный документ – аусвайс – что-то вроде паспорта, полученный им в Мюнхене, он уничтожил сразу же по возвращению на родину. Одного этого удостоверения было бы достаточно, чтоб получить срок. И немалый.

Из Германии Михаил возвращается не в свой город, а в наш, где у него сохранились родственники. Почти полвека, как он, днепропетровец, много лет проработал в системе «Рембыттехники». У него прочная, хорошая семья. Есть дети, внуки. Однако война не ушла из него и по сей день. Она затаилась в памяти и изводит, в основном, по ночам. Сколько раз он снова и снова попадает в камеру смертников, бежит под пулями, просит милостыню на паперти... И, может быть, теперь его исповедь и вот этот рассказ хоть как-то облегчат его участь. Войне пора бы уже затихнуть и в нашей памяти тоже.



Об удивительной судьбе Михаила Ароновича Ройтбурга (на фото он со своей семьёй) рассказано в моей книге «Забвению не подлежит» (Житомир, 2000 год), а также в ряде изданий в США

У моего брата было две матери

(Рассказ Игоря Поташиника о судьбе своих родителей)

Я родился уже после Великой Отечественной войны и о её ужасах, пережитых моим отцом, Поташником Семёном Ицковичем, матерью Зинаидой Шейликовной и старшим братом Шейликом, родившемся в оккупации за несколько дней до начала массовых расстрелов, знаю лишь по рассказам своих родителей и прекрасных, добрых людей, рисковавших собственной жизнью для спасения моих родных.

На описании установленного с приходом фашистов так называемого «нового порядка» останавливаться не буду. Об этом рассказано и написано много. Запечатлены в газетном очерке и мысли моей матери, стоящей со своим новорождённым первенцем на руках возле огромной ужасной ямы, в которую после каждого залпа извергов-полицаев падала очередная группа их односельчан — соседей, недавних товарищей, учивших их учителей, лечивших их врачей.

Так вот, она в этом кошмаре, в этом настоящем аду сумела, сохранив самообладание, незаметно отделиться от обезумевших от ужаса, обречённых, несчастных людей и обратиться к знакомому полицая с мольбой, спасти её и ребёнка. Тот предложил ей положить к его ногам имеющиеся при ней ценности и бежать, при этом заметив: «Я могу цапки забрать и всё равно расстрелять тебя и твоего жидёныша. Но я этого не сделаю. Я порядочный. А если тебя пристрелит другой полицай, то в этом будет уже не моя вина».

Мать сделала вид, что отошла в сторону, чтобы помолиться перед смертью, и когда пьяные полицейские перестали обращать на неё внимание, побежала стремглав, не разбирая дороги. А перед залитыми слезами глазами, перед её затуманенным взором, как в кадрах кинохроники, мелькали ужасные картины дикой, бессмысленной кровавой бойни —

уничтожения ни в чём не повинных людей, преимущественно женщин, детей и стариков.

Очнулась, пришла в себя она уже перед селом Ясногород.

Стала осторожно стучаться в избы, просила разрешения зайти перепеленать ребёнка. Но хозяева, запуганные угрозой смерти за укрывательство евреев, поспешно закрывали перед ней двери. И уже не ожидая встретить человеческое милосердие, она обратилась со своей просьбой к хозяйничавшей во дворе женщине. Та в приоткрытую дверь обратилась к мужу: «Василь, на улице жидовка просится к нам». В ответ раздалось долгожданное: «Впусти».

Так мать оказалась в семье Кузьменка Василия Ивановича и его жены Степаниды Михайловны, у которых было трое детей.

От перенесённого ужаса у матери пропало молоко. Хозяйка, сама кормящая в то время младенца, не раздумывая, приложила маленького пришельца к своей груди. Перепеленав малыша и накормив его мать, она уложила их спать на печь. Пытаясь утром расчесаться, мать обнаружила, что за прошлый день стала совсем седой.

Так как держать еврейку с ребёнком в доме было опасно (это грозило смертью всей семье), хозяин сделал в сарае на сеновале нишу, в которой они скрывались днём.

Но долго оставаться на одном месте было рискованно. И маме пришлось скрываться и в семьях Бондарчук Веры Степановны, Мельничука Степана, которые днём прятали их в сараях, а на ночь забирали в дом, чем могли, подкармливали.

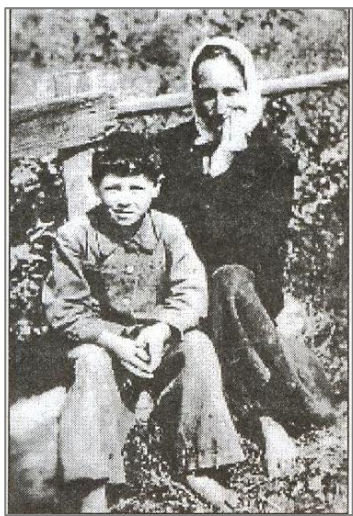
Когда же стало известно, что полицаи разыскивают в селе скрывшихся от расстрела евреев, пришлось срочно уходить от снова приближающейся смертельной опасности.

На окраине Дзержинска есть улица Пригородная, в то время – хутор Сущевици. Там работал завод по изготовлению огнеупорного кирпича. И когда наступила глубокая осень с холодными дождями, скитаться от скирды к скирде, от одного

заброшенного сарая к другому с завшивевшим младенцем на руках матери стало невмоготу, она решилась на отчаянный поступок – оставить своего любимого первенца, своё бесценное богатство, своё счастье у тёплой печи на заводе в надежде, что он попадёт на глаза не подлым юдоненавистникам, а добрым людям, которые на время (а что этот кошмар временный, что фашистов ожидает неизбежный конец и суровое возмездие, она не сомневалась) приютят его у себя.

К счастью, надежды матери сбылись. На доносившийся из грязных лохмотьев детский плач обратил внимание пасший недалеко лошадей подросток Иосиф Антонович Развадовский – будущий отец нашего нынешнего народного депутата Украины.

Он принёс находку домой, и тут обнаружилось, что ребёнок еврейский. Его сразу же искупали, перепеленали, накормили. На следующий день хозяева сообщили о случившемся верным людям, и предложили им взять младенца. Но желающих рисковать жизнью не оказалось, и им пришлось оставить его у себя. Так мой брат Шейлик стал девятым ребёнком Антонины Вильгельмовны Дардалевич, по первому браку Развадовской – бабушки Виктора Иосифовича. Она первой и услышала от Шейлика слово «мама».



На фото: Шейлик со своей приёмной матерью Антониной Вильгельмовной Дардалевич

Местный полицаи, проведая о странном пополнении семьи Дардалевичей, начал терроризировать их, требуя под угрозой смерти доставить ребёнка то на экспертизу, то на регистрацию в управе и

жандармерии. Семье с огромными трудностями удалось достать документ о том, что национальность ребёнка не установлена, и этим ещё раз спасти ему жизнь.

Моя же мать при помощи Василия Кузьменка разыскала своего мужа и скрывалась с ним у Мельничука Петра в Дзержинске, Евы Зинчук в Врублевке и в ряде других сёл.

Во время пребывания в селе Брачки мои родители установили связь с партизанами отряда имени Хрущёва, командиром которого был Левченко. В нём они мстили ненавистному врагу за потерянную молодость, за боль утрат - до освобождения нашего района советскими войсками.

И лишь тогда мой брат увидел свою родную мать. А потом были слёзы при расставании Антонины Вильгельмовны со своим приёмным, но ставшим горячо любимым, как и остальные восемь детей, сыном.



Встреча Шейлика с приёмной матерью после демобилизации

Шейлик не забыл, кто вскормил и вырастил его в самый трудный период, кто спас ему жизнь, рискуя собственной, и продолжал, как и раньше, делиться с ней своими детскими, а потом и юношескими радостями и невзгодами. Он крепко

любил обеих матерей. Они же обе не чаяли в нём души. И когда после службы в рядах Советской Армии Шейлик неожиданно скоропостижно скончался (вероятно, будучи облучённым) у его гроба голосили обе матери, произнося одни и те же фразы на украинском и еврейском языках. Ведь горе не имеет национальности.



Автор рассказа Игорь Поташник (крайний справа) с группой своих земляков у одной из братских могил

Мои родители и брат были безгранично благодарны своим спасителям. И я считаю, что все они, включая и отца Виктора

Иосифовича и он сам, как наследник, за их гражданский подвиг вполне заслуживают присвоения им звания Праведник народов мира. Свой очерк прошу рассматривать как заявку на это.

А в 2003 году Антонине и её мужу Иосифу Дардалевичам было присвоено звание «Праведник мира».

Простите меня (из воспоминаний Веры Горелик)

Сегодня, 21.09.1995 года Борису, моему брату, и мне исполнилось 74 года, а Бориса уже давно нет в живых, нет и младшего братика Ильи – Люсика, погибшего в десятилетнем возрасте в 1941 году вместе со всеми родными, со всем местечком. Сколько же мне ещё отпущено этой жизни, вернее лет ясной памяти: в этом возрасте 3 или 4 года большой роли уже не играют.

Я всегда считала, что жить – значит платить долги: долг перед детьми, внуками, долг перед людьми, которые живут хуже и тяжелее, кому не повезло, долг перед работой, долг и ответственность за всех и перед всеми, с кем связана судьба. Как же я уйду, не отдав свой последний долг родным – погибшим, незабвенным, не рассказав о них, не исповедавшись перед ними в своих ошибках и грехах – они бы таких ошибок не допустили, так бы не сделали... С извинения и начну.

Прости меня, Люсик!

Мой добрый братик прожил всего 10 лет, но он уже был личностью. В нём была заложена доброта: он ходил с бабушкой на базар, не позволяя ей носить тяжести, на улице с товарищами делился всем – игрушками, сладостями. Помню, бабушка пекла хлеб и лепёшки. Люсик получил одну и побежал на улицу,

друзья поделили её между собой, а ему ничего не досталось. Так повторялось три раза. «А мне?» – спросил Люсик, а друзья рассмеялись: «Тебе бабушка ещё даст». Вернувшись домой, он уже здесь не сдержал слёз обиды.

Мы жили средним достатком, небогато. Люсик никогда ничего не просил, а если ему чего-то хотелось, то виновато улыбался и на мамин или бабушкин вопрос: «Ещё дать?» неизменно отвечал вопросом: «А другим хватит?»

Он был очень способный: в 7 лет ходил в библиотеку, читал книги, учился легко, любя школу. Очень любил Бориса и старался на него походить. Борис играл с ним в шахматы, учил играть на струнных инструментах. Он так же, как Борис, приходил в школу за 20-30 минут до начала уроков, чтобы объяснить соученикам непонятное, помочь решить задачи. А в последний наш вечер он сделал домашнее задание по математике за себя и ещё за троих учеников и на мой вопрос «Зачем?» серьёзно ответил: «А это тем, кто ничего не понимает». «Но ты же оказываешь им медвежью услугу», – возразила я. «Понимаешь, Вера, слабым ученикам я помогаю, объясняю, а тех, которые и не хотят учиться, жалко, над ними всё смеются и учитель их ругает, дома родители расстраиваются».

Нас было трое в семье: Борис и я были близнецами, а Люсик на 10 лет младше. Мы очень любили друг друга, но игры не всегда были безобидными. У дедушки и бабушки (они жили в ближайшем селе) во дворе были качели для внуков. Я боялась сильно раскачиваться, и однажды Борис решил отучить меня от этого страха самым же раскачиванием. Я кричала, молила остановить качели – безрезультатно. Спасла меня бабушка, услышав вопли. Сойдя с качелей, я встретила взглядом с Люсиком. «Ну и трусиха ты!» – сказал он, улыбаясь. Напряжение, страх – то, что мы теперь называем стрессом, необходимо было «сбросить». Как? На ком? Конечно же, на самом слабом – я ущипнула Люсика за плечо. Это было 69 лет тому назад, но разве я забуду его плач и обиду: «За что?». Я

сразу, тогда ещё, осознала безобразность своего поступка. Урок я усвоила – нельзя отыгрываться на подчинённых, терпя при этом от начальства, срываться на всепрощающих и потому беззащитных родных и близких – но стыд перед Люсиком не прошёл.

Позже, с годами, пришло понятие «мальчик для битья», оно сродни выражению «козёл отпущения».

Маленького Люсика я тогда сделала таким «мальчиком для битья» в полном и переносном смысле. И как же стыдно за себя и за тех сильных, нахальных, наглых и больно за тех, кого выбирают такими мальчиками – незаслуженно и ничем не оправданно.

Прости меня, Люсик!

Потом началась война. И то, что случилось с Люсиком и со всеми, я узнала от Елены. О ней я должна рассказать и у неё попросить прощения.

Прости меня, Лена!

Это было в 1933 году. Мы жили возле базара и, как сегодня, я вижу – открывается дверь и с клубами морозного воздуха заходят двое: мужчина и очень худенькая девочка. Он обратился к бабушке и маме: «Извините меня – это моя дочка Лена, ей 12 лет. Жену и двоих детей я схоронил, они умерли от голода, её привёл к свояку, но они не берут, назад я её не доведу – до села 6 километров, прошу вас, не откажите». И Лена осталась у нас.

В 1933 году умирали сёлам. Если умирал один, не хоронили, ждали смерти остальных, чтобы не рыть лишних могил. Местечко голодало меньше села. Папа работал экспедитором райпотребсоюза. Они на подводах везли муку с мельниц на склад и каждую неделю им её выдавали жалование. Мукой этой мама с папой делились с нуждающимися родственниками и соседями. Помню, как люди с мешочками

сидели и ждали, а папа, замёрзший с дороги, не успев перекусить, взвешивал на безмене и давал каждому, и просил не благодарить. «Когда голод, – говорил он, – не делиться последним и грех, и стыд».

Елена осталась, бабушка и мама понемножку, чтоб не было заворота кишок, подкармливали её. Она была очень слабой, молча сидела возле тёплой печки (спала со мной), а заговорила только через неделю: на предложение бабушки на ломаном украинском: «Возьми, Лена, поешь», – ответила по-еврейски «данк» (спасибо). Мы были ровесницами. Она быстро выучила еврейский язык, но, как бы не желая остаться в долгу, предложила нам с ней разговаривать на украинском, и это нам очень помогло, когда мы поступили в 8-й класс украинской школы. Математикой она занималась с нами – в их селе школу закрыли: голод косил учеников и учителей.

Люсику было два года. Лена очень к нему привязалась, играла с ним. Временами грустила и плакала, вспоминая свою маму, старшую сестричку и младшего братика. В такие минуты мы все притихали, жалея её, уже познавшую такое горе в двенадцать лет.

Запомнилась и смешная история. К празднику Пурим, как положено, делали подарки. Шолом-Алейхем писал о том, что в каждом местечке обязательно был один сумасшедший и один пьяница – теперь это соотношение радикально изменилось к худшему. В нашем местечке был извозчик Бенья-пьяница, глава бедной многодетной семьи. Жена его была нашей дальней родственницей, и мама попросила Лену отнести им подарки. Они, естественно, не знали, что Лена понимает по-еврейски, а на похвалу Бени, что Рейзеле (моя мама) щедро их одарила, его жена, выкладывая из корзины съестное, ответила: «Прислала много, дай Бог, чтобы они нуждались, как мы, и чтобы мы могли им посылать подарки». Возмущение вернувшейся Лены было безграничным: «Вместо благодарности ещё проклинает!»

Отец Лены вначале приходил один раз в две недели, но

месяца через три посещения стали редкими, а поближе к весне пришла дальняя родственница матери, поплакала, повздыхала и, когда Лена отлучилась, сказала, что отец взял в жёны соседскую дочку двадцати лет. На православную пасху моя мама сложила гостинцев, и Лена поехала с колхозной подводой домой погостить. Вернулась она не через неделю, а на следующий день, рыдающая, переполненная ревностью к сопернице умершей матери, обидой на отца. Мои родители её успокаивали, объясняя, что отец не может жить один, что соседская девочка тоже несчастна – у неё вся семья умерла от голода, их соединило несчастье, – маленькая Лена, сгибаясь к земле, кричала: «Он маму не целовал, а её при мне целует, как ему не стыдно!». Помню, когда Лена заснула, папа неодобрительно отозвался об её отце, который так плюнул в детскую душу.

Лена жила у нас до осени, до нового урожая, но осталась навсегда родным человеком, приходила к нам на праздники, и отец её приглашал нас к себе.

Больше всего Лена привязалась к Люсику, летом приглашала его, то на малину, то на клубнику. Как-то Люсик вернулся домой заплаканный, рассказывая, что, когда они были с Леной на кладбище, она очень плакала, кричала: «Услышьте меня, мне плохо без вас!». Люсик спросил: «Неужели они этого крика не услышали!». Мама, вздохнув, ответила: «Души их слышали».

В войну погибло почти всё местечко. Оставшиеся в живых (фронтовики, студенты) старались приезжать к 25 августа (первый день массовых убийств), иногда в другие дни лета. Казалось, в этой тяжёлой послевоенной, обременённой заботами жизни боль притихла, ушла куда-то глубоко, но, приходя на эти страшные общие могилы – их почему-то называли ямами – мы вновь и вновь понимали: отныне и навсегда вся боль с нами. И я, и другие – все (это подтвердила тётя Зина – одна из немногих, оставшихся в живых после оккупации и водившая нас к могилам) очень кричали и плакали, взывая, как Лена на

сельском кладбище: «Мама, папа, Люсик, бабушка, дедушка, услышите меня!» Я должна была им рассказать, что мы – Борис и я, окончили институт, об этом они мечтали всю жизнь, считали это своим долгом – дать детям образование, что Борис погиб в Румынии, и что, наверное, ничего святого на этой земле нет, если после таких несчастий я живу без них, что я на фронте вышла замуж за хорошего человека и у нас растёт маленькая девочка Рейзеле – Риммочка (в память о маме).

Память почему-то хранит такой случай. Нам уже было лет по 16 (барышни), у меня было нарядное платье из модного тогда эпонжа в клетку. Лена пришла к нам и рассказала, что приглашена к соседской девушке на свадьбу, и я, угадав её желание, предложила ей пойти в этом платье. Дня через два, придя из школы, я застала Лену в слезах: она решила после свадьбы платье постирать – но, то ли ветром его унесло, то ли украли. «Так из-за платья ты плачешь?» – засмеялась я, а она расплакалась ещё громче. «Вера, ты меня лучше ругай, мне будет легче!»

Когда мы с Борисом учились в институте, в 1939 году, мама написала, что они с папой были на свадьбе: Лена вышла замуж за односельчанина, выпускника танкового училища. На свадьбе отец Лены произнёс тост за моих родителей, дедушку и бабушку, спасших Лену от голодной смерти. Господи, придёт ли время, когда будут делить людей на хороших и плохих, честных и бесовестных?! Из всей нашей семьи в живых осталась только Лиза, девочка папиной сестры, и я. Девятилетняя Лиза сумела выбраться из ямы во время убийства. Её спасли дядя Ваня и тётя Лида Масливчуки, рискуя своими четырьмя детьми и собой. И на свадьбе Лизы её приёмный отец просил поднять первый бокал за этих добрых, отчаянных людей. Лене помогли евреи, Лизу спасли украинцы.

Победу мы встречали в Чехословакии. Как мы радовались ей! Радовались сами и радовали живых матерей тем, что остались живы.

Примерно через полгода нашу бригаду перевели в Западную Украину. Сколько отсюда уже после войны бедные матери получали похоронок: шла борьба с бандеровцами, и у каждого была своя правда. А кто знает истину, и есть ли она вообще?

Только в конце 1946-го муж получил отпуск, и мы втроём поехали в Романов. Каждая мать уверена, что лучше, красивее её ребёнка нет. За 74 года я видела Киев, Москву, города освобождённой Европы, теперь – Иерусалим и Тель-Авив, но дороже, лучше моего Романова для меня не было. Там я познала красоту человеческой души, бескорыстие, дружбу, любовь родительскую и к родителям, чувство долга, строгость и нежность бабушки и сердечность бабушек, и принцип: не всё решают деньги – «Ибо нет у смертных ничего на свете, что хуже денег!».

Со станции Разино, где папа всю жизнь проработал экспедитором, мы на случайно встреченном тракторе добрались до местечка. Когда тракторист остановился и сказал:

«Приехали», я не поняла, где мы: нашей улицы вообще не было. Остановились у маминой подруги, которая вернулась из эвакуации. В тот же день я пошла на могилы в лес. Плакивала и родных, и близких, и тех, кто погиб на фронте, умер в эвакуации. Они уже никогда не вернутся домой. Тётя Зина шла со мной, показывала и рассказывала обо всех и обо всём, мы стояли у разрушенных и осиротевших жилищ, откуда выводили с плачем всех, и теперь никого из семей не осталось. Я подумала: из нас двоих лучше бы Борис мой остался в живых. Он был честным, любящим, но коль судьба так распорядилась – моё главное предназначение в жизни – помнить их, говорить о них, они будут жить со мной, пока я жива. После посещения всех могил – ям было 8 – в разных местах – я зашла к матери соученика Ньюмы Курцман – тётке Фриде. Мужа и троих сыновей у неё забрала война. Шёл дождь вперемешку со снегом, и я даже была довольна, что промокла – когда моих родных вели на расстрел, тоже шёл проливной дождь.

Наутро я побежала на молочный сборный пункт, нашла человека, возившего молоко из села, где жила Лена: где она, жива ли? Односельчанин меня успокоил, сообщив, что Лена жива, войну с дочкой пережили, только свекровь умерла в конце оккупации. Муж служит в Венгрии, уже майор, скоро за ними приедет.

И наутро, дожидаясь всё тех же «молочных» подвод, я узнала постаревшую, как и все мы, Лену и четырёхлетнюю красивую девочку. По дороге Лена успела рассказать о своих страданиях как семьи офицера в годы оккупации, но, слава Богу, через пару месяцев муж надеется приехать забрать их после 5 лет разлуки, а пока выручает его аттестат. Я была безмерно рада её положению, тому, что муж остался жив. Должна же ей судьба улыбнуться! Ведь настрадалась она – голод 33-го и раннее сиротство.

Я представила Лене моего мужа Венечку и дочку Риммочку. Лена наклонилась и вынула из кошёлки пирожки в горшочке и расплакалась: «Такие пирожки я носила Люсику. Я его видела за день до ... этого. Я тебе всё расскажу».

В мае 1941 года Лена приехала из воинской части, где они были с мужем, домой рожать. Она родила ребёнка в августе. Односельчане рассказали, что всех евреев согнали на две улицы, которые охранялись полицией. Лена хотела пойти к нашим, но было очень страшно, и свекровь боялась её отпустить. Потом говорили, что большую часть людей убили, а уже осень. Зашла соседка и рассказала, что была на базаре и возле огороженного проволокой забора видела Люсика, очень худого (она знала его раньше, когда он с Леной приходил в село). Соседка его пожалела, сказала, что передаст что-нибудь поесть. «Не надо, – ответил Люсик, – вам это повредит». Рассказ растревожил душу Лены, она помнила его, доброго, жалостливого, с виноватой улыбкой. Упросила свекровь разрешить ей пойти к мальчику. Та её перекрестила на дорогу. Лена испекла пирожки и пошла в местечко. Люсика она с трудом узнала: худенький, бледный, на лице выделялись

большие чёрные глаза, веснушки на переносице, на шее и щеке было два нарыва, наверное, фурункулы. Он был одет в довоенную синюю курточку, которая висела на нём из-за худобы. Моросил дождь, они стояли по обе стороны изгороди и плакали. «Я тебе пирожков принесла», – сказала Лена. «Спасибо, я их потом съем, поделюсь с тётей и девочками». Из бутылки он отпил немного молока. «Я хочу тебе всё рассказать. Мама просила, если придут наши, вернутся Борис и Вера, всё им передать».

«Ты им сам расскажешь», – попробовала перебить его я. «Наверное, не удастся», – сказал Люсик. В свои десять лет он усвоил советскую традицию – события приурочивают к праздникам. Через две недели 7 ноября. «Если не убьют, может, на зиму оставят». Потом уже он, не сдержав рыданий, спросил, рассказывая: «Ну, за что? За что всех убили?! Было так страшно. Когда началась война, взрослые три дня постились, всё просили Бога и надеялись, что Бог поможет, но он их не услышал. Затем началась паника. Уезжать тоже было страшно, семья ведь большая. Папа выпросил у знакомого односельчанина подводу, погрузили кажущиеся нужными вещи, посадили детей. Но дедушке было за 80, он уже два года не вставал. Когда его положили на подводу, он стал просить его не брать, у него всё болело, места для лежачего там не было. Тогда папа сказал, что отца одного не оставит. Остались все. Дедушка ночью умер, а утром в местечко вошли немцы.

23 августа всех собрали в казармы в лесу, где до войны бывали военные сборы. Было очень жарко, воды не было. От жары на вторые сутки люди начали не кричать, а реветь, как скотина, падали в обморок, а теснота была такая, что падать-то было некуда. 25-го утром начали отбирать мужчин. Ни попрощаться, ни дотронуться друг до друга из-за тесноты было невозможно. Ужас в глазах людей, пот и слёзы, когда их уводили, крики: «Быстрее, быстрее!»

«Знаешь, Лена, – рассказывал Люсик дальше, – когда вывели группы по 20 человек (мужчин), в казарме стало

свободнее, и люди – нет, не радовались, а благодарили то ли судьбу, то ли Бога, что стало легче дышать и стоять, а матери говорили детям, просящим пить: «Вот ушли дяди, скоро и мы пойдём, и нам станет хорошо». Скажи, Лена, как жить с таким стыдом?

Где-то к 6-и часам вечера полицаи устали, может, патронов не хватило, они выкрикнули: «У кого трое детей, пусть с ними возвращаются в гетто!». Мама была со мной, у её сестры Шейндл были две дочки – пяти и трёх лет. Мама сказала, чтобы она уходила с девочками и со мной. Тётя Шейндл была младшей сестрой, в детстве она болела scarlatinой и поэтому на всю жизнь оставалась тугоухой. Замуж вышла поздно, у мужа пальцы правой руки попали в пилораму. Они нуждались в помощи, и папа с мамой их поддерживали. Когда Шейндл сказала маме: «Уходи ты с детьми, ты всю жизнь мне помогала», мама ответила: «Я делала, что могла, не для того, чтобы ты расплатилась своей кровью». Все плакали, мама как-то держалась. Хуже всех было бабушке Шиве. Тётя Шейндл зывала к ней: «Мама, скажи Рейзл, чтобы она ушла с детьми», – и не окаменевшая бабушка, а мама ответила: «Как же ты от матери хочешь услышать ответ, кого ей выбрать? Не волнуйтесь, дорогие, за меня. Даже если я уйду – а кто знает, что вам ещё предстоит? Может, живые будут завидовать мёртвым, но, дай Бог, вам выжить, перетерпеть, когда немцу придёт конец. Такая кровь не простится». И мама обратилась ко мне: «Люсик, дорогой, дождётся, будем надеяться, Борехл и Двереле. Я вас прошу, дети мои, не обижайтесь на папу, он не из-за, а ради дедушки не уехал, и на меня не обижайтесь, что я не ухожу. Мы с папой красиво жили, если даже в последний час заодно». Она нас поцеловала, чувствовалось, что силы её оставили. Села с бабушкой на пол казармы, а мы ушли, чтобы её больше не мучить расставанием».

Часа через два в местечко вернулись женщины, у кого были один и два ребёнка. Полицаи это позже объявили, но Люсика

при маме уже не было. От тяжких воспоминаний и от холода Люсик весь дрожал. Лена превозмогла страх и заверила Люсика, что она, дождавшись темноты, заберёт его с собой, но Люсик не согласился: «Тебе нельзя, у тебя ребёнок, и я не оставлю девочек. Тётя Шейндл совсем оглохла, сидит и смотрит в потолок. Девочкам в темноте страшно, а я им сказки рассказываю. Папа же не оставил родителей, мама не ушла ради сестры. Я всё время переживал, кому передам мамины слова, кому обо всём расскажу, теперь мне легче. Если что, ты всё расскажешь». В слезах Лена с Люсиком распрощались. Сделав несколько шагов, она повернула голову ещё раз увидеть Люсика. Он стоял и как-то виновато улыбался. «Это он меня хочет успокоить», – подумала она.

Домой Лена вернулась совсем измученная, плакала дочка, волновалась свекровь. Она поставила на стол Лене молоко и пирожки, и тут Лена поняла, что забыла отдать Люсику пирожки. Улыбнулся ли Люсик, как до войны, прося что-то, оставаясь самим собой, или только прощался – этого узнать уже не суждено. Лена так расстроилась, что свекровь обещала отпустить её опять завтра утром к Люсику, но с утра, приближаясь к местечку, она услышала лай собак, крик, плач, окрики: колонну вели к ямам. Лена вернулась домой.

Пока Лена говорила, мы втроём – хозяйка дома, Венечка и я сидели и плакали. Тут Лена хватилась, чтоб опять не забыть отдать, как тогда пирожки, и вытащила из кошелёчки завернутую в полотенце фотографию Люсика. На ней ему было пять лет, она у неё чудом сохранилась. Лена разрыдалась: «Вера, почему ты меня не ругаешь за то, что я Люсика не спасла?! Кричи, мне станет легче!». Как тогда, когда эпонжевое платье пропало . . .

Мы обнялись, кричали, плакали, и нас с трудом упростили успокоиться, не пугать детей. Девочки, не понимая, за что и кто их мам так обидел, тоже громко расплакались. Я проводила Лену до молокопункта и дала ей адрес московской родственницы – постоянный. Очень многие воинские части в то время расформировывались. На завтра мы уехали из

Романова, увозя с собой боль на всю оставшуюся жизнь.

Вернувшись на службу, мы застали часть в стадии передислокации, адреса постоянного не было, потом пошла демобилизация, после которой мы, демобилизовавшиеся, попали как раз в круговерть денежной реформы, и всё наше выходное пособие из армии в один день пропало. У нас было уже двое детей, и начинать надо было с нуля. Сталин «утешал» народ, объясняя, что «девальвация будет последней жертвой войны». А сколько сталинских жертв ещё будет впереди?! Только через год появился постоянный адрес, на который из Москвы я получила несколько писем, но от Елены писем не было. Написала в село, но конверт вернулся с надписью «Адресат выбыл», и всё, на этом связь оборвалась. Мне стыдно писать об этом, но я не искала Лёну даже в 1956 году, когда начались позорные для нас венгерские события, а ведь её муж в то время служил там. Там ли они были в это время: может быть, ей нужна была моя помощь?

В Романов мы все тогда ездили не часто, отпуска заменяли денежной компенсацией, единственный выходной, когда не было дежурств, был заполнен заботами о детях и доме. А когда на один день выбирались в Романов на попутках, успевали только сходить на все могилы и спешили домой. Я много работала, старалась помочь всем тем, кто в моей помощи нуждался, но это меня не оправдывает. В 1981 году, когда мне исполнилось 60 лет, и я перебирала в памяти хороших и не «очень хороших» людей, сопровождавших меня по жизни, всплыла в памяти Лена и клубы морозного воздуха той поры, когда она впервые пришла к нам, фотография Люсика, размноженная и увеличенная, и пирожки, забытые там, у колючей проволоки. Но как я ни силилась вспомнить название села, фамилию Лёны – ничего не получалось. И надо было, как писал Твардовский, когда он встретил друга детства: «Махнуть на все командировки, чтоб в поезд к другу пересесть». Конечно же, надо было всё бросить, но я этого, к большому стыду моему, не сделала.

Прости меня, Лена!

О судьбе Люсика, о трагическом конце двух его двоюродных сестричек я узнала, когда мы съехались в Романов на 40-летие гибели земляков и родных. Нас приехало 160 человек, из разных городов страны, разных возрастов, от 15 до 80 лет, некоторые приехали с детьми. Прибыли те, кто до войны жил в других городах, а здесь погибли родные; приехали фронтовики, у которых погибли семьи; приехали и те, у кого не было погибших – люди разного здоровья, различных судеб, с разным образованием, но это не имело значения – объединяло всех одно чувство – любовь к родному пепелищу, уважение к отеческим гробам.

Мы шли по знакомым и уже незнакомым улицам от районной гостиницы до могил, а местные женщины через открытые окна перекликались:

– Аню, глянь, сколько жывив понайихало.

– Хвала Богу, не всих побылы.

Это было приятно слышать, значит – мы дома.

После обхода всех могил и открытия Монумена на одной из них мы собрались в местном ресторане, говорили, вспоминали, плакали. Здешний начальник милиции (на всякий случай) поставил у двери наряд, но всё равно кто-то бросил в окно камень. И это тоже означало, что мы дома.

Перед тем, как разойтись, мы подошли к завзалом, к официантам, поблагодарили за труд, и они в один голос ответили: «Что вы, это вам спасибо, так хорошо было, столько людей – и никто не напился».

Все мы внешне изменились, не узнавали многих, встречаясь, подходили и расспрашивали тех, кого не узнавали. Среди них был сравнительно молодой человек, которого я не знала. Он мало чем отличался от остальных, но вид его был явно не здоровый: какие-то потухшие глаза. Я обратилась к нему: «Я Вексельман Двере, у меня здесь...» и перечислила всех

своих по именам. А потом спросила:

– А кто у вас здесь?

Не ответив, кто у него здесь остался навсегда, он быстро заговорил: «Я так рад, что увидел вас, я через 40 лет хочу передать вам привет от Люсика. Меня зовут Хаим Спивак, мы с ним в одном классе учились, а потом вместе в гетто жили. Мой папа был сапожником – Иоел дер Шустер».

Надо ли говорить, что всю дорогу в парк и оттуда в местечко мы были вместе. Он говорил не только о Люсике, но и о себе тоже – первый раз за 40 лет.

Простим его, земляки!

«В то утро 25 октября 1941 года сначала отдельной колонной отвели женщин-матерей, затем повели детей. Я шёл за Люсиком, две девочки держались за руки Люсика. Остановили детей метра за четыре от ямы. То ли патронов жалели, то ли забавы ради, по два полица с двух сторон ямы, подходя к детям, прокалывали штыками животы и живых бросали в ров. Крик, плач, ужасный стон разносился по всему лесу.

Подойдя ближе, Люсик повернулся ко мне и спросил: «Может, броситься в яму самому, чтоб не чувствовать боли?»

В это время, увидев Люсика, полицай крикнул: «Брось сучек!», но Люсик рук девочек не выпустил, и это заняло у полицая чуть больше времени. Я воспользовался этим мгновением и бросился в яму. Встал у стенки рва сначала на коленки, а затем выпрямился, яма заполнилась, её слегка припорошили землёй. Она шевелилась от ещё живых детей. Когда стало темно, я выполз».

Немного помолчав, Хаим продолжил: «Люсик в гетто много рассказывал о тебе, о брате Борухе, и я так хотел вас видеть».

«Почему я не встречала вас здесь раньше? В последнее время я бывала здесь каждые 2-3 года».

«А я за сорок лет только один раз был, когда мне 16 лет

исполнилось, и нужна была метрика для получения паспорта. Я тогда товарищу Литваку адрес оставил. Это односельчанин, который вернулся с фронта и остался жить в Романове. Он мне написал о Монументе и о встрече земляков, и я уже не мог не приехать».

Может, мне не стоило касаться самого больного вопроса: ворошить воспоминания, преследовавшие всю жизнь этого несчастного человека. Я спросила: «Как же ты выжил? Кто тебе помог?» И он тихо ответил: «Я расскажу, ты будешь единственной, кто обо мне узнает всё, может, мне станет легче». Мы сели на скамеечке возле гостиницы (до начала сбора оставалось два часа) и проговорили всё это время. «Вылез из ямы, не понимая, куда идти. Лил дождь, темнота. Всё: рот, нос, уши были забиты землёй, хотелось только лежать, забыться, плакать, но вдруг меня осенило – к Ромке, к дяде Ромке. Он с детства работал подмастерьем у отца в местечке. Ромка говорил на чистом еврейском языке. Он бывал у нас дома, папа иногда брал меня с собой к нему. Вставать во весь рост я боялся, ползком прополз к их домику. Калитка была закрыта. Залаял на цепи пёс, хозяйка вышла, никого не увидев, вернулась, а я лежал, подняться было страшно и не хватало сил. Но собака не успокоилась. Вышел дядя Ромка, открыл калитку, наткнувшись на меня (ещё не видя на кого), втащил в дом, по дороге взывая ко всем богам – и Боже мой, и Гот Майн Тайерер (Боже дорогой).

Первое, что он сказал жене: «Текля, посмотри, нет ли кого на улице». Текля вернулась напуганная: «Ирод-Стёпка возле калитки стоял, спрашивает, чего, мол, так пёс лает?»

– Ну, будь, что будет, – сказал дядя Ромка.

Они, ничего не спрашивая, вымыли меня, вычистили землю из рта, переодели в сухое, уложили на топчан, дали попить горячего, и я забылся. Утром раздался резкий стук в дверь. Перепуганные хозяева дома втокнули меня в погреб, открыли дверь, на пороге стоял Ирод-Стёпка, полицей, и громко говорил: «Прибрали жидёнка, что за это вам полагается,

знаете?! Но я вас не трону, я добрый. Спрячьте его от других, а я за ним приду, когда надо будет!». Ни хозяйева, ни я не поняли, что это значит: «когда надо будет».

«Чего молчите?» – спросил Стёпка.

«А что говорить: – ответил дядя Ромка, – мать бы пожалел свою, она-то в чём виновата?».

«А я чем виноват, что она меня таким уродила, что всю жизнь байстрюком называли, что все надо мной смеялись? Хай я теперь трохи (чуть) погуляю», – рассмеялся, как дьявол, и ушёл.

Закрыли калитку, сени, меня позвали из погреба. Я был весь исцарапан, страшно болела голова, от тяжести трупов ныло всё тело. Молча поели молока с лепёшками и начали думать вслух, что же хочет теперь от всех нас полицай. Он жил на этой же улице с матерью, тихой, прибитой. Родился он примерно в 1920 году, рос без отца (о нём говорили, когда мы приезжали на могилы). Кто-то обидел его мать, когда банды в гражданскую сменяли друг друга. Он родился с криком и плачем, а потом, когда подрос, обижал всех, и плакали от него уже другие: мать, бабушка, дедушка. Он не слушался взрослых, дрался с детьми, кусался, вырывал самодельные игрушки у других детей.

Во всём этом чувствовалась зависть, особенно, когда дети гуляли с отцами. Я его знала с детства, он жил недалеко от дома дедушки в селе, в школе его боялись и ученики, и учителя. Он учился плохо и свирепел, когда одноклассники смеялись над его нелепыми ответами. Два раза оставался на второй год и в 1939 году ушёл из школы. В школе все его сторонились, особенно девушки, которых он, высокий, здоровый, прыщавый, губастый, разлучал с мальчиками на танцах в сельском клубе или на школьных вечерах. В школе ему приглянулась красивая девушка Бася, и он зверски избил её соученика, которого Бася пригласила на фокстрот. Пока этот тип учился в школе, Бася боялась ходить на вечера. После школы он пристроился конюхом в колхозе, халтурил после колхозной работы и стал попивать. Будучи выпившим, бил мать, она ходила в синяках,

но никому не жаловалась. Когда началась война – пробил его час. Он сам пошёл в комендатуру, быстро надел полицейскую форму, ходил с нагайкой и наводил страх на окружающих.

25 августа, когда колонна несчастных двигалась к лесу, он увидел в колонне Басю и стал приближаться к ней, она в ужасе убежала в уже пустой дом, взобралась по лестнице на чердак. Степан настиг её. Крик Баси был слышен на всё местечко, потом раздался выстрел. Боже мой! Что испытывали в колонне её несчастные родители?! Степан догнал колонну и продолжал подгонять людей.

Когда лет через пять после войны мы опять были в Романове, нам говорили, что был суд над полицаями. Все были уверены, что Степан получит расстрел, а получил всего 10 лет, потому что прятал у себя еврейского мальчика из местечка. Это совсем не укладывалось в голове».

Хаим продолжал свою горестную исповедь.

«Хозяева были явно озабочены моим присутствием. Я сказал, что ночью уйду, чтобы они не рисковали, а дядя Ромка мне объяснил, что он решил ночью отвести меня к куму, который живёт в ближайшем районе, где-то на хуторе, но теперь Стёпка отрезал все пути. Он может прийти в любой день, и, если не застанет меня, Бог знает, что от него можно ожидать. Получилось, что мы все трое пленники. Что мог ребёнок 10 лет соображать после вчерашнего ужаса? Но опять появился страх того, что могут прийти в любой момент. Было очень нехорошо на душе от того, что я так подвёл двух невинных людей.

Плакать я не мог, у меня начался озноб, зуб на зуб не попадал. Меня укрыли, а дядя Ромка, может, и сам в это не веря, сказал: «Успокойся, будет и на нашей улице праздник». Зимой я провёл в погребе. Поздно вечером, когда село уже спало, поднимался на кухню. Помню, летом на чердаке я смотрел через щели на улицу, бежала собака, как же я ей завидовал! Она бегала свободно, никого не боясь, а мне так хотелось побегать! А как я боялся любого стука в дверь! Головные боли начинались внезапно и длились 5-6 часов, я лежал, уткнувшись

в подушку, никто меня не трогал. Ночью снились кошмары, и хозяева боялись, чтобы мои стоны нас не выдали. Отношение ко мне было нежное, своих детей у них не было. Тётя Текля называла меня сынок, дядя Ромка по-еврейски – майн кинд – моё дитя. И где-то в тайниках души и у меня, и у них проскальзывала надежда, что кончится война – и я останусь здесь, но всё это меркло при неусыпной мысли о Стёпкиной фразе: «Приду за ним, когда надо будет».

Иногда дяде Ромке давали обувь на починку, иногда он сам приносил работу из местечка, им в погреб для этого был приспособлен верстак. Когда-то мой папа немного меня к этому делу приучал, и теперь я ожидал малейшей возможности что-то делать и с помощью хозяина научился неплохо этому ремеслу. Как-то, придя домой, дядя Ромка, садясь за нехитрый обед, позвал меня из погреба и попросил хозяйку достать то, «что там завалялось». Тётя Текля поставила графин с водкой, и дядя тихо произнёс: «На базаре мне рассказали по секрету, что красные взяли Киев». Хозяева перекрестились: «Хвала Тоби, Господы!». Эту весть дядя принёс в ноябре, «до нас ещё не близко, дай Бог, и мы доживём до святого дня». Но радость была омрачена. Ночью раздался тот стук, которого мы так боялись, это был Стёпка, он потребовал: «Ромка, давай его сюда!». И, не попрощавшись с этими добрыми людьми, я вышел в ноябрьский холод и пошёл к полицаяу домой. Не отвечая на изумлённо-вопрошающий взгляд матери, он открыл погреб и тут же закрыл его за мной. Более полугода я был узником этого выродка. Спасало меня только то, что, когда он уходил, мать его, тётя Мотря, выводила меня из погреба и подкармливала. Она очень плакала, жаловалась на свою судьбу, ведь на любое сказанное слово слышала только «Цить!». Благо, Ирода не было дома иногда по несколько дней. Видимо, любым испытаниям есть предел. По весне тётя Мотря заболела. Сына не было, она сгорела за три дня. Перед смертью позвала меня, сказала, что рада тому, что отмучилась, просила у меня прощения и просила передать сыну, чтобы не мучил людей. Затем она притихла и

совсем перестала дышать. Сутки я сидел и дрожал, не зная, что делать. Затем не выдержал и ночью постучал к дяде Ромке. Оказывается, их ещё днём удивило то, что дымоход у Мотри не дымил.

Дядя Ромка очень осунулся, беспрерывно кашлял: «Чухотка у меня, сынок». Тётя Текля напоила меня чаем, накормила картофляниками, и я ушёл в погреб, а утром дядя Ромка привёл из полиции Стёпку.

Пришли женщины, соседи, все плакали, но ничего не говорили, боясь Ирода. А после похорон явились дружки-полицаи – пили, потом шумели, пели. Больше всего я боялся кашлянуть, чихнуть, сидел и дрожал. Наутро, опохмелившись, Стёпка позвал меня и велел забрать в погреб остатки пищи. Приказал сидеть там же и ушёл. Изредка потом, наведываясь домой, топил печку. Как я в погребе не замёрз, до сих пор не понимаю. Потом он появился, крикнул: «Жидёнок, наверх!». Был в гражданской одежде, красный весь, злой: «Удрали, не взяли с собой! Сволочи! Так вот, Хаим, не сегодня-завтра придут ваши. Я тебе жизнь спас и Ромке с Теклей тоже. Теперь твоя очередь расплатиться!» (Вот зачем я ему был нужен!). «Поедем в Житомир. Там уже, наверное, вся власть вернулась, и ты мне подпишешь у нотариуса бумагу, в которой говорится о том, что я тебе спас жизнь, из ямы забрал и два с половиной года держал у себя. Про Ромку ни слова, понял? А то ты меня знаешь!»

– А к дяде Ромке я могу зайти? – спросил я.

– После, когда всё подпишешь, – ответил Стёпка.

Через пару дней стала слышна канонада, затем крики людей, детей, смех, слёзы – пришли наши! На второй день освобождения Стёпка велел мне привести себя в божеский вид, принёс тёплое детское платье, шапку, ботинки (кому они принадлежали?). Потом посадил меня сзади на немецкий мотоцикл, привёз в Житомир, и я подписал документ, свидетельствующий о том, что во время оккупации находился в убежище в его доме. Свидетелем могла быть его мать, но она

умерла. Всё он, мерзавец, предвидел и продумал.

В местечке за эти дни появились 3-4 уцелевших еврея, были украинцы, мои соученики, и он велел всем рассказать эту «байку». Я ещё раз попросился к дяде Ромке. «Ну, теперь ступай, всё им Расскажи, и пусть они никому правду не говорят».

За эти почти три года войны я видел много слёз и много плакал сам, но как я рыдал и бился в доме дяди Ромки и тётки Текли: я помог убийце спастись!

Понимаю весь этот ужас, я подсознательно его чувствовал (но мне очень хотелось жить). Это был непреодолимый страх – страх смерти. Стёпка мог убить из-за меня и дядю Ромку, и тётку Теклю. Он этого не сделал не ради них, а ради себя, но всё-таки не сделал. Пусть меня все простят, но я себе этого не прощаю!

Я просился остаться у дяди Ромки, но они не согласились: «Ты такой худой, а я харкаю кровью, заразишься и умрёшь. Текля меня досмотрит, а дом мы на её племянницу-сиротку отписали, она досмотрит Теклю. Поедешь в район, тебя в интернат пошлют. Тебе только тринадцатый год. Да сохранит тебя Бог!»

Меня действительно устроили в интернат, потом в ФЗУ, где я учился на сапожника, потом была армия. И если я мужественно терпел головную боль, ночные страхи, то при виде винтовки, и особенно штыка, я начинал кричать, падал, бился головой, пока не наступал тяжёлый сон. Рассказал комбату, замполиту о постигшей меня участи – сразу перевели на кухню, но и учебные выстрелы действовали на меня так же угнетающе. В один из таких приступов меня отправили в госпиталь, в психиатрическое отделение. Ночные кошмары, видения колонн, трупы в могиле, Стёпка и его мёртвая мать не отступали – я становился невменяемым. Меня из жалости забрала при выписке медсестра. Она осталась сиротой (отец погиб, мать умерла от тифа), и вот мы с ней под Челябинском живём уже 20 лет, у нас двое детей. Жена работает в психбольнице, я –

сапожником на обувной фабрике. Спасибо дяде Ромке, он меня выучил. Я даже ударник труда. Приступы у меня бывают 2-3 раза в году. Тогда я ложусь на лечение. Два моих мальчика хотят стать военными, бить врагов, если будет надо. Очень меня жалеют. Я им рассказывал про Люсика – это он спас мне жизнь, натолкнув на мысль, что надо броситься в яму самим.

Бывать в Романове мне очень тяжело, меня гложет стыд перед живыми, мёртвыми, погибшими детьми. Дядя Ромка умер через два года, тётя Текля пережила его на три года».

«Что такое совесть? – спросил Хаим и сам ответил: – Стыд перед собой. Мне стыдно здесь быть – Баси стыдно, её криков».

Я, как могла, успокаивала, говоря что не всем дано быть героями, что в свои 12 лет он имел право на жизнь, что пусть порыв Стёпки был корыстным, но трёх человек он всё-таки спас, и Хаим это помнил, он был первый в жизни, который пожалел выродка. Угрызения совести, память о погибших, покаяние говорят, что душа его чиста, хотя её сильно покалечила война, начавшаяся для него в 10-летнем возрасте и длящаяся до сих пор. Моя мама перед смертью просила не жалеть её, заверяя, что живым будет не легче, чем мёртвым.

Он искупил свой грех.

Я просила его дать свой адрес, но он ответил, что хотя очень доволен нашей встречей, рад, что, наконец, рассказал, как погиб Люсик с сестричками, но переписка – это выше его сил. Сейчас старается забыть прошлое, боится его.

Мы вошли в зал, много говорили, плакали. В какой-то момент председатель сказал:

– А сейчас выступит Хаим Спивак.

Хаим, заикаясь от волнения, сказал немного: «Теперь не верится, что такое можно было пережить. Пусть будет мир! Вспомним убитых!»

Наутро мы разъезжались, я нашла в толпе Хаима и подарила фотографию Люсика (мы, приезжая в Романов, размножали и дарили друг другу сохранившиеся фотоснимки) с надписью:

«Дорогой Хаим! Мы очень рады, что ты жив.

Радуйся жизни! Вексельман Люсик, Двере».

Хаим был очень тронут. Мы расцеловались и расстались навсегда . . .

Простим его, земляки!



Вера Горелик (крайняя слева) на ежегодной традиционной встрече земляков в своём гостеприимном доме. Фото 2010 г.



Незабываемое

*(воспоминания Клары Вайсман-Мирчевской,
опубликованные в «Еврейском камертоне» 9.06.2005 г.)*

Я родилась в живописнейшем уголке Украины – в местечке Романов (ныне Дзержинск) Житомирской области. По рассказам бабушки, великолепный парк принадлежал графине, речка в парке когда-то была полноводной, на острове стоял большой дворец. Во время гражданской войны, говорила бабушка, петлюровцы загнали на остров десять еврейских парней, привязали их к дубам и подожгли. Ребята сгорели, дворец сгорел. От дворца остались лишь незначительные следы. В бывшем парке до войны был пионерский лагерь. Торжественные линейки по случаю открытия и закрытия летнего пионерского лагеря проводились всегда на острове – нас, детей, перевозили туда на лодках.

Был в округе еврейский колхоз «Шлях Ильича». Трудились люди добросовестно. Работала там цегельня: добывали глину и изготавливали кирпич, потом обжигали его в печах (ямы фашисты потом использовали при уничтожении евреев). Открылась артель «Богатофах». Ткачи выпускали дорожки, коврики и прочий ширпотреб; портные шили спецодежду, обувь называлась «Скороход». Продукция Романовского стекольного завода шла на экспорт. Там трудилось много евреев, был прекрасный духовой оркестр, без которого не обходились ни один праздник или демонстрация. Была в местечке и сильная футбольная команда.

В центре местечка стояла очень красивая синагога. Помню разноцветные мозаичные стёкла в окнах. Её ещё до войны превратили в склад. Было построено новое здание еврейской школы. На пришкольных участках трудились ученики. В голодном 1933-м году на большой перемене учащихся кормили горячими завтраками. Об этом заботился директор школы Яков Моисеевич Вакс. Из выпускников школы вышли прекрасные

люди: доктора наук, инженеры, учителя, врачи, военачальники.

В 1937-м году школу закрыли, а ученики перешли в украинскую десятилетку. Тогда же закрыли польскую и чешскую школы.

Романов жил одной жизнью со страной. Ни одно общее горе нас не миновало. От голода умирали люди на улицах, разгребали мёрзлую землю, доставали гнилые овощи, что остались в земле на поле. Чаще других умирали малыши и старики. Трагедия 1937-1939 годов коснулась и Романова (тогда уже Дзержинска). Людей ночью забирали, и редко кто возвращался. 23 февраля 1937 года арестовали наших соседей Цалю Айзичкис и Этю Кац. Полгода их томили, затем выпустили. При обыске изъяли фотографию выпускников бухгалтерских курсов. Приписали им, что это «Сионистская группа». По этой фотографии арестовывали евреев в разных городах Союза.

По призыву партии в 30-х годах уезжали из нашего местечка энтузиасты на строительство Днепрогэса, на шахты Донбасса. Там погиб Шайка Кацман (осталось трое сирот), с переломанными руками вернулся Роман Литвак. У озера Хасан, отстаивая дальневосточную землю от самураев, сражались Шлойма Ингерман, Шмулик Кармазин. В финской войне участвовали наши земляки (Шлойма Шульманович и другие). Молодёжь подалась в города – работать, учиться. Летом местечко оживало. Приезжали в отпуск, на каникулы. Вот и мои сёстры Эстер и Удля (Оля) приехали из Нежина и Шепетовки, где они работали педагогами в школах. Сколько было радости!

Воскресенье, базарный день, много людей на машинах, на подводах. И вдруг – бомбовые удары. Полностью разбомбили в тот день военный аэродром в селе Врублёвка, находившемся в четырёх километрах от местечка. Началась суматоха, крики, плач. Люди стали собираться у репродуктора на площади, где стоял памятник Ленину. Только и было слышно: «Война!», «Война!», «Что будет с нами?»

Районное начальство начало эвакуировать свои семьи.

Жителей же, простых людей, предупреждали: никакой паники! Об эвакуации евреев и речи не было. Объявили мобилизацию.

Скот из коммуны угнали, но по дороге стадо попало под бомбёжку.

Самостоятельно эвакуировалось несколько семей, но те, у кого были маленькие дети, не могли добраться до железной дороги. Станция Разино находилась в 11 километрах от местечка, в Высокой Печи взорвали мост, Житомир горел. 3-го июля Сталин выступил по радио. По указанию свыше была взорвана печь на стекольном заводе. Электричества не стало. Молодёжь послали копать окопы под Мирополь (18 километров от Романова). Над нами совсем низко летали немецкие бомбардировщики. На следующий день всех распустили по домам. В колонну отступающих солдат фашисты бросили бомбу. Возле пожарного депо погиб один человек, а моя бабушка стояла с бочонком кваса и поила бойцов.

6-го июля фашисты без боя вошли в Романов. Будущие фольксдойчи встречали их хлебом-солью (среди них Хмелевские, почтальон Казик и другие). Евреи боялись выглянуть из своих домов. Первой жертвой стал Хаим Литвак: его убили на пороге своего дома.

Вслед за фашистами в местечко пришли «западенцы» — националисты из Западной Украины. Они носили кепки с большими козырьками, узкие брюки поверх хромовых сапог. Вчерашние комсомольцы из украинской школы поступили на службу полициями. И те, и другие, не говоря уж о немцах, с первого дня грабили, избивали евреев, насиловали женщин и девушек. Они велели избрать еврейский комитет, через который действовали. Евреи из комитета ходили по домам, и люди отдавали всё, что у них было, потому что каждый день наймиты фашистов требовали «контрибуцию»: деньги, золото, драгоценности. Всех евреев заставляли носить (пока ещё на руке) лоскут с жёлтой звездой. В один из дней полицаи приволокли к себе Исаака Зилиста, старого, интеллигентного, всеми уважаемого человека, завели патефон, заставили его

плясать. Избивали так, что его крики были слышны во всех соседних домах. Так он и умер, несчастный.

1-го августа в местечко наехали фашисты. Согнали мужчин, и старых и молодых, на площадь, избивали их без разбора, затем погнали через местечко к стекольному заводу, потом через греблю (дамбу) и снова по кругу. Палки и нагайки фашисты передавали по эстафете. Это был круг, наверное, в 8-10 километров. Кто отставал – били до полусмерти, а то и до смерти. Тогда погиб главный бухгалтер стекольного завода Курцман и ещё несколько мужчин (фамилий их я не помню).

Запрещали продавать продукты евреям. В базарные дни на подводах привозили из сёл овощи, фрукты, но евреи не смели приближаться к рынку. Их ежедневно гоняли на уборку картофеля и овощей. С работы шли колонной. Полиции отобрали несколько подростков, заставили рыть яму: одного-двух убьют, остальным велют закапывать. Так недалеко от колхоза «Коммунист» был убит Перец Шпиц. Его мать после этого помешалась, брала подушку и спала возле могилы. Горбатый полицай изнасиловал Басю Сиркину, а потом её убил. Это не единичный случай.

Корову и лошадей у нас забрали. Питались мы кормом, который остался от животных, и лебедой, что росла вдоль забора. Однажды Филиппович (знакомый отца) занёс немного муки. 25-го августа в Романов нагрянули эсэсовцы в чёрных длинных плащах с собаками. На рассвете полицаи выгнали всех из домов на площадь, приказав взять с собой самые ценные вещи: дескать, будут куда-то отправлять. Под ливнем погнали людей через парк, с обеих сторон шли фашисты с собаками и полицаи. Кроме своих полицаев, были ещё из Мирополя. Всех загнали в здание военкомата. Старики молятся, женщины рыдают, дети кричат. Ципа Певна пыталась через окно вылезти, так её полицаи страшно избили.

Вскоре погода прояснилась. Группами стали выгонять мужчин с лопатами. Полицаи говорили, что немецкие машины

завязли и их нужно вытащить. Уводили людей в парк за трассу (дорога Одесса-Ленинград). Там были вырыты ямы с переброшенными через них досками. Всем приказывали раздеваться догола, затем мужчин загоняли на эти мостки и строчили по ним из пулемётов и автоматов. Тогда погибли мой отец и дядя. Так же выводили женщин и молодых девушек. Одних уводили за трассу, других – за лес, за ельник. В тот день фашисты уничтожили около тысячи жителей местечка. Когда соученик-полицай велел Розе Вайсман (очень красивая была девушка) раздеться догола, она сняла туфли и швырнула ему в лицо со словами: «За нас тебе ещё отомстят!».

Ближе к вечеру фашисты поняли, что им не управиться со всеми и начали отпускать жденщин с маленькими детьми. В живых ещё оставили в тот день несколько специалистов (двух портных и двух кузнецов). Вывели нашу семью: бабушку, тётю Голду, маму, старшую сестру Эстерку, жену брата (брат к этому времени погиб возле Барановки – его часть попала в окружение) с тремя маленькими детьми (Асеньке – шесть лет, Дусику – три года, а маленькому Яшеньке – девять месяцев). И я с ними. У самой ямы отпустили Фаню с детками. Моя мама (милая, родная мамочка – сколько печали было в её глазах!), погладила меня и рукой оттолкнула к уходящей Фане с детьми. Ростом я была маленькая и худенькая, сошла за ребёнка. Это она, моя дорогая мамочка, своим прикосновением благословила меня на жизнь. Сколько ночей она не спала, спасая меня, когда пьяный фашист разбил все стёкла в окнах! Меня просквозило, я задыхалась, а моя мама два раза в день ставила мне банки, пока не вылечила.

Так я осталась жива. В тот день погибли ещё моя бабушка, тётя, мама и старшая сестра. Мои сестрички Оля и Нехам в то утро не пошли в парк. Не похожие на евреек, они мимо польского кладбища успели выйти на Врублевскую улицу. До самого вечера их прятал в сарае знакомый отца Корсун. Вечером мы сошлись вместе – я, две сестрички и невестка с детьми. Домой нас не пустили. Дом занял сын Попельнички,

кажется, Шевчук была его фамилия. Мы пошли в дом бабушки на краю местечка, из него было вынесено почти всё. Мы там поселились, а огород при доме некоторое время спасал нас от голодной смерти. Ночами не спали – прислушивались, не идут ли за нами. Весь сентябрь евреев гоняли на уборку картофеля.

То тут, то там убивали людей поодиночке. Трайндл Качко ходила с переломанными руками, не выпуская из рук крошечку-племянницу, которую привезла из Киева на отдых перед войной. Это была дочка Мани Качко и Шлоймы Ингермана.

На дворе слякоть. В начале октября пошли слухи, что на Покров снова будут убивать. Мы решили спрятаться и так пережить страшные дни. Не верилось, что уничтожат всех поголовно. Невестка с детьми попросилась к Бедкович. Та её приняла, а ночью сказала, что нет, пусть уходит, а то фашисты перебьют всю семью. Фаня с детками пошла домой, а в бабушкином доме уже живёт Ольга Гайзлер – местная немка и муж её – чех.

Две мои сестрички, Оля и Нехама, пошли к Эрне (Нюсе) Вольфграмм. В 1933 году моя бабушка подобрала в канаве возле базара сиротку. Она была немка из немецкой колонии Сульжиновка в 20-25 километрах от Романова. Брат привёз её в местечко в базарный день и оставил. Вот так она жила и воспитывалась в семье моей бабушки до совершеннолетия. Подросла, стала работать официанткой в столовой, вышла замуж за Федю, тоже сироту, он воспитывался у своей тётки Насти. Когда освобождали Западную Украину, Федя погиб. Нюся осталась жить у тётки Насти. Нюся часто приходила навещать бабушку, а когда узнала, что бабушка погибла, горько оплакивала её. Когда мои сестрички просили Нюсю спрятать их, она сказала, что не может этого сделать, так как не она хозяйка в доме.

Пошли они в село Врублевка. Хозяин пустил их на чердак, а утром снял с них верхнюю одежду и обувь, припугнул полицией и выгнал. Следующую ночь они ночевали на кладбище в стоге соломы. Голодные и раздетые пошли в

Романов. Зашли к кузнецу Шульмановичу, он сказал, что Фаня с детками ещё жива. Фаня хотела их покормить, но увидела через окно, что идёт самый страшный головорез Голембиовский (сколько жизней он погубил!). Муж Оли Гайзлер открыл дверь в круподёрку и вытолкнул туда Олю. Когда наступили сумерки, она огородами ушла в село. Одну ночь ночевала у директора врублевской школы. Там была учительница химии Роза Фадеевна Шехтман с маленьким ребёнком. Директор школы тоже был еврей. Они погибли через несколько дней. А Фаню с детками Голембиовский увёл.

Нехаму он тоже забрал и всех расстрелял на цегельне. Так 25-го октября, в день своего четырнадцатилетия, погибла моя сестричка. Мне потом рассказывали, что одежду моих племянников носили дети Голембиовского.

Оля бродила, скиталась по сёлам. Начались заморозки. В селе Андрушовка ей дали какую-то свитку (накидка). Добралась она до Янушполя. Там было гетто, евреев гоняли на работы. Многие после работы не возвращались. Готовилась акция, людей увозили в Бердичев и там убивали. Вдвоём с Фаней Портной, девушкой из Янушполя, Оля долго искала партизан. В партизанском отряде она и в разведку ходила, и в дозоре стояла, стирала бельё, ухаживала за тифозными больными, пока сама не заболела. В Ровенской области их отряд был окружён «бульбовцами» (те же бандеровцы). Олю, тяжело раненную, отправили в Москву через линию фронта. Подлечив в госпитале, её направили на педагогическую работу в Черниговскую область. После освобождения Житомира Оля работала в городской школе. Она умерла 14 мая 1998 года.

А я перед акцией в октябре успела уйти из дому. Класс, где я училась, был дружный. Обращалась к своим соученикам за помощью. Несколько дней скрывалась у Мани Лиманец, у Петра Лиманца, у Любы Кондаковой, у Нади Матат. Затем перебралась тайком в село Корчивка. Несколько дней была у Ани Гей. Её муж Трифон на чердаке скрывал Хаима Векштейна. Его жены и двух дочерей уже не было в живых, да и он позже

погиб.

Настало затишье на пару дней. Я ничего не знала о судьбе своих сестёр и невестки с детьми. Пошла в Романов. Погода была ненастная. На мосточке меня встретили двое пьяных (они были без оружия), велели снять одежду. Я сняла пальтишко, калоши и прыгнула с мостика в воду. Сколько я сидела под мостиком в воде, не знаю. Был октябрь, вода покрылась ледяной коркой. Чтобы меня не заметили, я старалась не шевелиться, прислонилась к подпорью (к брёвнам под мостиком). За ночь косички примёрзли к бревну, пришлось потом их отрывать. Силы меня покидали. Вся дрожала.

Утром шла женщина с вилами на плече, заметила меня, подняла. На ногах я еле держалась – они были опухшие, как вата. Повела к себе домой на хутор. Это была Мария Ильинская – жительница села Врублевка. Обмыла, накормила, посадила на печку, заложила барахлом, чтобы меня не было видно. Собрала своих детей (а их было четверо), предупредила, чтобы они никому обо мне не говорили. Вечером Тоня и Лида выводили меня на улицу подышать. Два месяца эти добрые, отзывчивые, бескорыстные люди – семья Ильинских, выхаживали меня, рискуя жизнью своей и своих детей, делили картофель и молоко между своими детьми и мной. Хлеба не было. В базарный день глава семьи – Иван Ильинский отправился в местечко, чтобы узнать у коваля (кузнеца) Путы, кто из моих жив. Ответ был печальным – неизвестно, где Оля, а Нехаму и Фаню с детьми убили 25-го октября. Сердце сжималось, а жить так хотелось!

Однажды зашёл в дом несчастный оборванный мужчина. Сказал, что он вырвался из плена. Это был Эля Шамис. Я его сразу узнала. Он меня не заметил. Хозяйка его накормила. Она ему велела держаться подальше от райцентра. На хуторе искали самогонные аппараты. Ильинские боялись, что я попадусь на глаза полициям, и сказали, чтобы я, пока пройдут эти обыски, где-нибудь походила, а потом к ним вернулась. Опухоль у меня на ногах к этому времени немного сошла, дали мне сапожки, старую фуфайку, благословили, и 25-го декабря начались мои

новые скитания.

В том же селе попросилась на ночь, хозяин пустил меня в коровник, а ночью пришёл, обругал и выгнал. Почти ползком я добралась до скирды соломы. Там спряталась. Машины ездят по дороге, а мне всё кажется, что это меня освещают. Добралась утром до села Стовпив. Женщина, у которой я ночевала, увидела мои ветхие сапожки, направила в село Шуляйки к своему куму-сапожнику, чтобы он починил их. Я нашла дом, сказала, что меня кума Мария послала. Не успела договорить, как пришёл сын сапожника, поставил в углу автомат, увидев меня, зашагал по комнате и сказал мне, что всё равно «всіх жидів виловлять і вбють, краще пійти в Романів і здатися». Отец стукнул кулаком по столу и крикнул: «Не чіпай дівчини!» Я хотела уйти. Но меня посадили за стол.

Это было 7-го января 1942 года, на Рождество. Все ели праздничный ужин и меня накормили. Оставили ночевать. Я лежала на скамейке, смотрела, не выходит ли из другой комнаты сын-полицай. Утром хозяин дал мне чуни (резиновые калоши), я оставила сапожки и ушла.

В этом селе жила моя соученица Оля Кулик. Её дом был у самой дороги, но я рискнула и зашла к ней. Пару дней у неё скрывалась, один день была у Насти Линиченко. Из Шуляек пошла в Романовку. Попросилась переночевать. Хозяйки дома не было. Девочка увидела, что я такая озябшая (накануне ночевала на кладбище), велела мне на печку залезть, погреться. Тем временем зашёл староста, увидев меня, поинтересовался, кто я и откуда. Пришла хозяйка. Я наврала, что из приюта, издалека. Пришлось, однако, рассказать правду... Староста сказал хозяйке Гале, чтобы она меня никуда не отпускала, что завтра он принесёт ботинки на ноги. В это время ловили бродячих евреев, возили на цегельню, где были глиняные ямы, и на аэродром, где после бомбёжки остались глубокие воронки, – и там убивали.

Утром я направилась на вокзал (станция Разино). Попросилась на ночь. Хозяин (Мусий) знал моего отца. Вместо

чуней он мне дал какие-то большие ботинки и портянки. Дал совет: перейти на ту сторону железной дороги, где её охраняют мадьяры. До райцентра Любарь от железной дороги 25 километров, полицаи туда наведываются редко, а здесь бывают часто и могут меня опознать. По ту сторону рельсов в стареньком домике жила добрая женщина Христя Новак со своим сынишкой. Она мне помыла голову, выварила в золе мою нижнюю рубашку.

От неё я перешла к Згерским. Ядзя и её мама Юзя всегда давали мне место для ночлега. Это были чуткие, добрые люди. Они меня жалели. Фашисты говорили, что когда покончат с евреями, возьмутся за поляков. В районе станции жило много поляков. Днём я пересиживала у Филинских, а на ночь меня забирали Згерские. Скиталась из дома в дом, из села в село. Много сёл обошла. Приходилось днём в скирде соломы пересиживать, а на ночь проситься к кому-нибудь.

Однажды в селе Витовцы попросилась ночевать. Ещё не рассвело, когда со двора зашёл хозяин и сказал, что в село наехало много полицаев на лошадях. Я вышла во двор. Что делать? Куда идти? Темень, мороз, а снежные сугробы выше меня, дороги не видно. Проваливаясь в снег, еле живая, добралась до села Мани. В крайней хате меня обогрели, накормили, стали расспрашивать, кто я и откуда. Я сказала, что я из приюта. Меня направили к бабе Олёне, старой одинокой женщине. Она, мол, обрадуется моей помощи. А у бабушки Олёны все стены завешаны фотографиями сыновей – лётчиков Красной Армии. Я побоялась у неё оставаться: ведь к такой могут скорее наведаться полицаи или немцы.

Направилась в село Меленцы. Хотела попроситься переночевать, но увидела в хате знакомую Настю (домработницу Шлоймы Шульмановича). Она меняла посуду на зеркало. Я тут же вышла, но Настя успела женщинам шепнуть, кто я. В этом селе я несколько дней жила у Александры Бондаренко (девичья фамилия Назаревич). Жила она с сыном

Алешей. Он теперь живёт в Донбассе. Я помогала ей шить мешки, вручную молоть зерно. Через несколько дней пришлось уйти: сосед стал намекать ей, что она прячет «жидівку».

Настала холодная и голодная весна 1942 года. Я пошла в село Горопаи Любарского района. Поселилась, если можно так сказать, у сестры Александры – Текли Назаревич (ныне покойной). У неё было двое детей трёх и шести лет – Оля и Витя. Продуктов не было. Перед Пасхой я ходила по домам, крестилась (единственный мой грех!), просила милостыню. Этим мы вместе питались. Люди начали обрабатывать огороды, сажать картофель. Мы с тётёй Теклей ходили помогать. Кто даст ведёрко картошки, кто глечик молока.

Можно было весной уж и лебеду пощипать, варить щи. До этого ходили на поле, доставали из мёрзлой земли гнилую картошку, свёклу. Нечем было топить. Ночью как-то пошла щипать, вернее, красть солому. Меня заметил объездчик, избил и отобрал солому. На следующую ночь мы уже пошли вдвоём с тётёй Теклей. Удачно.

По соседству жила Мокрина Боцанюк со своими детьми. Старшего, Андрея, увезли в Германию, а остальные были ещё маленькие. Послала меня к ней как-то Текля молоть зерно. А Мокрина вдруг спрашивает:

– Правда, ты евреечка?

– Нет, я из приюта.

– Не бойся меня, – говорит она, – Гриша, сын мой, видел тебя у нашей родственницы на вокзале, ты просилась на ночь.

Я стала её просить никому об этом не рассказывать. Пусть земля ей будет пухом – в самые трудные, критические моменты я обращалась к ней за советом, она меня защищала и от злых языков спасала. Бескорыстная, добрая, работающая была женщина.

Как-то я трудилась на огорожке у Текли. Мимо шла женщина навестить своих племянников-сирот. Фашисты и местные полицаи убили её брата, осиротив троих племянников. Она остановилась, расспросила меня, откуда я. Снова я свою

басню про приют рассказала. Она предложила мне перейти к ней жить.

Я посоветовалась с тётёй Мокриной и согласилась.

Так я попала к Соломинской Ярине. Она жила с мужем Василием Файдором. Им было уже за пятьдесят, детей у них не было. Они хорошо ко мне относились, особенно дядя Василий. Работала я тяжело. Надо было ходить вместо хозяйки на работу (колхозы тут сохранились). Был назначен немец-эконом, «зондер» его называли. Жил он в соседнем селе Липине, часто сюда наезжал, если кого-то заставлял дома, а не на работе, страшно избивал.

Был огород, корова. Я помогала по хозяйству. Всё боялась, чтобы не узнали, кто я на самом деле. Как-то тётя Ярина очутилась рядом с секретарём управы Кавуном. Она стала его проклинать, что из-за него погиб её брат Клим, что дети остались сиротами. А он (секретарь управы) ей в ответ: «Мовчи, бо щей тебе провчу, що ты держишь жидівку». На следующий день мне прислали повестку – явиться в управу. Пошли мы вместе с тётёй Яриной. В управе староста задавал вопросы, секретарь всё записывал, а местный полицей стоял на пороге с автоматом. У меня трясутся руки и ноги, но держусь. Рассказываю свою басню про приют. Даже соврала, что, мол, могу принести справку из того села, где приют был, но это очень далеко.

На дворе февраль 1943 года. Вьюга, метель, холод, я одета в лохмотья. Всё записали и отпустили нас домой. Я незаметно пошла к Мокрине, рассказала всё, спрашиваю, что мне делать. Вечером тётя Мокрина пошла домой к старосте Ивану (кажется, Гуменюк была его фамилия), представила меня родственницей её Гали, что живёт на вокзале (на станции Разино), поручилась за меня, вызвала чувство жалости ко мне. Староста сказал, чтобы я никуда не ходила за справками. Поверил ли он Мокрине, не знаю, только меня больше не трогали. Но жила я в тревоге, всего боялась.

Вскоре и меня под фамилией Соломинская внесли в список для отправки в Германию. Тётя Ярина отвела меня к деду Калюжному, он меня прятал в подвале, пока прошла шумиха. В лесу однажды встретила еврея из нашего местечка. Попросила, чтобы он никому не говорил, что знает меня. Он пас коров, помогал Кате Зелинской по хозяйству. Когда в село зашли эсэсовцы, Катя его прятала. И вот этот самый мой земляк (ныне покойный) чуть меня не погубил. Он рассказал Кате обо мне, а Катин брат жил неподалёку – дома наши были рядом. И он сказал моему хозяину, что я еврейка, а хозяин, в свою очередь, мне передал, что меня выдал еврей, который живёт у Кати. Я вся так и обмерла и снова принялась доказывать, что я из приюта. Ведь моего хозяина брат сотрудничал с немцами в Любаре. Что тут говорить...

Я очень тяжело работала. Никогда не забуду, как мне пришлось весной 1943 года грузить гнилую картошку в вагоны в Печановке. Боялась, чтобы никто не встретился из романовских. Грузили здоровые бабы и я, обессиленная, во всём рваном. У хозяйки моей стоял сундук с дорогими вещами, с кожухами, а я ходила такая оборванная. Я рада была, что не догадывались, кто я. О покойниках плохо не говорят, но тот знакомый сделал мне ещё одну пакость. Когда в начале 1944 года наши освободили Романов, он сходил туда, а потом принёс мне письмо от моей Оли, она тогда работала после госпиталя (без документов, позже восстановила) в Черниговской области, в селе Носовка, учительницей. Письмо он мне отдал, но сказал Ярине (моей хозяйке): «Она скоро от вас уйдёт, я ей принёс письмо от сестры».

А я хотела дожидаться тепла, потому что, как уже сказано, ходила в лохмотьях, хотела попрощаться с хозяевами красиво, сказать, что я их не забуду и т.д. Но после «услуги» моего знакомого я чувствовала себя неловко. В апреле 1944-го, во время весенних каникул, Оля с большим трудом добралась до села Горопаи, и мы с ней отправились пешком через станцию Разино в Романов.

Меня приютила семья Павла Степановича Филипповича. Павел Степанович и Нина Степановна стали мне родными. Сама я выглядела, как «мужичок с ноготок» (большая рваная фуфайка, непарные сапоги – один сапог сорокового размера, голенище выше колена, а второй – маленький – голенище ниже колена).

Своих недавних хозяев я навещала, привозила им подарки, хотя сама была до того бедна, что аж светилась. Должна рассказать ещё об одном, не знаю, как назвать. За Новоград-Волынском, где расстреливали евреев, был склад с рваной одеждой. Сельчане пешком ходили туда (а это далеко, ночевали в каких-то сёлах), меняли самогонку на вещи погибших. Моя хозяйка отправилась с кумой туда, трое суток её не было. Приволокла оттуда мешок с вещами. Позвала соседку, которая умела шить, чтобы она мне пошила пару вещей, но я отказалась.

Сказала, что оно всё рваное, я такого не хочу. Она эти тряпки отдала своим племянникам. Делали ли они что-то из этого, не знаю. Мне эти тряпки долго ещё снились. Перед моими глазами мелькали люди, взрослые, дети, с которых срывали верхнюю одежду, а может, и нижнюю. Я думаю даже теперь: если б они знали, кто я на самом деле, они бы меня, может, не выдали, но и не держали бы ни дня. А жила я у них с лета 1942 по март 1944 года, примерно год и восемь месяцев. Жила я у Соломинской Ярины. У неё на нарах лежали подушки до самого потолка (первый муж её был из богатой семьи), а спала я на кулачке на печке. Дядя Василий, правда, бывало, ей говорит: «Дай девушке подушку». А она отвечала: «Вот надерёт перьев, то и будет подушка». Я у них вечерами пряла пряжу, драла перья.

Война и пережитое не сломили меня, не стала я жестокой. Мне хотелось только добро делать людям, добрым людям. Я всегда помнила, что в тяжёлое для меня время чужие люди давали мне ночлег, не позволили погибнуть от голода. Поэтому люди, и знакомые, и чужие, всегда находили у меня приют, уют и внимание. Двери моего дома всегда были открыты для всех. После изгнания оккупантов в Романов вернулось из эвакуации

несколько семей, возвратились с фронта израненные бойцы (Глуз, Литвак). Собрались немногие спасшиеся, чудом выжившие во время оккупации. Их всего было пятнадцать человек. Ныне их осталось в живых пять человек, рассеянных по всему свету.

В местечке осталась одна еврейская семья – Гарри Борисович Фельдман, его супруга Раиса Вульфовна, их сын Борис (в 2001 г. и они репатриировались в Израиль). Романов перестал существовать как еврейское местечко. Осталось много еврейских могил в парке, за трассой, на цегельне, на аэродроме. На средства, собранные родственниками погибших, а также их земляками, поставлены памятники и ограды на всех могилах.

Огромный труд во всё это вкладывает неутомимый, бескорыстный Гарри Борисович. Он написал и издал книгу о людях нашего местечка «Забвению не подлежит». Пусть ему сторицей воздастся добром за благородный, неоценимый труд. Он следит, чтобы братские могилы и еврейское кладбище были в надлежащем виде.

Однако вандалы не дают спокойно лежать в могилах нашим безвременно погибшим родным. То и дело разрушают ограды, раскапывают могилы, а безответственные власти не реагируют.

Всем смертям назло я выжила! Каждый прожитый день был для меня подарком. Мой долг велит помнить всех близких, родных и земляков, тех, кто лежит в безымянных могилах.

Жаль только, что не всех головорезов нашло возмездие. Ещё гуляют по свету убийцы Сухой, Голембиовский, Гончарук, Сягровский...

Пусть будут вознаграждены те люди, которые помогли мне выжить, выстоять, кто, рискуя жизнью, жизнью своих детей, меня спасали. Всем, кто жив, низкий поклон, пожелания добра и счастья. Тем, кто не дожил до сегодняшних дней, – за их бескорыстие и мужество, пусть земля будет пухом. Они – воистину Праведники (Ильинская Мария, Боцанюк Мокрина,

Назаревич Текля, Филиппович Павел). Их дети, которыми они рисковали, чтобы спасти других, заслуживают звания Праведник мира: Ильинские Антонина и Андрей (с. Врублевка), Назаревич-Наумчук Ольга, Назаревич Виталий (с. Меленцы Любарского района), Боцанюк Антонина, Боцанюк Сергей (с. Горопаи Любарского района), Филиппович Нина Степановна, Филиппович Нилла Павловна (Дзержинск), Мельничук Владимир.

По моему ходатайству присвоено звание Праведник мира Ильинским Антонине и Андрею из Врублевки, Назаревич Текле из Меленец (посмертно), Боцанюк Мокрине (посмертно) из Горопаев. Филипповичам Павлу и Нине, а также их дочери Ниле присвоено звание Праведник Украины.



Вспоминать тяжело, забыть невозможно

(Из воспоминаний Лизы Вексельман, после удочерения Микельман, а теперь по мужу Барской).

Когда началась война, мне было 9 лет 1 месяц и 15 дней. Пишу это не ради точности, а потому, что впоследствии я хорошо осознавала, что каждый прожитый до войны день был настоящим счастьем. Отец мой умер ещё до фашистского нашествия. Я с мамой жила у дедушки Вольфа и бабушки Баси в селе, названия которого не помню, по улице Гусяковской. Село находилось в двух километрах от местечка Романова (По всей вероятности, речь идет о селе Врублевка – примечание автора). Мама работала в колхозе. Я хорошо помню, как началась война. Колхоз нам выделил две подводы, чтобы доехать до железнодорожного вокзала, находящегося в 10 км. от

села, а дальше поездом туда, где нет войны.

Наша семья и семья старшего маминого брата погрузили свои небогатые пожитки на подводы и двинулись в дорогу. Отъехав недалеко от села, дедушка остановил подводы и категорически отказался ехать дальше, ссылаясь на то, что немцы в 1918 году хорошо относились к евреям. И мы вернулись, но не в село, а к дяде в местечко. Сразу же после этого в него вошли немцы. Через две недели дедушка умер.

В августе месяце 1941 года немцы издали приказ – всем евреям явиться в военкомат. Мужчин отделили от женщин и детей и партиями куда-то начали выводить. И мы в течение нескольких дней слышали выстрелы и поняли, что творится неладное.

Я была очень подвижным и сообразительным ребенком. И когда начали выводить женщин с детьми, я сумела пробраться между ног людей и убежать к себе в село.

Прибежала я к однокласснику, который жил только с мамой. Они очень нуждались, и мои родные в мирное время часто им помогали чем могли. Они и приютили меня. Я также ходила к соседу-сапожнику, который меня подкармливал. Так я жила до октября месяца 1941 года. К этому времени полиция и немцы начали проводить облавы на евреев, скрывшихся от массовых расстрелов. Жить в селе стало опасно, и бригадир колхоза, в котором работала мама (к сожалению, его фамилии не помню), забрал меня к себе и спрятал на чердаке. Там я прожила всю зиму. Больше он держать меня не мог, так как это угрожало и его жизни, и как только потеплело, посоветовал мне выйти на насыпь, которая соединяет село с железной дорогой, и попытаться добраться до неё.

К тому времени я уже чётко осознала, что никаких иллюзий относительно того, что кто-то из моих родных остался в живых, быть не может, и что мне в свои неполные 10 лет самой предстоит вести борьбу за выживание. Украинский язык я знала хорошо, выросла в селе и ничем не отличалась от сельских украинских детей. Бригадир посоветовал мне называться Лидой.

И я пошла. На железнодорожном полотне мне встретился мужчина, и я попросила его взять меня к себе в няньки. Он ответил, что няня ему не нужна, а нужна пастушка для коров. Семья его состояла из трех человек: он, жена и сын – Адам. Других имен не помню. Я пасла коров до осени.

К моим хозяевам часто заходил их друг – железнодорожник Масливчук Иван, у которого было двое маленьких детей. Мои хозяева уговорили его взять меня в няньки, и он, посоветовавшись со своей женой, согласился, выдав меня за свою племянницу. Жили они на станции Печановка. У Масливчуков я прожила до прихода Красной Армии в наши места в конце 1943 года.

Среди бойцов, занявших железнодорожную станцию Печановка, был немолодой солдат – связист Микельман Чиера Мошкович, у которого погибла вся семья – жена и четверо детей. Случайно он увидел меня через окно. Я ему очень напомнила его младшую дочь, и он подозвал меня. Я ему поведала всю свою печальную историю. Но ему не хотелось в это верить. Ему казалось, что я – его спасаемая дочь. Он вместе со мной пошел к моим благодетелям и начал их просить, чтобы они меня отпустили к нему. Они соглашались отпустить меня только после окончания войны, так как ребёнку опасно в армии.

Но Микельман, которого я сразу стала называть отцом, настоял и, с согласия его командира, оставил жить в воинской части. Через некоторое время часть из Печановки двинулась за фронтом. Уже на следующей станции Мирополь началась страшная бомбёжка, и погибло множество людей. Отец очень просил меня спрятаться в укрытие, а я заупрямилась и не пошла. В укрытие попала бомба и все погибли. Так и на этот раз по воле судьбы я осталась жива.

После этой бомбёжки нашу часть перебросили в Киев на переформирование. Командование больше не разрешало мне находиться в части, и отец определил меня в детдом в Киеве. В нём я находилась до демобилизации отца в январе 1946 года.

Демобилизовавшись, отец женился на воспитательнице

моего детдома, к которой я очень привязалась, забрал меня и создал дружную семью. Голда Абрамовна стала мне хорошей матерью, а отец во мне души не чаял.

Я окончила школу, работала. В 1954 г. вышла замуж за летчика Барского Сергея Давидовича. В 1955 году у нас родился сын. Сейчас воспитываем двух 16-летних внучек - близняток. Наш сын – инженер строитель, невестка – программист. Мы с мужем – пенсионеры.

И хотя моя послевоенная жизнь сложилась удачно, и с тех трагических событий прошло уже почти 60 лет, время бессильно залечить незаживающие раны. Оно лишь немного притупило боль тяжёлых утрат и горечь за обожжённое войной, утраченное детство.

Вспоминать об этом тяжело, но и забыть невозможно. Да и не имеем мы права такое забывать. Об этом мы должны рассказывать своим детям и внукам, родным и близким, знакомым и незнакомым, писать в газеты и журналы, выступать по радио и телевидению, заполнять страницы в интернете, издавать книги. Об этом должны знать все. Знать и помнить, чтобы не допускать никогда и нигде подобных трагедий.

15 июня 2000 г. г. Киев

История Малки Пищаницкой

*Перевод с английского воспоминаний, опубликованных
в Канаде, где сейчас Малка проживает*

«Некоторые люди стремятся быть богатыми, некоторые хотят быть сильными и здоровыми, другие желают славы и знаменитости. Но мудрецы используют свои сердца для знания, только чтобы знать, что они могут понимать цель своей жизни и работу над своей судьбой до конца света». (Из писания от Моисея).

Я хотела бы познакомить читателя с некоторыми особенными, очень добрыми и мудрыми людьми, которые своей сердечностью и сочувствием помогали моей матери и мне пережить тяжёлые утраты при тотальном уничтожении евреев.

Я, десятилетняя Малка, была свидетелем двух массовых экзекуций и одного злоключения. Накануне уничтожения нашей общины еврейское население было вынуждено жить, главным образом, в нечеловеческих условиях гетто. Это существование приводило к болезням, голодной смерти, страху и другим физиологическим проблемам.

25 августа 1941 года началась кровавая бойня – уничтожение еврейского населения нашего местечка. Кровь просачивалась из огромных могил, в которых, среди сотен убитых, раненые и погребённые заживо люди из последних сил, ни на что уже не надеясь, боролись за жизнь. Два или три дня могилы издавали голоса жизни, но внять этой ужасной, леденящей душу мольбе никто не мог.

В первые дни этой беспримерной трагедии две массовые (братские) могилы были выкопаны и наполнены людьми моего посёлка. Третья была не готова, когда пришло моё время быть убитой.

Поэтому мать и я чудом спаслись от смерти. Мы были постоянно в бегах, абсолютно одни, скрываясь от антисемитов, которые принимали участие в уничтожении евреев. Темнота, молчание, голод, жажда – всё это было нашей «собственностью и тяжёлым багажом», которые мы носили из села в село. Это были места нашего выживания, расположенные в 5-6 км от Романова, украинского местечка, где я родилась и стала свидетелем повального уничтожения евреев.

Первым селом, в которое мы пришли, был Ясногород. Мы провели там зиму 1941, скрываясь, в основном, в стогах сена и сараях, выбирались оттуда лишь ночью и, стучась в двери незнакомых людей, умоляли проявить милосердие, дав нам возможность согреть тело, которое болело от обморожения и постоянного голода.

Эти блуждания сопровождались большим риском столкнуться с сельским полицаем или каким-нибудь евреененавистником, который захотел бы убить нас.

Весной 1942 года я решила поискать счастья в другом селе, которое называлось Монастирек. Тут я встретила Лидию Конончук – настоящую женщину-христианку, которая смогла увидеть через завесу времени возрождение Израиля, воссоединение выживших евреев на Святой земле. Она была почти единственной, кто дал возможность моей матери и мне ощутить, что мы – народ с будущим. Она заставила нас поверить, что возможность выжить есть, что однажды Бог простит еврейский народ и даст ему Обетованную землю, которая была утрачена им много веков назад.

Лидия Конончук была настолько бедная, что не могла дать мне и корочку хлеба, но я почувствовала, что она могла помочь спрятаться моей матери. Женщина скрывала нас в своём доме на протяжении 8-10 месяцев, пока сельский староста не выдал её полиции в Романове.

Мы пришли в дом Лидии ночью, чтобы остаться незамеченными, так как не могли никому доверять.

Моя мать пряталась у Лидии на чердаке, а я добиралась в соседнее село, где за работу с утра дотемна в садах у людей получала еду. После наступления темноты я могла возвращаться домой и приносить «урожай» за день.

Лидия имела троих детей: двух сыновей и дочку Александру, которой в то время было 17 лет. Семья страдала от голода, поэтому дочка Лидии была вынуждена работать в Романове прислугой у богатых людей. Она редко приходила домой проведать свою семью. Однажды осенью из Романова пришли нацисты, чтобы забрать молодёжь на работы в Германию. Мы об этом не знали и оставались в доме вместо того, чтобы быть на чердаке. Племянница Лидии Верка знала, что её тётя скрывает в своём доме евреев, а также и о последствиях в случае их обнаружения. В большой панике она побежала к тётке Лиде, чтобы использовать любой шанс спасти

нас и семью. Но оказалось, что такого шанса уже нет. Нацисты быстро ходили из дома в дом, и опасность увеличивалась.

В это время неожиданно пришла домой проводить мать Александра. Вскоре после её прихода ввалились нацисты, и мы могли видеть их ботинки и шпоры из своего укрытия под кроватью.

Александра сама отдалась в руки офицерам гестапо и вместе с другими парнями и девушками была отправлена на железнодорожную станцию для депортации на работы в Германию. Её случайный приход домой в тот день спас, как нашу жизнь, так и жизнь всей её семьи. Не сделав этого, она дала бы повод нацистам в поисках её обыскать весь дом и при этом найти нас. В этом случае они убили бы всех и сожгли дотла дом.

Какое чудо, какой счастливый конец!

Спасая нашу жизнь, Александра была благословлена всевышним, который помог ей убежать с железнодорожной станции и дал возможность спастись от подневольного каторжного труда в Германии.

Я стала в то время матерью для своей матери. Думаю, что я была очень счастливой девочкой в очень горестное время уничтожения еврейской нации. Темень, безмолвие, жажда, голод, нечеловеческие условия жизни – все эти беды были нашими неотъемлемыми спутниками, сопровождавшими нас при перемещении с места на место. Я так благодарна Ха-шему, нашему Господу за то, что оставил мою мать живой! Я знала, что не могла бы выжить без неё, хотя не она меня, а я её прятала и кормила во время войны. Дело в том, что моя мама говорила по-украински с еврейским акцентом и не могла в случае опасности бежать так быстро, как я. Поэтому я не согласилась с её идеей стать попрошайкой. Я могла заниматься этим сама и занималась. Я знала, что моя мать глубоко скорбит по поводу тяжёлых утрат. Поэтому тянула на себе всё сама. Я, десятилетний ребёнок, прятала её в различных укрытиях, таких, как сараи, кусты, скирды, сеновалы, чердаки и других. Все эти

места укрытия были известны только мне. Я ходила по украинским сёлам от двери к двери, говоря каждому, что я – оставшийся в живых еврейский ребёнок и что у меня есть мать, скрывающаяся в лесах, и я исполняю роль матери для своей матери. Многие люди симпатизировали мне и давали кусок хлеба. Мне казалось чудом, что они помогали маленькой еврейской девочке. То, что я выжила – тоже чудо.

Заподозрив Лидию Конончук в укрывательстве евреев и не добившись от неё ответа на вопрос: «Куди подівалися кляті жиди?», полицаи так избили патриотку, что следы от этих лютых побоев остались на её теле до конца жизни. (Справка автора сборника).

P.S. Лидии Конончук и её дочке Александре Дитковской, а также женщине из Гвоздярни – Нине Макарчук (посмертно) присвоено звание «Праведник Мира». Три женщины рисковали своими жизнями, прятали нас (меня и маму), верили в победу еврейского народа и в возрождение еврейского государства. Хорошие люди в Ясногороде, Монастырьке и Гвоздярне скрывали нас по несколько дней, хотя это всегда сулило им опасность. (Из письма Малки Пищаницкой от 19 января 2000 года своему однокласснику – автору сборника).

Присвоения звания «Праведник Мира» заслуживают не только эти три женщины. И верили они не только и не столько в победу еврейского народа, сколько в победу советского народа в Великой Отечественной войне. Эта вера помогла не только выжить, но и бороться с ненавистным врагом всем порядочным людям на временно оккупированной территории.



Малка Пищаницкая, которая 10-летним ребёнком, пройдя все семь кругов ада, выжила благодаря не столько чуду, сколько доброте, отзывчивости и порядочности, готовности к самопожертвованию многих простых людей, которых, к счастью, оказалось значительно больше, чем извергов-полицаяев. (Примечание составителя сборника)



Память сердца

На моём столе встретились две уникальные семейные реликвии некогда большой дружной семьи моих славных земляков Шульмановичей: присланная недавно из Чикаго фотография и семейный альбом, именуемый «Памяти дорогой Марии Моисеевны», полученный мной три года назад из города Саратова.

Это не просто реликвии, а красноречивые свидетельства большого масштаба трагедии, глубины человеческого горя, неизлечимой боли, всеобъемлющей скорби и вечной памяти сердца, это достойная отповедь тем подлым наглецам, которые пытались отрицать Холокост.

Со снимка 1936 года на меня смотрят 29 членов нескольких поколений семьи потомственных кузнецов Шульмановичей. Была у них ещё бабушка Лейка, отсутствующая на фотографии, как и ещё несколько родственников.



Семья Шульмановичей. Фото 1936 года

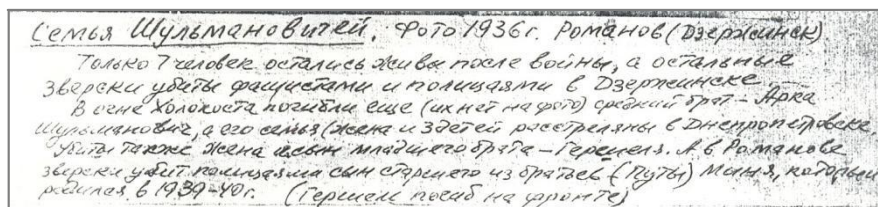
Прилагаемое к фотографии письмо и подтекстовки к снимкам в альбоме в комментариях не нуждаются.

«Уважаемый Гарри Борисович!

Прежде всего выражаю Вам благодарность за ваш неоценимый вклад в сохранение памяти обо всех погибших в Романове. Мы – дети и внуки жертв Холокоста – должны помнить о погибших, помнить, что они – жертвы нацизма только потому – что евреи.

Своими очерками (речь идёт об очерках «А было-то оно достопримечательным еврейским местечком» и «Зловещий предвестник Бабьего Яра») Вы способствуете тому, чтобы наши потомки знали и помнили об этой ужасной трагедии. Спасибо Вам!!!

... Только семь человек (из изображённых на фото) остались живы после войны, а остальные зверски убиты фашистами и полицией в Дзержинске. В огне Холокоста погибли ещё (их нет на фото) средний брат Арка Шульманович, а его жена и трое детей расстреляны в Днепропетровске, жена и сын младшего брата Гершеля, который погиб на фронте, а также родившийся накануне войны сын старшего из братьев (Путы) Миня.



Сейчас из всей этой огромной родни в живых остался только один я – Григорий Янкелевич».

Автор упоминаемого альбома – Илларион Малиц – муж одной из представительниц этой славной семьи – Марии Моисеевны Шульманович, свою глубокую скорбь вынужден приносить и на братские могилы в бывшем Романове, где зверски уничтожены фашистскими прихвостнями 27 родных и близких его жены, и на местах массовых расстрелов своих родных на Виннитчине.

В оборудованном им в своей квартире «Мемориале памяти», наряду со многими уникальными экспонатами, имеются и стенды с надписью: *«Здесь хранится земля братской могилы, где покоятся останки моего дяди, тёти, сестры и двух братьев».* Надпись на памятнике гласит: *«Вечная память отцам, матерям, мужьям, жёнам, детям, братьям и сёстрам – жертвам фашизма, погибшим в 1941-1945 годах в Ильинцах. Память о них навсегда сохранится в наших сердцах».*



г. Саратов. 1983 год.

Малиц Илларион
Степанович.

И ещё одна надпись:

«Здесь хранится земля братской могилы, где покоятся останки моего отца, матери, сестры, вместе с десятками тысяч людей зверски

расстрелянных в сентябре 1941 года в Виннице. Я завещаю своим детям, внукам, правнукам и всем потомкам нашего

рода вечно беречь и, как зеницу ока, хранить эту священную реликвию».

А разве можно без содрогания читать страницы его альбома, ставшие исповедью безграничной любви, неиссякаемой скорби, неизлечимой боли и вечной памяти?

«Мой дорогой отец, мой дорогой папочка!

Глядя на твоё милое, дорогое лицо, которое смотрит на меня с твоего портрета, сделанного с чудом уцелевшей маленькой фотокарточки, глядя в твои умные, проникновенные глаза, на твой большой, открытый сократовский лоб, вижу – ты встаёшь в моём воображении живой, деятельный, трудолюбивый, вечно в заботах, вечно в труде, вечно с большой, бескорыстной любовью к своей семье, к своим друзьям и товарищам, ко всем знакомым и незнакомым людям, которые встречались на твоём жизненном пути, всегда готовый всем прийти на помощь умным советом, добрым словом, своей ласковой, несравненной улыбкой. Тяжёлая, трудная доля выпала тебе – рано познал горечь и унижение, добывая кусок сухого чёрного хлеба. И позже, соединяя свою судьбу со своей несравненной женой, с нашей дорогой, милой мамочкой, став отцом троих детей, уходя на воинскую службу, испытывая весь ужас окопной жизни Первой мировой войны, отступление русской армии под натиском немецких армий, радость победы в знаменитом Брусиловском прорыве и горестные муки плена, в котором ты очутился в австрийском Линце, на родине бесноватого фюрера, который потом, по истечении многих лет, сыграл роковую роль в твоей судьбе, в судьбе всех людей, оставшихся под кованым сапогом немецких извергов, ты прочувствовал весь ужас унижения и несправедливости.

Мог ли ты знать,
 мог ли ты думать
 тогда, когда,
 вырвавшись из немецкого
 плена, вернувшись к
 своей семье, вернувшись
 в страну, объятую огнём
 гражданской войны и
 свирепых погромов,
 вернувшись с таким
 трудом к
 устанавливающейся
 мирной жизни, что
 вместе со своей семьёй,
 вместе с тысячами и
 тысячами безвинных
 людей ты закончишь
 свой жизненный путь на
 той бесконечной
 литинской дороге, в
 том чёрном лесу, в
 том страшном
 противотанковом рве,
 где тебя, твою семью
 настигла автоматная
 очередь проклятых в
 веках немецких извергов
 и их украинских,
 петлюровских
 прихвостней?! Прощай,
 мой дорогой отец,
 прощай, мой дорогой папочка».



Фото одного из стендов
 семейного Мемориала

В апреле 1946 года, когда после демобилизации я пришёл к
 этим кровоточащим ямам, ещё видны были следы той страшной
 человеческой трагедии, разыгравшейся здесь на месте казни

тысяч и тысяч людей, среди которых были и мои родные: ты – мой дорогой отец, ты – моя дорогая, незабвенная мамочка, ты – моя дорогая сестричка.

«Мама, мама, моя родная мамочка! Это я обращаюсь к тебе – твой самый младший сын, твой Люся, твой ребёночек, как ты меня ласково, нежно называла. Сквозь толщу прожитых лет, горестных и страшных испытаний, твой образ светится теплом, дорогое, милое лицо – несравненной улыбкой. Как жаль, что не осталось твоей даже крохотной фотокарточки – всё сгорело в вихре пожарниц, в вихре уничтожающего урагана, который унёс тысячи человеческих жизней, их дома и жилища, улицы и переулки, где они радовались жизни, горевали и грустили.

Теперь, по истечении стольких лет, в моём затуманенном воображении встаёт твой светлый образ, твоё чудесное милое лицо, всегда озабоченное за судьбу своей семьи, детей, родных, знакомых. Твои нежные красивые руки всегда были в работе, в непрерывном труде по бесконечным домашним делам, по выпечке вкуснейшего, нечерствеющего домашнего хлеба, по приготовлению замечательных, запомнившихся на всю жизнь яств, по воспитанию своих трёх сыновей и единственной боготворимой доченьки. И ты всюду и везде успевала. Твои быстрые, расторопные руки не знали усталости, не знали отдыха. А какая же ты была красивая в своём великолепном чёрном шарфе в дни наших семейных торжеств, за нашим большим семейным столом в кругу своей семьи, своих детей, бесчисленных наших родных и друзей, всегда разделявших с нами эти незабываемые дни, эти незабываемые минуты домашних торжеств!

...Что-то тягостное и горестное было в дни моих зимних каникул того далёкого 1940 года, когда я в последний раз посетил свой дом, своих родных, тебя, моя дорогая мамуля. В воздухе как будто висел злой рок, во всём чувствовалось, что мы видимся в последний раз, расстаёмся навсегда. Твоё дорогое лицо, моя родная мамочка, светило сквозь окно уходящего

поезда... Этот немеркнущий свет возник передо мной в последний прощальный раз. Я тогда ещё не знал и не мог знать, что через считанные дни после начала той страшной войны вы попадёте в когти немецко-фашистских извергов.

Слёзы, бесконечные потоки горьких слёз льются из моих выцветших глаз при мысли о вашем страшном мученическом конце, который вас, мои дорогие, застал на краю той кровавой ямы от рук немецких извергов и их петлюровских сообщников.

До конца наших недолгих дней мы, твои сыновья, стоя на коленях перед твоим священным образом, не можем себе простить, что, будучи на фронте, не смогли вас защитить, оставили вас, наши дорогие, оставили тебя, мамочка, наедине с этим зверем, наедине с немецко-фашистскими извергами. Прощай, моя дорогая, прощай, светлый немеркнущий образ, который негасимым огнём горит в моём больном истрадавшемся сердце. Будь благословенна в веках твоя светлая память! Да святится в веках твоё имя, любимая мамочка!»

В альбоме, аналогов которому, наверное, не существует во всём мире, в этом высоконравственном и в то же время высокохудожественном произведении редчайшего жанра, который я назвал бы не поминальной лирикой, а гимном любви и образцом верности и человеколюбия, и которое вполне заслуживает права на издание отдельной книгой на всех языках, нашлось место и для воспоминаний обо всех других членах семьи. И было бы кощунством не привести здесь, хотя и со значительными сокращениями, обращение к сестрёнке:

«Рая, Рая, моя дорогая Раюся, моя единственная сестра, милая, несравненная!»

Я смотрю на твоё прекрасное, дорогое лицо, и слёзы, умиленные, горькие слёзы непрерывным потоком катятся из моих старых измученных глаз, и в памяти всплывает твой милый дорогой образ, твоё лицо, и я возвращаюсь туда, в наше незабываемое детство, в наш дом, к нашим дорогим родителям, к нашим старшим братьям, ко всем нашим родным

и знакомым, к нашим друзьям и товарищам, с которыми мы вместе росли, радовались жизни и огорчались неудачам. Ты, моя дорогая, была единственной нашей сестричкой, и мы, трое твоих братьев, вместе с нашими родителями с малых лет, с приходом к нам нашего сознания, боготворили тебя. Ты всегда была для нас кумиром, окружённая постоянной трогательной заботой и вниманием, любовью и восхищением. Ты была красивой и восхитительной в своём синем, так гармонирующим с твоим лицом, костюмчике. А восхитительные длинные косы!.. Моя дорогая Раюся, моя дорогая сестричка! Мы вместе росли – твоё большое сердце, твой ум, привычки и навыки, неуёмная жажда познания всё то, прекрасное и неповторимое, что было в тебе, к моему великому счастью передалось мне – твоему младшему братику, твоему Люсеньке. Всё, что есть во мне хорошего, что я старался пронести через свою трудную и прекрасную жизнь, – всем, всем я обязан тебе, моя дорогая. Это ты мне привила трудолюбие и аккуратность во всём, это твой незабываемый, неповторимый голос звучал во мне всю жизнь, с того далёкого, навсегда ушедшего времени, когда ты, вместе со мной склонялась над букварём, и твой душевный голос, твои милые слова помогли мне на всю жизнь познать прекрасный, неисчерпаемый мир знаний. Ты от природы, по своему призванию была учительницей. Пришла в этот мир сеять разумное, доброе, вечное. И теперь, через время прожитых лет, когда я пишу эти скорбные, трепетные строки, на меня вновь нахлынули воспоминания. Всколыхнулись те чувства, незабываемый восторг, который мы все, твои родные и друзья, испытывали во время твоей защиты дипломного проекта, твоего, с таким блеском проведённого показательного урока. Я отчётливо слышу и тот гром аплодисментов, которыми твои благодарные и очарованные слушатели тебя наградили, когда ты закончила свой урок, когда строгие и взыскательные члены экзаменационной комиссии, не будучи в состоянии сдержать свой восторг и изумление, встали с мест, и их аплодисменты

слились в едином аккорде с аплодисментами всех присутствующих.

Потом ты уехала в тот далёкий, милый край, в благословенный Романов, в Дзержинск, в ту приземистую, маленькую начальную школу, в класс, в среднем ряду которого сидела маленькая, шаловливая, необыкновенно красивая девочка Мусенька Шульманович, глядела на тебя своими большими глазами и пытливым детским умом схватывала каждое произнесённое тобой слово. Я посетил те благодатные места и до мельчайших подробностей помню наши очаровательные прогулки по великоленному лесу, по той бесконечной, так чисто убранной лесной дорожке, тех милых, добрых встречающихся нам людей, которые, по местному обычаю, здороваются со всеми знакомыми и незнакомыми встречными людьми. Я помню ту площадь возле почты, где я играл в футбол с местными мальчишками и тот маленький балкон, где я читал газеты внимательным слушателем той тревожной и трагической поры 1937 года. Это ты, моя дорогая, ввела меня в величественный и прекрасный мир великой русской литературы и оперной музыки. Это ты, моя дорогая, привила мне любовь к русскому языку, к его неисчерпаемым богатствам, раскрыв несравненную красоту его. От тебя, моя дорогая, моя восхитительная, я получил последнюю прощальную открытку в те роковые, тревожные дни июня 1941 года с предупреждением не ехать домой на каникулы в нашу родную Винницу, т.к. немцы скоро её займут.

К нашему большому горю так оно и получилось – всего через три недели после начала войны, 18-го июля 1941 года немецко-фашистские изверги уже топтали священную землю благословенной Винницы. И вскоре, через полтора месяца, 17-го сентября 1941 года, вместе с десятками тысяч безвинных людей ты, вместе с нашими родителями, приняла свою мученическую смерть на той литинской дороге, в том тёмном лесу, в тех кровавых братских могилах...

Судьбе было угодно, чтобы после долгих лет кровавой войны, всех ужасов, смертей и крови, после Великого дня нашей Великой Победы, когда я вернулся в родной институт на той заветной Подвальной улице старинного Львова, встретил твою маленькую шаловливую ученицу Мусеньку Шульманович, которая чудом вырвалась последним эшелонам из осаждённого Днепропетровска, где она училась в химико-технологическом институте, и где великим чудом сбрасываемые с немецких стервятников бомбы не разбомбили мост через Днепр и этот эшелон, который вывез их из ада на противоположный берег Днепра и увёз в глубь России, в далёкие, бескрайние и заснеженные оренбургские степи. И когда 19-го августа того далёкого теперь уже 1948 года мы объединили наши судьбы, став мужем и женой, когда 23-го октября 1949 года у нас родилась наша чудесная доченька, мы её нарекли священным светлым именем твоим – Рая, Раюся.

И на протяжении тех долгих лет её взросления и воспитания, начиная с детского садика, школы, пионерского лагеря, института, каждый её взгляд, каждое прикосновение к ней, каждое произнесённое ею слово напоминало нам с Мусенькой о тебе, о твоём прекрасном светлом образе, о твоём красивом дорогом лице.

С тех далёких дней прошло уже много-много лет – моя голова покрылась сединой, мои некогда быстрые и неутомимые ноги еле передвигаются по полу, и только немеркнущая искорка в глазах и вечный трепет исстрадавшегося сердца напоминают мне об ушедшем счастье, о нашей большой, великолепной семье, о наших замечательных родителях, о наших старших братьях, родных и знакомых, нашем дорогом отчем доме, великолепной улице с её милыми, дорогими обитателями, о нашей дорогой очаровательной Виннице. Бесконечно горькие слёзы непрерывным потоком льются из моих уставших, измученных глаз при мысли, что из всей нашей прекрасной семьи я остался один-единственный, самый младший, самый маленький. Больно и горько думать, что ты, моя дорогая, и наши родители

приняли свою мученическую смерть в тот роковой сентябрьский день в лесу, на краю той роковой ямы. Бесконечно больно и горько думать, что нет больше с нами нашего дорогого старшего брата, нашего Толи и его великолепной жены Евы – наших славных бессмертных комсомольцев.

Мы всегда гордились и гордимся, что на почётную и ответственную должность 2-го секретаря Винницкого горкома комсомола нашего Толю утвердил любимец народа, легендарный Александр Васильевич Косарев, павший жертвой сталинского произвола в 1938 году. Бесконечно больно и горько сознавать, что после трудной и прекрасно прожитой жизни, будучи тяжело ранеными на войне, они, наши великолепные Толя и Ева, нашли свой вечный покой, своё вечное усмирение вдали от своей родной Винницы, в подмосковном Долгопрудном на чужой земле, среди чужих могил.

Сердце разрывается от боли при горестной мысли, что наш второй брат, наш дорогой Давид, славный иштурман дальней авиации, вернувшийся с фронта с полной грудью правительственных наград, после мучительной болезни (полной слепоты) закончил свой трудный и прекрасный жизненный путь 3-го мая 1995 года, не дожив шести дней до 50-летия нашей Великой Победы.

Бесконечно больно и горько сознавать, что 8-го апреля 1994 года не стало моей дорогой Мусеньки, с которой мы в любви и согласии прожили 46 долгих, прекрасных и тяжёлых, лет супружеской жизни, что с её уходом время остановилось, мир опустел. Солнце погасло. Теперь, на склоне лет, когда столько прожито и столько пережито, с моих уставших уст, из моего измученного старого сердца вырывается последнее прости-прощай: прощайте, мои дорогие родители, прощай, моя дорогая изумительная сестричка, моя очаровательная Раюся, мои дорогие великолепные братья со своими благородными спутницами жизни, прощай, моя бесценная Мусенька. Из всей нашей семьи, от всей нашей прежней жизни и всего нашего ушедшего счастья, – я остался один-единственный среди

четырёх стен наших осиротевших квартир, наших осиротевших улиц, городов, где уже давно и ещё так недавно звучали ваши голоса, светились глаза, раздавался громкий неповторимый смех. Сейчас звучат голоса ваших внуков и правнуков, ваших и наших потомков и продолжателей нашего рода, нашей родословной, у истоков которой стояли вы, — наши дорогие, вечно живые, бессмертные, немеркнувшие в памяти».

Ну, разве какой-то роман сравним с реквиемом автора этого удивительного альбома своей жене — Марии Моисеевне Шульманович и её родне? Из него, как и из песни, слов не выбросишь.

«Моя дорогая Мусенька!

В моих ушах звучит твой милый тихий голос с бесконечными рассказами о твоей семье, отце, матери, о твоей бабушке, младшем братике Боре, твоей младшей сестричке Генечке и о вашем ангелочке, о самом маленьком, родившемся за несколько лет до начала войны, Милечке.

Я вижу твоё милое, дорогое лицо, твои блестящие глаза и слышу бесконечно льющийся родной голос, в котором выражена бесконечная радость воспоминаний о дорогих, милых твоему сердцу людях и бесконечная горечь утраты, бесконечная боль об их мученической смерти, безутешном горе, об их горестном конце.

С какой гордостью и великой любовью ты рассказывала о своём отце, об этом искусном и мужественном кузнеце, отважном и вечном труженике, кузница которого стояла на перекрёстке вечно полной движения дороги, которая вела с той заветной станции Разино до благословенного Романова, где даже лошади знали и любили своего Путу и с радостью поднимали свои уставшие ног, прося их подковать.

Ты, Мусенька, была полна рассказов и дорогих воспоминаний о вашей кузнице, о том, как ты рано вставала, зимой натянув на себя и перепоясав ремнём тяжёлый и необыкновенно тёплый овчинный тулуп, бежала в кузницу,

чтобы помочь отцу. Постоянно подбрасывала мелкий уголёк, раздувая незамысловатый горн дляковки железа, который должен был быть разогрет к папиному приходу в кузницу и излучать необыкновенно приятный жар.

В моих ушах звучит твой тревожный и горестный рассказ о вашем старом доме, где ютилась вся семья, и о тех трудностях, связанных со строительством нового дома.

Твои ясные дорогие глаза загорались особой искоркой при рассказе о том, как накануне окончания строительства дома, когда вся семья готовилась к столь желанному и скорому въезду, случился пожар, в огне которого сгорел дом брата твоего отца, и твой отец, мудрый и заботливый человек, принял решение предоставить новый дом семье брата, а ваша семья на долгие годы осталась жить в старом, неудобном и ветхом доме.

Спустя много лет, при чрезвычайных усилиях твоего отца и его брата, испытывая невероятные трудности, всё-таки удалось построить новый дом для семьи брата и вы, наконец, вселились в свой новый, такой желанный и просторный дом.

Кажется, навечно останется тот невыветренный, манящий запах тающей во рту необыкновенно вкусной колбасы, большим мастером изготовления которой был твой инициативный и всё умеющий отец. Ты со всеми подробностями, Мусенька, рассказывала, как вы, дети, не будучи в силах дождаться необходимого срока её естественной сушки, незаметно прятали от папиных глаз каждый для себя такие манящие и вкусно пахнущие кругляшки свежей сырой колбасы и, спрятавшись в укромных местах, до сытости, до одурения ели.

Твой рассказ, дорогая Мусенька, о каждом члене вашей семьи занимал долгие зимние вечера, и я до сих пор слышу те заветные, дорогие твоему сердцу слова о маме, бабушке, о твоей сестричке, о твоих братьях.

Рассказ о своей матери ты, Мусенька, всегда начинала с её необыкновенной красоты, её вечно юного лица, которое в

сочетании с красивой, гармонично сложенной грациозной фигурой, придавало её светлому образу необыкновенную привлекательность.

Ты не без гордости, Мусенька, рассказывала, что твоему отцу в годы далёкой молодости, будучи бравым и красивым парнем, пришлось приложить немало усилий, чтобы среди многочисленных поклонников и настойчивых ухажёров завоевать руку и сердце первой красавицы, ставшей вашей матерью. Ты с особым интересом, Мусенька, повествовала, как, преодолевая неимоверные трудности и лишения, став искусной мастерицей по изготовлению наружного оплетения стеклянных баллонов, чем занимались многие женщины в той специальной артели, ты с особым удовлетворением говорила и о своём участии и помощи в этой трудной филигранной работе.

Она, эта помощь, заключалась в том, что дети, забравшись на высокий чердак, где хранились зелёные, гнущиеся прутья, из которых изготавливалось оплетение стеклянных баллонов, предварительно очистив их от листьев, спускали их с чердака и подавали их каждый своей матери.

Твой голос, Мусенька, особенно крепчал, когда речь заходила о вашей корове, дававшей большое количество молока с высоким процентом жирности. Масло, сбитое из этого молока, отличалось особым вкусом и пользовалось большим спросом у всех домашних и соседей. Последние не без иронии говорили, что этими качествами корова обладает потому, что её выбрала сама хозяйка, твоя мать, Мусенька, и между ними – хозяйкой и коровой – на долгие годы установилась взаимная, понятная только им двоим, дружба. И разговаривали они на понятном только им двоим языке.

Твои глаза, дорогая Мусенька, всегда светились особым лучезарным светом, когда ты заводила разговор о своей строгой, всезнающей и всеумеющей бабушке.

Она была одна из многих бабушек, которые взвалили на свои хрупкие, измождённые трудной жизнью и ужасом

гражданской войны плечи все заботы по дому, кухне. И члены всей семьи истинно ценили её кулинарный талант.

Приготовленные ею яства и домашняя сдоба славились на всю округу. Как все старые бабушки, она вставала очень рано и, разведя огонь в большой русской печи, в переднюю её часть вставляла все многочисленные большие и малые кастрюли, наполненные всем необходимым. Затем это всё от прикосновения её волшебных рук, под влиянием дышащих жаром и теплом потрескивающих сухих дров, превратится в необыкновенно вкусные, очаровательные яства, потребители которых с трудом подымутся со своих насиженных мест и покинут гостеприимный, сытный и вкусный стол.

Ты рассказывала, Мусенька, что бабушка была очень строгой и требовала от вас, детей, беспрекословного выполнения возложенных на вас обязанностей.

Ты с умилением и радостью, Мусенька, вспоминала, как каждый вечер в вашем старом и большом саду ты собирала связки сухостоя, которым бабушка рано утром растапливала печь, и который обеспечивал пылающий огонь и пышущий жар наколотых и заранее приготовленных дров. Из твоих многочисленных и красочных воспоминаний, Мусенька, мне известно, что эта забота о дровах в первую очередь была перенесена на твоего отца – её многоуважаемого зятя.

Наполнение водой многочисленных кастрюль для приготовления пищи и для бытовых нужд входило в обязанности младшего брата Бори, нередко уваливающего от этого малоприятного занятия. Но это сопровождалось сильной взбучкой непреклонной и требовательной бабушки.

Маленькая сестричка Генечка, любимица отца до появления маленького ангелочка Милечки, была временно освобождена от домашних забот. Позже, по твоим рассказам, Мусенька, она присоединилась к тебе, и вы вместе исполняли беспрекословные и суровые требования вечно занятой и обременённой житейскими заботами бабушки.

Ты много и часто, дорогая, рассказывала о той многолетней и уникальной дружбе, которая установилась между твоим отцом и бабушкой.

Эта дружба предполагала строгий порядок при приёме пищи, когда отец, изрядно утомлённый тяжёлым физическим трудом, приходил на обед.

К этому времени, в точно определённый час, стол уже был накрыт, все домочадцы и приглашённые сидели строго на своих местах, и даже маленький Милечка уже знал, что с приходом отца он должен взобраться к нему на колени и с этого мига начиналось возделенное действие, в старое доброе время называвшееся столь ёмким и всеобъемлющим словом – обед.

И, конечно, бабушка была бесконечно счастлива, услышав от своего зятя самые лестные отзывы о приготовленных ею блюдах, услышав похвалы от своей дочери, от своих внуков и, конечно же, от многочисленных родных и друзей, постоянно посещавших этот гостеприимный дом.

Ты, Мусенька, была полна рассказов о своём шаловливом и не всегда послушном младшем брате Боре, о его малоутешающих успехах в школе и о строгом поручении отца взять его под своё покровительство и вывести в число успевающих учеников.

Зрачки твоих прекрасных глаз загорались особым светом, когда ты вспоминала о своей младшей, такой дорогой твоему сердцу, такой нежной и всеми любимой сестричке Генечке.

Тебе особенно нравилось, когда она, Генечка, переодевшись в красивое платье, взяв в руки модную сумочку, по вечерам, на закате дня, после всех дневных дел и забот, с каким-то особым чувством и непередаваемой грацией гуляла взад и вперёд по той заветной дорожке, которая вела от вашего дома до большой, шумной, укатанной дороги, которую на звучном и певучем украинском языке называли многозначительным и всеобъемлющим словом – «шлях».

Ты, Мусенька, вспоминала, что Генечка-старшеклассница часто передавала хвалебные отзывы о тебе учителя

математики, который вспоминал твои недюжинные способности по этой дисциплине, ставя тебя в пример ученикам класса, где училась сестра.

Этот рассказ о своей старшей сестре, о тебе, Мусенька, прозвучавший из уст старого и очень строгого учителя математики, она, Генечка, с замиранием сердца, трогательно и заботливо передавала тебе, уже студентке Днепропетровского химико-технологического института, приехавшей на каникулы в родной Романов.

Сколько чувств, сколько незабываемых, остающихся на всю жизнь воспоминаний мы испытываем при приезде на каникулы из строгих и переполненных волнениями и заботами институтов, при посещении родной семьи, родных мест, при встрече с родными, друзьями и товарищами, с которыми распрощались, уехав в другие города, в чужие края, поступив в такие желанные и пугающие своей неизвестностью институты и университеты.

Твои милые, неповторимые глаза, Мусенька, загорались особым, негасимым светом, когда ты начинала рассказ о самом маленьком, о самом младшем члене семьи, о необычайно красивом ребёночке – Милечке.

Его нет на фотографии – он родился незадолго до начала войны, но память о нём, воспоминания особой болью отзываются в сердце. Ты всегда рассказывала, что с момента его рождения и в последующие годы его воспитания по заведённому в доме порядку все заботы об этом очаровательном ребёнке легли на старшую сестру, на тебя, Мусенька, – ты стала его второй матерью.

Нельзя забыть тот восторг, с которым ты рассказывала, как после хлопотного трудового дня, тщательно вымыв его в просторной деревянной продолговатой ванночке, которая на Украине называется «балия», одев его в Генечкину девичью рубашечку, ты, держа его на руках, отправлялась с ним к своим многочисленным подругам. Он, маленький, уже отчётливо знал имена твоих подруг, и каждый день, отправляясь к одной из

них, с шаловливой детской прозорливостью угадывал, к кому вы идёте.

Ты, Мусенька, с особым воодушевлением рассказывала, как в семьях твоих подруг он, этот чудесный ребёнок, переходил из рук в руки, – каждый старался его расцеловать, прижав к груди и изнемогая от радости встречи с этим неземным существом.

Я вспоминаю твой рассказ об интересном случае, который взволновал всю вашу семью и многочисленных обитателей вашего просторного двора. Играя со своими сверстниками в определённом месте двора, дети вдруг обнаружили исчезновение Милечки. Все поиски пропавшего ребёнка, к сожалению, не увенчались успехом, и обитатели двора с ужасом думали, как сообщить эту страшную весть отцу. Каково же было изумление незадачливых искателей, когда на глазах перепуганных и отчаявшихся людей маленький Милечка, как ни в чём не бывало, выполз из большой собачьей будки огромного хозяйского пса по кличке Жуков. Оказалось, что все эти тревожные часы поиска маленькое существо делило свою дружбу с грозной собакой, которая наводила ужас на всех соседей и прохожих.

О непреходящей дружбе между маленьким Милечкой и неуступчивым Жуковым можно писать романы. После того случая при исчезновениях Милечки все обитатели двора уже безошибочно знали, где его искать.

Глядя на эту семейную фотографию, всматриваясь в вдохновенные лица запечатлённых на ней людей, вспоминая твой тихий, милый голос, дорогая моя Мусенька, нестерпимо больно и горько, горячие слёзы потоком катятся по моим измождённым щекам при мысли, что всех их, этих прекрасных, бесконечно дорогих людей, наравне со многими тысячами людей в том роковом сентябре 1941 года расстреляли, удушили, утопили в крови, замучили только потому, что они были евреями.

Затуманенный взор уже не в силах различать написанные строки, и только сверлящая мысль в уставшем и угасающем сознании просит воспроизвести вдохновенные строки талантливой поэтессы Маргариты Алигер, звучащие как завет, как набат всем людям земли, живущим ныне и будущим поколениям:

*Я спрошу у Маркса и Эйнштейна,
Что великой мудростью полны, –
Может им открылась тайна эта
Нашей перед вечностью вины?*

Илларион Малиц, 22.05.1997 г.



Всем смертям назло

*Показания Людмилы Давидовны Блехман на судебном
процессе над полициями в г. Дзержинске*

До начала Великой Отечественной войны я со своими родителями проживала в местечке Мирополь Дзержинского района Житомирской области. Мой отец, Давид Блехман, работал главным бухгалтером на Миропольской бумажной фабрике. Мама, Полина Абрамовна, была домохозяйкой. Старшая сестра Анна, 1921 года рождения, в 1941 году, перед началом Великой Отечественной войны, окончила Житомирский пединститут. Сестра Мария как раз окончила 10 классов Миропольской средней школы. Ещё у меня была сестра Фаня, которая родилась в 1936 году. В первый же день Великой Отечественной войны фашисты бомбили Мирополь. Осколком авиационной бомбы, которая разорвалась недалеко от нашего дома, я была ранена в ногу. В Миропольской больнице мне

оказали медицинскую помощь. Из рассказов беженцев, которые проходили через Мирополь, мы узнавали, какие города нашей страны уже захватили фашисты. Мой отец был непризывного возраста, и поэтому, когда началась война, его в ряды Красной Армии не призвали. Примерно в конце июня 1941 года к нам в Мирополь из городка Полонное Хмельницкой области пришли родственники и сказали, что надо уходить, так как близко немцы. Тогда наш отец принял решение: всей семьёй уходить на восток, в глубь нашей страны. По дороге на Чуднов Житомирской области мы встречали большие толпы беженцев.

Через день или два после того, как мы пришли в Чуднов, нас ожидало большое несчастье – фашисты заняли его, и отец решил возвратиться со всей семьёй в Мирополь. Примерно через два дня после нашего возвращения в Мирополь пришли фашисты. Это произошло в начале июля 1941 года. С первого дня оккупации Мирополя фашисты создали там свой карательный орган: миропольскую полицию, в которую пошли служить некоторые жители нашего местечка. Никого из миропольских полицейских я по фамилии не знала и не знаю. И если бы пришлось кого-нибудь из них увидеть – и не узнала бы. Ведь столько лет прошло, да и была я тогда подростком. Общалась я, в основном, со своими сверстниками и фамилии взрослых не знала.

Все миропольские полицейские имели на вооружении винтовки, Одеты они были в гражданскую одежду, на левой руке носили повязки жёлто-голубого цвета. Сколько точно служило полицейских в миропольской полиции – не знаю. Здание её находилось в миропольском парке. Полицейские патрулировали, охраняли автомобильный мост через речку Случ.

В первые дни немецко-фашистской оккупации всех граждан еврейской национальности, проживавших в Мирополе, полицейские заставили переехать жить поближе к центру местечка. Было создано что-то наподобие еврейского гетто. Ежедневно полицейские выгоняли его обитателей – женщин,

мужчин и детей постарше на различные работы: на ремонт дорог, на ремонт зданий, которые разваливались от разрывов бомб.

Моего отца и ещё некоторых мужчин полицейские водили в парк копать ямы. Каждый раз, возвращаясь оттуда, отец говорил, что там происходит что-то страшное, затевается что-то недоброе по отношению к нам, евреям. Я и ещё несколько женщин-евреек работали в больнице: мыли полы, собирали грязное бельё раненых немецких солдат, которое стирала моя мама. Немецкий врач, увидев, что у меня на правой ноге большая гнойная рана, которая не заживала после осколочного ранения в июне 1941 года, сделал мне перевязку, а в отношении осколка, который был в моей ноге, сказал, что осколок вынимать не будет, так как скоро мне всё равно капнут. Я вначале не придавала его словам никакого значения, но вскоре они подтвердились.

Осенью 1941 года (точного месяца я не могу вспомнить из-за давности времени, но, как мне помнится, было ещё тепло) вечером в субботу к нам пришли два или три незнакомых немца и потребовали у мамы возвратить им бельё. Мама ответила им, что намочила его, и оно будет готово только завтра, так как пока мокрое, но они не согласились ждать, и мама отдала им мокрое бельё. Вечером того же дня мы обратили внимание на то, что в местечке появилось много вооружённых винтовками полицейских. Всю ночь мы были в напряжённом состоянии. До утра никто не сомкнул глаз. А в воскресенье рано утром, когда на улице уже стало рассветать, к нам в дом зашли три или четыре полицейских, их фамилий я не знаю, но нам было видно, что они пьяные. В наш адрес раздалась нецензурная брань. Один из пришедших приказал взять имеющуюся у нас в готовности смену белья, так как нас должны были якобы увозить в другой город.

Моя сестричка Фаня спросила у мамы: «Мама, куда мы идём?». Мама ей ответила: «В лес». Тогда Фаня сказала: «Мама, возьми мою куклу». Полицейские привели нас на центральную

площадь, где уже было много евреев – детей, женщин, мужчин, стариков. Многие плакали, особенно громко – дети.

Наш отец, обращаясь ко мне и моим сёстрам, сказал: «Если сможете, то спаситесь любым путём».

На площади собралось более ста человек евреев. Вокруг стояли толпы людей, которых со всех сторон окружили полицейские. Я, отец, мама и мои сёстры оказались в середине колонны, которую повели по дороге в миропольский парк. Сколько полицейских конвоировало нас, я не знаю, так как мне всех не было видно, я была маленькая.

Полицейские проконвоировали нас на поляну, которая находилась примерно в километре от здания полиции. На огромной поляне была выкопана большая яма. Полицейские остановили евреев в 10-15 метрах от этой ямы, заставили всех раздеться до нижнего белья. Одежду бросали на одно место, а драгоценности, у кого они были – на другое. После этого 8 или 10 полицейских отделили от основной группы 8-10 человек детей, женщин, мужчин и подвели к краю ямы, повернули их лицом к ней (яме), отошли от них на 4-5 метров, подняли винтовки, прицелились в стоявших на краю ямы людей и произвели в них прицельные выстрелы. После выстрелов все эти люди, стоявшие на краю ямы, упали в неё. Затем 1 или 2 полицейских из числа тех, которые охраняли нас (сколько их было, я не знаю), опять отделили от основной группы 8-10 человек, привели и поставили на краю ямы, лицом к ней, а стоявшие в 4-5 метрах от ямы 8 или 10 полицейских снова произвели страшные выстрелы, после которых люди упали в яму.

За тем, как происходил расстрел, я всё время не наблюдала, так как боялась, что меня тоже расстреляют, пряталась за спины взрослых.

Спустя примерно два часа с начала расстрела я увидела, как в очередной партии были расстреляны моя мама, отец, сестричка Фаня; помню, как мама и папа оказались на краю ямы в ожидании своей очереди, держали Фаню за руки, а она громко

кричала, пытаясь вырваться. Видя всё это, я тоже громко плакала.

На поляне люди бились в истерике, творилось что-то страшное. Это продолжалось примерно в течение трёх часов. Я оказалась в последней партии людей, ждущих расстрела. Меня вместе с остальными поставили на краю ямы, некоторые из находившихся в яме людей были ещё живы и просили: «Добей, добей!». Эти слова доносились оттуда, казалось, бесконечно.

Прозвучали выстрелы, и я упала в яму. Поздно вечером пришла в сознание. Было больно, но я видела перед собой небо. Мне хотелось верить, что я жива и невредима. Деревья были такие же, как на земле, а я думала, что нахожусь уже на том свете. Обратила внимание, что лежу на телах убитых и тогда лишь вспомнила, как кошмарный сон, о том, что произошло рано утром. Как пьяные полицейские, фамилии которых не знаю, расстреляли мою маму, отца, сестричку Фаню, мою подругу Гень Иду, Гень Таню – её маму, отца Геня Давида, их племянницу Риту, семью Литовчик Гени, состоявшую из семи человек, семью Фридман их четырёх человек, семью Зак из четырёх человек, Вайсберг Геню и Иду, семью Малиновкер из пяти человек, семью Лоборштык Иосифа из 15-ти человек, семью Шлееров из семи человек, семью Заславских из восьми человек, семью Боксер, семью Кузьминского Иосифа из пяти человек и других, фамилии которых не помню за давностью времени. (В названных фамилиях возможны неточности, так как произношение прерывалось плачем свидетельницы – *примечание автора*).

Подо мной и рядом со мной ещё стонали люди. Эти стоны и человеческие тела я до сих пор слышу и вижу в кошмарных снах.

Вылезая из ямы, я слышала, что где-то рядом разговаривают между собой полицейские. В том месте, где я лежала, яма была доверху наполнена трупами. Осторожно выбралась оттуда, и, стараясь быть незамеченной полицейскими, отползла на край поляны. Затем по парку я

побежала в село Колодяжное Дзержинского района. Зашла в дом к знакомой моей матери, Екатерине Аркадьевне, фамилии её не помню. Рассказала ей о том, что сегодня произошло в миропольском парке. Она смыла с меня кровь, накормила, одела и сказала, чтобы я называла себя уже украинкой и старалась не попадаться на глаза полицейским, потому что именно они узнавали евреев. От неё я ушла в лес. Три дня находилась там, голодная и холодная. Питалась тем, что считала съедобным и поэтому заболела. На исходе последнего дня моего пребывания в лесу я зашла в дом лесника возле села Колодяжное. Женщина, которая находилась в доме (имя и фамилию её не помню), напоила меня молоком, выслушала рассказ о моём горе. Она плакала вместе со мной.

От автора-составителя:

Думаю, что эти горестные, не укладывающиеся в человеческом сознании, воспоминания в комментариях не нуждаются.

Но это ещё не все тяжёлые испытания, выпавшие на долю 12-летней девчоночки.

Из её показаний и материалов дела известно, что все эти ужасы, весь кошмар, эту страшную трагедию ей пришлось пережить ещё раз, о чём повествуется в газетном репортаже А. Кавуна «Народом прокляты» о суде над предателями Родины (газета «Радянська Житомирщина» за 20 января 1987 года).

Однако и на этот раз она выжила. Скиталась по снова грозящей на каждом шагу ужасной смертью своей, и в то же время чужой земле до самого её освобождения советской армией.

Родная советская власть заменила подростку с таким ужасным детством семью, вырастила, дала образование, обеспечила достойную жизнь.

Но пережитое так и осталось незаживающей раной, вечным

укором фашизму, подлому предательству, величественным гимном многим порядочным людям, помогавшим несчастной еврейской девочке выжить в период военного лихолетья и в послевоенные годы.

Такое не забывается, такое не должно забыться никогда. Память об этих скорбных, непревзойдённого трагизма событиях должна передаваться из поколения в поколение, – должна быть вечной.

Это будет самым величественным памятником всем без вины погибшим.

До недавнего времени Людмила Давидовна Блехман (Цимринг) проживала в израильском городе Ришон ле-Цион.

Рассказ о пережитом этой еврейской девочкой Вы можете услышать и во время экскурсии в Яд ва-Шем.



Холокост был!

*Открытое письмо отрицателю Холокоста
Давиду Ирвингу и его почитателям*

Господин Ирвинг и Ваши почитатели! Случайно ко мне попала вырезка из издающейся в Нью-Йорке русскоязычной газеты с изложением Вашей бредовой идеи и неоправданной позиции по вопросу: был ли Холокост? Моему возмущению и гневу нет предела! Авторитетно заявляю: если Вы считаете, что британский суд не прав, и Вы оспариваете заключение судьи Чарльза Грея, назвавшего Вас «антисемитом – отрицателем Холокоста и апологетом Гитлера, извращающим исторические факты в угоду собственным идеологическим настроениям», и Ваши «великие откровения вызваны лишь собствененой тупостью и полнейшим дилетантством в этом вопросе и если Вы желаете получить объективный ответ на так мучивший Вас вопрос, то обязательно приезжайте в некогда достопримечательное местечко Романов (ныне Дзержинск) на

Украине. В нём до начала событий, ставящихся Вами под сомнение, проживало 3390 человек еврейского населения (83%). Сейчас же осталась лишь одна еврейская семья.

Я, как её глава, поведу Вас на места (их восемь) массового уничтожения более 3 тысяч моих славных, ни в чём не повинных земляков: стариков, женщин и детей, включая младенцев, которых озверелый полицай вырывал из рук матерей, накалывал на штык винтовки, крутил их, истекающих кровью, перед собою и на глазах обезумевших от ужаса родных ещё полуживых бросал в яму. По-Вашему это не Холокост, а всего лишь невинное, безобидное развлечение подвыпивших шалунов?!

Я дам Вам послушать магнитофонную запись свидетельских показаний Людмилы Давидовны Блехман, сделанных на суде над извергами-полицаями. 12-летняя девчонка, дважды расстреливаемая, дважды лежавшая в тех ужасных ямах на трупах своих родных и слышавшая при этом под собой душераздирающую мольбу: «Добей, добей!» похороненная всеми, но выжившая всем смертям назло. Возможно, Ваше каменное сердце и оледеневшую душу заденут её воспоминания о том, как идя на расстрел её 5-летняя сестрёнка Фаня просила маму взять с собой куклу.

Я покажу Вам письма Миши Ройтбурга, который мальчонкой также трижды подвергался расстрелу, но благодаря людям с иным складом ума и совести, чем Вы, выжил, перенёс все ужасы оккупационного лихолетья, приветствовал решения (приговор) Нюрнбергского суда, которые Вы теперь оспариваете.

Я ознакомлю Вас с мольбой Брони Бараз, 4-летней в то время девчушки. Её матери вместе с ней удалось сбежать с места расстрела всех своих родных и близких и многие месяцы скрываться в лесу, имея (зимой) из тёплой одежды лишь один на двоих суконный платок. После смерти матери (от голода и холода), эта кроха вынуждена была сама бороться за своё выживание. А мольба её заключалась в том, чтобы помочь

отыскать в лесу могилу матери и добрых, не таких, как Вы, людей, которые помогли спастись несчастной еврейской девочке.

Возможно, Вас заинтересует и опубликованный в Канаде очерк моей одноклассницы Малки Пищаницкой о её злключениях в оккупации и благородстве людей, которые, рискуя своей жизнью, спасали её, 10-летнюю девочку с матерью.

Я предоставлю Вам возможность посмотреть снятый бригадой Стивена Спилберга (надеюсь, Вам известно, кто он такой) кинофильм о судьбе матери моего соседа (Полины Пекерман), которая тоже лежала в огромной братской могиле, была уже притрушена хлоркой и засыпана землёй, но одна из многих сотен обречённых – выжила. Не захочется ли Вам убедить её, что пребывание в могиле совместно со многими своими родными и близкими, с сотнями односельчан – это довольно-таки приятное времяпровождение, своеобразный аттракцион?

Вы сможете ознакомиться с обстоятельствами гибели 10-летнего Люсика Вексельмана, которому, как и сотням других детей, в то скорбное утро полицаи с двух сторон проткнули животик и полуживого бросили в яму, о чём рассказал впоследствии его друг Хаим Спивак, бросившийся для избежания экзекуции в яму живым и потому спасшийся. (Вот это уже по-Вашему: разве это Холокост, если дети «сигают» в яму сами, по своей инициативе?). Сможете узнать, как эта, окружённая лужами крови, наполненная сотнями детских трупиков, могила ещё два дня шевелилась, издавая предсмертные стоны покалеченных и заживо погребённых детей. По-Вашему, это тоже свидетельство того, что Холокоста не было?!

Возможно, некоторый интерес у Вас вызовет фильм о сбежавшем с места истребления 9-летнем Мише Розенберге, единственном из большой, дружной, никогда никому не

сделавшей ничего плохого семьи оставшимся в живых. Фильм о пареньке, ставшим после освобождения его родного края от оккупантов сыном полка, бесстрашным юным разведчиком, беспощадно мстившим проклятым фашистам, которых Вы, взрослый «дядя», теперь так упорно защищаете. Я мог бы устроить Вам, так сказать, очную ставку. Но уверен, что она бы для Вас добром не окончилась.

Могу предоставить Вам и показания моего бывшего соседа Волька Пекермана, который тоже чудом остался в живых и у которого на глазах были расстреляны 35 человек его родни, в том числе и жена с 6-месячным сыном на руках.

Много впечатляющего Вы могли бы почерпнуть из жизнеописания (а, точнее, тяжких мучений и страданий) периода оккупации простой еврейской женщины из Романова Зины Поташник, чей портрет висит в Житомирском областном архиве как образец стойкости и мужества в борьбе за выживание.

Сохраню специально для Вас и полученное мной вчера письмо от Клары Вайсман-Мирчевской, вместе с сестрой пытавшейся после расстрела всей их семьи бежать из этого ада.

Ей это удалось, а сестрёнку в день её 14-летия настигла предательская пуля. Вспоминая пережитые кошмары, она пишет: «Пишу и плачу. Забыть ничего не могу: всё перед глазами. Ложусь спать – плачу, встаю – плачу». А вот как она описывает одного из полицаев, участвовавшего в массовых экзекуциях.

«До войны он работал в пожарной команде и ездил по Романову с будкой, ловил собак, тренировался, умерщвляя их, а во время войны своё «искусство» применял на людях».

У Вас, господин Ирвинг, случайно, такого хобби не было?

Так почему же Вы берёте под защиту подобных головорезов, отрицая их вину?!

Поведу я Вас и на место, где стоял домик (после войны от него и следа не осталось) моего деда – одноногого стекольщика Гершмана Бенциона и моей тётки Хайки, работавшей

буфетчицей в школе, — людей самых мирных профессий, перемолотых в той страшной мясорубке. Представлю Вам и архивные документы о зверствах фашистов и в нашем местечке, о том, как один лишь полицай уничтожил более 700 человек еврейского населения.

Совершим мы с Вами экскурсию и на наше древнее еврейское кладбище. Над ним тоже пронёсся огненный смерч войны: не осталось целым и невредимым ни единого довоенного памятника.

А ещё хотелось бы познакомить Вас с простым трактористом, который рыл котлован для перезахоронения многих сотен останков из двух могил, эксгумированных в процессе следствия по делу полицаяев, скрывавшихся долгое время. Во время перезахоронения он вслух высказал очень правильную мысль:

«Я бы этих извергов не судил, а каждого из них положил бы на дно этой могилы и поставил бы на каждого по этому огромному ящику с сотнями останков без вины уничтоженных ими людей. Пусть бы каждый из этих палачей не только морально, но и физически ощутил всю тяжесть содеянных им преступлений».

Так был ли, по-Вашему, господин Ирвинг, Холокост?!

Или на Вас тоже нужно поставить ящик с останками жертв Холокоста для того, чтобы Вы прозрели?

И как бы хотелось мне (и уверен, что и всем родственникам жертв отрицаемого Вами и подобными Вам апологетами фашизма, Холокоста, всем порядочным людям планеты) дожждаться справедливого возмездия вам, вашему верному последователю Махмуду Ахмадинежаду и прочей мрази, за ваши бредовые, человеконенавистнические идеи. Не сомневаюсь, что история вынесет вам и всей вашей нацистской гоп-компании справедливый приговор.

С презрением к вам,

Гарри Фельдман.

Ответ на трудный вопрос

Когда речь заходит о зверствах фашистов и их верных приспешников – полицаев на оккупированной территории, многие недоумевают по поводу того, как покорно, безропотно шли на смерть обречённые евреи. Да, сотни несчастных к их последнему пристанищу вели, как правило, полтора-два десятка вооружённых полицаев. Но они были злее и кровожаднее цепных псов. Их злоба не знала предела. В сопровождаемых же ими колоннах в основном были женщины с детьми и немощные старики. Оказать сопротивление им было не под силу.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты эксгумации двух могил. В одной из них из 157 расстрелянных было 62 ребёнка, во второй – среди 94 останков оказалось 49 детских скелетиков.

К тому же, большинство взрослых были глубоко верующими людьми и воспринимали свою гибель, как неотвратимую божью кару.

Многие дети и подростки пытались спастись бегством, но, как правило, их настигала пуля предателя-полицая или более страшная смерть, о чём повествуется в этом сборнике.

Так погибли Гершко Герц, девочка-подросток Бася, догнав которую изнасиловал и потом застрелил полицай, выпрыгнувшая на полном ходу из кузова машины напротив села Раци неизвестная еврейская девочка, которую с десятками других обречённых везли на расстрел в Романовку, девочка-подросток из семьи Шац и многие другие, оставшиеся неизвестными.

Останавливало от организации массового побега и сознание того, что в отместку за это карателям ничего не стоило сжечь весь населённый пункт вместе с его обитателями, о чём неоднократно предупреждали фашисты.

Но всё же некоторым смельчакам удалось спастись и выжить. Отдельные из них потом отважно воевали в партизанских отрядах, мстили ненавистному врагу за своих

родных и близких, за свои искалеченные судьбы.

Уже давно нет в живых Зинаиды Поташник, имя которой неоднократно вспоминается в настоящем сборнике, но портрет этой отважной партизанки висит на самом видном месте в областном государственном архиве.

Да и во время расстрела часто сквозь мольбу о пощаде, плач, крики, предсмертные стоны прорывались уверенные возгласы и проклятья душегубам:

- Наши скоро вернутся и отомстят за нас!
- Вас ждёт возмездие, кровожадные псы!
- Будьте прокляты, сволочи!
- Сталин за нас отомстит!
- Нас вы расстреливаете, а вас повесят!

Для абсолютного большинства предателей-полицаев возмездие действительно оказалось неотвратимым, так как нельзя забыть кровавой трагедии, безжалостного, ничем не оправданного уничтожения тысяч ни в чём не повинных евреев, преимущественно женщин, детей, включая новорождённых младенцев и беспомощных стариков, так нельзя забыть заказчиков и исполнителей этого бесчеловечного злодеяния – фашистов и порождённых ими предателей-полицаев.

Этим злодеяниям нет и не может быть срока давности.

Как и память о трагедии, о погибших, так и память о кровавых злодеяниях вырождаков рода человеческого забвению не подлежит. Она должна стать призывом ко всем нам:

«Люди, будьте бдительны!»

На памятных знаках, установленных в канун 60-летия трагедии, написано:

«Мы помним вас. Никогда больше!»

Пусть же больше никогда и нигде не повторится подобное!

* * *

Эти жуткие, не нуждающиеся в комментариях воспоминания подытожу краткой справкой.

В архиве зафиксировано только по посёлку Дзержинск 1516 расстрелянных евреев и 1419 евреев, имена которых остались неизвестными. Но фактически число погибших значительно больше, так как уже в первые дни войны сюда прибыли, как беженцы из окружающей местности, так и сотни родных и близких местных жителей, чтобы вместе эвакуироваться, или пережить здесь военное лихолетье.

Например, семья Баразов накануне оккупации пополнилась десятью своими родственниками из Барановки и Новограда-Волынского. Но дожить до освобождения и светлого дня Победы суждено было лишь отдельным членам еврейских семей, которых, рискуя собственной жизнью, укрывали семьи настоящих интернационалистов: Ивана Ильинского, Василия Кузьменко, Степана Бондарчука, Лидии Конончук, Василия Горбатюка, Нины Макачук, Иосифа Дардалевича, Фёдора Луценко, Захара Лиманца, Евы Зинчук, Александры Савчук, Павла Филипповича, Анастасии Дзенделивской, Марии Березы, Франца Жмуцкого и некоторых других.

Юзефа Левчук из села Врублевка после гибели родных младенца Адели Шерман весь период оккупации скрывала её, выдавая за незаконнорождённого ребёнка своей дочери-подростка Марии. После войны Юзефа до самой смерти относилась к Аделе, как любящая бабушка, а Мария не чаяла в ней души не как приёмная, а как родная мать, хотя, как говорится, Б-г её и своими детьми не обидел. Не забывает о своих спасителях и Аделя, проживающая с детьми и внуками в Петах-Тикве в Израиле. По её ходатайству Марии Паренюк и её матери Юзефе Левчук (посмертно) присвоено звание Праведников Мира.



Спасительница Адели, Мария Паренюк, со своими детьми у братской могилы

Это почётное звание присвоено и большинству спасителей наших соплеменников: Ивану и Марии Ильинским и их детям – Андрею и Антонине, Лидии Конончук и её дочери Александре, Нине Макарчук, Филипповичам Павлу и Нине, Боцанюк Мокрине, Иосифу и Антонине Дардалевич и некоторым другим. Их имена увековечены на стене почёта мемориального комплекса «Яд ва-Шем». Кроме того, Павлу Филипповичу из Романова, Мефодию Мельничуку из Ясногорода, а также членам их семей присвоено звание «Праведник Украины». Низкий им всем поклон и огромная благодарность!

Уничтожение евреев сопровождалось массовыми грабежами их опустевших домов ближайшими соседями, ещё так недавно называвшими себя друзьями, а теперь вмиг превратившимися в махровых мародёров. Не упустили свой «шанс» и пособники фашистской нечисти – презренные полицаи. Да и «осиротевшие»

дома недолго пустовали.

Ежегодно 25-го августа, в годовщину начала массового уничтожения еврейского населения местечка, наши земляки, в каких бы частях света они ни были, собираются вместе, чтобы вспомнить уничтоженных родных, близких и просто односельчан, разделить с присутствующими боль тяжких утрат, не гаснущую вот уже более семи десятилетий, сделать всё для того, чтобы никогда не угасла память сердца, передающая эстафету грядущим поколениям.

О нашей трагедии можно писать много горестных воспоминаний, снимать кинофильмы. Многие освещено в моём очерке «Зловещий предвестник Бабьего Яра» – вступительном очерке «Книги скорби». В послевоенные годы оставшиеся в живых родственники погибших по инициативе Хайкеля Каменецкого, Мотеля Духовичного, Зины Поташник привели в порядок разгромленное национальное кладбище, обсадили его деревьями, подняли обломки могильных камней, построили домик-сторожку.

Впоследствии, благодаря упорству и настойчивости Семёна Калики, Юрия Бараза, Семёна Вайнмана, Соломона Блейниса, Евы Рубинштейн, на западной околице посёлка на месте гибели сотен наших земляков 25-го августа 1982 года, в день очередной годовщины начала трагедии, в присутствии 160 человек, съехавшихся со всех концов страны, был открыт памятник-монумент. В 1986 году сюда были перевезены останки из двух братских могил в парке. Территорию захоронения обнесли металлической оградой, обсадили ёлочками и берёзками. В 1999 году – и живой изгородью.

В 1998 году установлен памятник на самом большом захоронении, в котором нашли своё последнее скорбное пристанище около 800 евреев-мужчин. В основание этого памятника замурованы списки всех погибших, чьи имена к тому времени были известны. Юрий Бараз, Семён Калика, Михаил

Орепер, Туня Шамис, проживающие в последние годы в США, Геня Каменецкая, живущая ныне в Израиле, организовали сбор средств, за счёт которых мной были установлены обелиски на всех захоронениях и ограждены штaketным забором эти священные места. Сейчас на каждом из них вместо обелисков установлены памятники из чёрного полированного гранита. Все они, как и памятник жертвам Холокоста в посёлке Мирополь, в котором уничтожено 960 евреев, занесены в книгу «Свод памятников истории и культуры Украины по Житомирской области».

Виктор Иосифович посодействовал и изданию моей книги «Забвению не подлежит» о трагической судьбе нашего, некогда достопримечательного местечка. Она замурована в хрустальной шкатулке в основании памятника.

Кстати, отец Виктора Иосифовича, будучи 15-летним подростком, после очередной фашистской акции подобрал еврейского младенца Шейлыка Поташника, принёс домой и весь период оккупации вместе с родителями и семьёю своими братьями и сёстрами скрывал его от презренных полицаев нежно ухаживая за ним, как за любимым младшим братиком. (К сожалению, в Яд ва-Шем из-за бюрократических проволочек, несмотря на представленные документы, не сочли нужным наряду с родителями присвоить звание «Праведник Мира» и их сыну Иосифу).

Списки погибших на фронте занесены в «Книгу памяти Украины» (3-й том, Житомирская область) и в её дополнительный том. В «Книгу скорби» занесены тысячи персоналий жертв Холокоста, поданы они и для занесения на интернет - сайт «Яд-ва-Шем».



Памятник в Романовском лесопарке на месте зверского уничтожения и захоронения более 450 евреев местечка, установленный при содействии нашего земляка, тогдашнего депутата Верховной Рады Украины Виктора Иосифовича Развадовского.



Памятник жертвам Холокоста в Мирополе

Материалы о трагических событиях некогда славного еврейского местечка переданы мною в музей «Яд ва-Шем» в Израиле, а также в музей Холокоста в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они помещены и в моей книге «Забвению не подлежит» (Житомир, «Полиссия», 2000), воспоминаниях наших земляков Клары Вайсман-Мирчевской, Михаила Ройтбурга, Михаила Розенберга, опубликованных в различных журналах, сборниках и альманахах, увековечены в нескольких лентах известного кинорежиссёра Стивена Спилберга. Этим же событиям посвящена и книга нашей землячки Веры Горелик «Простите меня», и публикации в Канаде нашей землячки Малки Блейнис-Пищаницкой, 10-летней девочкой пережившей все ужасы фашистской оккупации.

Леденят душу, не оставляют никого равнодушным и страницы изданной в 2006 году в России книги воспоминаний «Чтобы помнили» нашего земляка Якова Ивановича Рудюка (Янкеля Абрамовича Герца), а также его публикации «Скитания» в сборнике из серии «Анатомия Холокоста» «Последние свидетели» (Москва, 2002 год) и альманахе «Радуга сердец», выпуск № 2, июль 2003 года, город Междуреченск).

Все эти материалы переданы мной в «Яд ва-Шем» для создания на его интернет-сайте рассказа о трагедии еврейской общины Романова.

Слово об авторе

Нам дороги эти позабыть нельзя

Я родился в 1933 году в достопримечательном древнем еврейском местечке Романов (в советские годы – Дзержинск) на Житомирщине (Украина).

В этом местечке проживали родители моей матери и её сестра. Мой отец в то время был сначала рабочим, а затем директором фабрики по обработке гранита на Головинском карьере Черняховского района Житомирской области. После выдвижения на работу секретарём Черняховского райисполкома и последующем направлении на учёбу в Харьковское юридическое училище отец после его окончания был избран народным судьёй в Черняхове.

Мать работала воспитательницей в детском саду. Я до войны успел окончить первый класс Черняховской средней школы. Единственная чудом сохранившаяся фотография – свидетельство моего безоблачного до 22 июня 1941 года детства, опалённого после этой даты огненным вихрем Великой Отечественной войны.

Я, как потом стало принято называть, типичное дитя войны, испытавший на себе всё тяготы и лишения того лихолетья. Поэтому не буду повторять общеизвестные факты, а остановлюсь лишь на наиболее впечатляющих воспоминаниях.

Итак, с приближением полчищ вермахта к нашему местечку мне с матерью, как и многим другим семьям односельчан, пришлось, захватив из дому лишь самое необходимое, бежать на предоставленной нам подводе на восток. Как мне с матерью, не имея на то ни опыта, ни физических сил, удавалось справляться с лошастью, я до сих пор понять не могу. Видно, недаром говорится, что беда заставит и научит.

Преодолев за несколько дней тяжёлый и опасный 150-километровый отрезок пути, мы сделали привал на опушке леса в Святошино (предмestье Киева). Расположились под высоким раскидистым деревом. Не успели мы с попутчиками попасть

лошадей и хоть мало-мальски ополоснуться в находившемся рядом водоёме, как над нами появились летящие с запада самолёты. Пробежавший мимо небольшой отряд вооружённых военных сообщил, что поблизости высажен вражеский десант. Я закапризничал и начал просить немедленно уехать с этого места. На удивление меня послушали. Как только мы с ещё двумя семьями сослуживцев отца отъехали, над нами завязался воздушный бой, и вскоре мы увидели, как сбитый самолёт врезался как раз в то дерево, под которым мы всего лишь несколько минут назад располагались.

Когда мы, чтобы не загнать уставших лошадей, через несколько километров снова сделали привал, ко мне подошёл единственный среди нас взрослый мужчина (не призванный в армию очевидно по состоянию здоровья и взявший шефство над нашей группой), погладил меня по голове и сказал, что вообще-то он не любит капризных ребят, особенно мальчиков, но сегодня мой каприз спас жизнь всем нам.

Это был первый, но не единственный случай, когда мы чудом разминулись со смертью, убегая от преследовавшего нас жестокого фашистского зверя.

Об одном, в общем-то вроде бы маловажном эпизоде из нашей одиссеи, к которому я вернусь в ходе дальнейшего повествования, я вспомнил лишь через двадцать лет при чрезвычайных обстоятельствах.

Так вот, преодолев ещё один участок тяжелейшего и опаснейшего пути, мы добрались до города Конотопа. На углу одной из улиц на его окраине у ворот небольшого домика стояла женщина с полутора-двух годовалым мальчиком на руках, а за её юбку держалась девчушка-замухрышка лет пяти. На просьбу пустить нас во двор покормить лошадей и приготовить горячую еду для детей или хотя бы вскипятить воду для чая женщина открыла калитку, показала на несколько стоявших за ней чемоданов, забитые досками окна и дверь и сказала, что они с минуты на минуту ожидают возвращения мужа с повозкой, чтобы добраться до железнодорожной станции и постараться попасть в

любой эшелон, направляющийся на восток. При этом она посоветовала поехать на находившийся недалеко от их дома пруд, искупать в нём детей, а на берегу попасть лошадей. Мы последовали её совету, после чего продолжили свой многодневный, на каждом шагу грозящий смертью, путь. На эвакуационном пункте при железнодорожной станции Курск мы услышали по радио тяжёлую весть о сдаче советскими войсками нашего областного центра Житомир. После приёма лошадей и телег нас эшелонами отправили в глубь страны. И снова постоянная тревога, жажда и голод, частые бомбёжки на пристанционных тупиках (ведь в первую очередь пропускались воинские составы) и в пути, вид погибших и раненых в результате налётов фашистских стервятников продолжали преследовать нас.

Однако и на этот раз нам удалось разминуться со смертью, грозящей нам на каждом шагу.

Через некоторое время наш эшелон разгрузили на какой-то станции в Тамбовской области. Там эвакуированных подводами развезли по близлежащим сёлам. Три наших семьи доставили в одно из них и разместили в здании бывшей церкви. Несколько недель мы по мере своих сил трудились в местном колхозе, обеспечившим нас питанием.

После этого нас ночью (во избежание попасть под бомбёжку и обстрел вражеских самолётов) на подводах в сопровождении нескольких местных пожилых мужчин (в округе свирепствовали стаи волков) перевезли в село Романовку Саратовской области. Значительную часть пути нас преследовали несколько пар огоньков волчьих глаз. Но напасть на нас они не решились.

В Романовке нас поселили в семью местных жителей, трудоспособных направили на работу в колхоз, который оплачивал труд эвакуированных продуктами питания.

Прибыли мы в это село как раз накануне учебного года, и я пошёл во второй класс.

Наконец после двухмесячных мытарств мы получили возможность есть за столом, да к тому же и горячую пищу, спать в постели с чистым бельём.

Местное население с сочувствием и состраданием относилось к нам, старалось оказать беженцам всевозможную поддержку . Огромное спасибо им за это.

Однако война и здесь не давала забывать о себе. Как-то во время урока я услышал уже знакомые мне звуки воздушного боя. А через пару минут школьное здание содрогнулось от мощного взрыва: через дорогу от нас рухнул сбитый фашистскими стервятниками советский самолёт. Мы, школьники, стали первыми свидетелями гибели двух его пилотов. Возможно, последние их усилия были направлены на то, чтобы не дать самолёту упасть на школу.

Так и на этот раз смерть пронеслась мимо меня.

Невзирая на все тяготы военного лихолетья я и второй класс закончил с похвальной грамотой.

В середине 1942 года брату моей матери (они были близнецы) через действующую тогда службу розыска удалось найти нас и вызвать к себе в город Троицк Челябинской области. Там нас не обстреливали и не бомбили, но пережить пришлось такие лишения, которые и самому заклятому врагу не пожелаешь.

После нападения фашистов на нашу страну в этот город, насчитывающий около 40 тыс. населения были эвакуированы ряд крупнейших военных заводов, в том числе и 34-й авиационный, на котором работал мой дядя. Вместе с их работниками прибыли десятки тысяч беженцев.

Это привело к многократному (в одном из источников указано – 10-кратному) увеличению количества его жителей. Под жильё пришлось приспособлять всё возможное и невозможное. И мне с матерью вместе с четырьмя членами семьи её брата, в том числе грудным младенцем и тяжелобольным отцом жены брата пришлось ютиться в крошечной комнатухе, в которой вместо кроватей были сооружены двухъярусные нары.

Получаемых по карточкам продовольственных продуктов катастрофически не хватало. Мы всегда были голодны. Был период, когда хлебные карточки не отоваривали несколько дней, а затем вместо хлеба выдали на все неиспользованные талоны соевую макуху (отжимки, остающиеся после выдавливания из

зёрен масла). На следующий день начался массовый мор: опухшие от голода люди, вдоволь наевшись этого даже не для всех животных пригодной для скормливания еды, сотнями умерли в страшных муках.

С нетерпением мы ожидали прихода весны, чтобы вдоволь похлебать суп из крапивы, свекольной ботвы и другой съедобной зелени. А каково нам было переносить зимнюю стужу (морозы иногда доходили до 40 градусов) в наших нетопленных конурках или в школьных классах.

Официально согласно постановления объединённого заседания Троицкого Горкома ВКП(б) и Горисполкома для участия в сельхозработах были мобилизованы в обязательном порядке и учащиеся, начиная с шестого класса. Но иногда для этого привлекали и нас, «салажат» из четвёртых и пятых классов. Но это было нам не в тягость, так как мы это считали своей посильной помощью фронту.

На занятия в школу приходила строем в военной форме группа сыновей полка – детей, лишившихся родителей. В нашем классе их было пятеро. И это, кроме всего прочего, заставляло нас с большей ответственностью относиться к учёбе и своему поведению.

Единственной радостью для меня и матери было то, что отцу удалось разыскать нас, и мы начали получать от него письма в виде треугольников. 3-го июля 1941 года отец получил предписание эвакуироваться в Черниговскую область и должен был выехать вместе с нами. Но в последний момент предписание было отменено, и отец был назначен ответственным за эвакуацию или, в крайнем случае, уничтожение особо важных документов советско-партийных органов, учреждений и организаций местечка. Выполнив эту миссию, он с последней отступающей частью покинул Черняхов и, явившись в Киевский военкомат, добровольно ушёл на фронт.

После ранения и выписки из госпиталя отец был направлен на краткосрочные курсы в Московское военное училище имени Верховного Совета и после окончания их получил назначение в

действующую армию в качестве командира взвода 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии.

Перед отправкой к месту назначения отцу был предоставлен краткосрочный отпуск и он на несколько суток приехал к нам в Троицк. Это была наша последняя встреча с ним.

В одном из своих последних писем отец сообщил нам, что приближается со своей частью к городу, в котором жила его старшая сестра. И мы поняли, что это город Киев.

Последнее письмо от отца пришло одновременно с похоронкой, в которой сообщалось о его гибели в бою 4 октября 1943 года.

Через несколько дней мы получили письмо от его боевых побратимов, которые с теплотой и любовью отзывались о своём мужественном и заботливом командире, верном друге, человеке с доброй душой и щедрым сердцем, не раздумывая отдавшем жизнь для спасения личного состава взвода и обеспечения успеха военной операции.

«Мы отмстим проклятым фашистам за героическую смерть нашего командира, – Вашего дорогого мужа и отца, освободим нашу Родину и добьём вражескую гадину в её собственном логове. А светлая память о нашем славном командире навечно сохранится в наших сердцах» – было сказано в этом письме.

После освобождения Житомирщины от фашистских захватчиков мой дядя съездил (во время командировки от завода в город Киев) в наш родной Романов и привёз оттуда горестную весть: все евреи местечка, в том числе мой дедушка и тётя (сестра матери) зверски уничтожены нацистами и местными полициями, отчий дом разграблен и уничтожен. (Бабушка умерла незадолго до войны).

На свой запрос, посланный матерью в Черняховский поселковый совет, она получила ответ, что дом, в котором была наша довоенная квартира, как и многие другие жилые помещения местечка, разрушен в ходе боевых действий и что предоставить нам жилплощадь в ближайшее время нет возможности.

В начале января 1946 года мы вернулись из эвакуации и временно поселились в Житомире в полученной сестрой отца,

прослужившей всю войну в госпитале, и её мужем – демобилизованным воином, комнатухе, служившей одновременно и кухней (их дом в центре Житомира, в котором до войны имели квартиру, был разрушен при бомбёжке в начале войны).

В Житомире я успел закончить шестой класс, и так как к тому времени демобилизовался сын хозяев квартиры, нам пришлось освободить для него занимаемый нам уголок и переехать в Романов (тогда – Дзержинск).

В Дзержинске нас, как и абсолютное большинство возвратившихся из эвакуации, ожидало голодное, полунищенское существование. Почти на два года нас приютила так же возвратившаяся из эвакуации еврейская семья, у которой сохранился дом. Позже нам выделили небольшую комнатуху, служащую одновременно и кухней, в коммунальном доме. В ней мы прожили 15 лет.

В первые послевоенные годы, не имея «ни кола, ни двора», выживая лишь за счёт мизерной пенсии за погибшего отца и незначительной зарплаты матери, мы ходили в лохмотьях, отказывали себе абсолютно во всём. Помню, как весной, когда уже таял снег, я шёл в школу в старых валенках без галош, т.к. другой обуви у меня не было. В Дзержинске я окончил в 1950 году среднюю школу. В том же году поступил в пединститут и, имея 47 лет стажа в школах своего родного района, вышел на пенсию.

Вернусь к эпизоду, упоминаемому выше. Перед началом 1957-58 учебного года из окна отдела народного образования я заметил направляющуюся к нему девушку с чемоданчиком в руках. Невольно подумал: какая судьба ожидает в наших краях эту выпускницу вуза, по чью душу она сюда прибыла?

Через несколько дней мы встретились с ней на работе в Дзержинской средней школе и со временем подружились. Когда же дружба переросла в любовь, она предложила приехать к ней во время каникул в Конотоп для знакомства с её матерью и младшим братом. (Её отец, многократно раненный на фронте, вскоре после демобилизации умер).

Представьте мою оторопь, когда явившись по указанному адресу, я оказался у ворот того домика, в котором при эвакуации мы просили кратковременного пристанища, и понял, что тогдашняя девчужка-замухрышка, державшаяся за материну юбку, моя невеста, а её мать, державшая на руках малыша, моя будущая теща.

Воистину, пути господни неисповедимы!

О моей работе, общественной и творческой деятельности рассказано журналисткой Еленой Милькиной в очерке «Через тернии к звёздам» (газета «Ветеран и воин» за 17 июля 2013 г.), краткое изложение которого перед вами.

Гарри Фельдман дважды Лауреат престижного литературного конкурса имени Ицхака Зандмана и Авраама Коэна, автор всемирно известной книги о Холокосте «Забвению не подлежит» (Житомир, 2000 г.), соавтор книги о творческом потенциале русскоязычной алии «Судьбы и думы “русских” израильтян» (Израиль, 2008 г.), соавтор книг о бессмертном подвиге воинов-евреев «Поведай о том детям и внукам своим» (Израиль, 2007 г.), «Во имя исторической правды» (Израиль, 2010) и книги, завершающей эту своеобразную трилогию, «В грозном зареве войны».

В Израиле им опубликовано также несколько брошюр и более ста очерков в центральных русскоязычных газетах и журналах. Ему принадлежат и десятки выступлений на радиостанции «РЭКА».

Он был делегатом Генеральной Ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (Иерусалим, 21.05.2008г.), участником Международной научной конференции «Евреи на Волини: история и современность» (Житомир, 20.03.2009 г.). Его доклад на ней получил высокую оценку научной общественности и опубликован в итоговом сборнике конференции.

Гарри Фельдман – отличник народного образования Украины, старший учитель математики высшей категории, делегат Первого съезда работников просвещения Украины и участник (один из докладчиков) Всероссийской научно-практической конференции

по внеклассной работе (Москва, 1960 год), автор многочисленных выступлений и публикаций о передовом педагогическом опыте, 65 лет в журналистике, публикуется в Израиле, Украине, России, США и Австралии.

Гарри Борисович свою педагогическую работу успешно совмещал с общественной деятельностью: четырежды избирался депутатом Горсовета, в котором возглавлял постоянную комиссию по народному образованию и культуре; неоднократно избирался зам. председателя районной организации ветеранов войны и труда, зав. отделом районного комитета народного контроля, возглавлял профсоюзные и партийные организации, а также местную еврейскую общину.

Им проведена огромная работа по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и воинов-евреев, павших в боях с нацистами.

Гарри Фельдман – соавтор ряда «Книг Памяти и Скорби Украины» по Житомирской области. Его сотрудничество с областной редакционной коллегией Книги Памяти продолжается до сих пор. Недавно он отправил туда серию своих очерков и данные почти на 100 персоналий для готовящейся к изданию книги «Переможці» о творцах Великой Победы, проживающих ныне в Израиле.

Репатриировался в Израиль в 2001 году и с тех пор живёт и плодотворно трудится в Нетании.

За свой благородный труд по увековечению светлой памяти жертв Холокоста и бессмертного подвига воинов-евреев Гарри заслужил огромное уважение и сердечную благодарность своих земляков, проживающих во многих странах, о чём ещё задолго до его репатриации писала израильская газета «Новости недели», назвав его вместе с членами семьи Праведником (26 января 1999 года, очерк Инны Стессель «Трудно жить на этой планете»).

А его книга «Забвению не подлежит» принесла ему международную известность и признание.

Вот, например, мнение о ней заведующей русским фондом Мемориального комплекса Яд ва-Шем Анны Шиндер, написавшей Гарри Фельдману:

«Среди множества книг и воспоминаний, получаемых библиотекой, ваша книга «зацепила» меня своей искренностью и непридуманной правдой жизни. Я думаю, что молодые люди, не чувствующие ужаса от цифры шесть миллионов, может быть, только читая такие книги, как ваша, смогут приблизиться к пониманию всего кошмара фашизма, войны и Катастрофы... Потрясают факты, волнуют людские судьбы. Равнодушным, читая сборник «Забвению не подлежит» остаться невозможно. Но ведь для этого и создана книга».

Поэтому эта книга актуальна и сейчас.

Она, как Бухенвальдский набат, взывает:

Не забудем! Не простим!

Приведу несколько фрагментов из письма учительницы Надежды Денисовны Мамчур из села Судилков Шепетовского района Хмельницкой области:

Уважаемый Гарри Борисович, здравствуйте!

У меня в руках книга Ваша «Забвению не подлежит», нет, это не книга – это святыня, это память, это история, это героизм, это горе, это ужас, который пережил очень умный, очень красивый, очень деловой, очень хороший, очень способный, очень совестный народ, который пострадал, даже не зная, почему. Господи, да я читала и читаю Вашу книгу и не могу смириться с тем, что же сделали эти люди, такое преступление, что их без вины сделали виноватыми и цвет, красу нации, очень талантливой – уничтожили.

Спасибо Вам за то, что Вы описали то страшное событие, тот ужас, что выпал именно на еврейский народ. А Ваша книга-шедевр должна стать книгой настольной в каждой школе, где воспитываются дети. Пусть на воспитательных часах учителя расскажут и покажут детям, что это за обелиски, что за памятники, кто там почил смертью неожиданной и страшной. Пусть жители кланяются жертвам безвинным.

А Вы, Гарри Борисович, очень умный и мудрый человек. Вы отдали столько сил, здоровья, энергии – собрав этот исторический материал. Это Вы отыскиали живых свидетелей смерти и мучений тех, кто покоится в братских могилах в этом достопримечательном когда-то еврейском местечке – Романов.

Спасибо Вам милый, добрый мудрец Гарри Борисович, что Вы создали такую печальную, но очень величественную и нужную память на все поколения живущих людей, чтобы они знали, сколько пролито безвинной крови и помнили, чтобы не допустить никогда подобных трагедий.

А Вам Бог даст много лет счастливой жизни, благополучия, крепкого Вам здоровья и сил, чтобы Вы своим талантом передали всё хорошее о живших и живущих.

Вы талант и я Вам кланяюсь.

Это Вы, милый, добрый Фельдман сумели всё передать так, что нельзя без слёз и печали читать. Книга эта заставляет глубоко задуматься над самой скорбной страницей истории нашего народа.

Вице-президент Еврейского Совета Украины **Михаил Гурвиц** в предисловии к книге отметил: «ею Гарри Фельдман как бы продолжил работу, начатую Маргаритой Алигер, Павлом Антокольским, Вениамином Каверины и другими известными деятелями литературы и искусства, которые издали «Чёрную книгу» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга.

В 1991 году книга была выпущена, переиздана во многих странах, стала своеобразным напоминанием людям: фашизм – это смерть, гибель человечества. То же самое можно сказать о книге Гарри Фельдмана «Забвению не подлежит». Автор использовал личную переписку и воспоминания чудом оставшихся в живых свидетелей трагедии, архивные материалы, видеофильмы, снятые группой Стивена Спилберга, материалы судебных процессов над полицией – участниками массовых расстрелов мирных граждан и военнопленных.

«Забвению не подлежит» – не просто книга – это весомый аргумент в борьбе с теми, кто отрицает Холокост и тем самым

реабилитирует фашизм. Это своеобразный мемориал, который вечно будет напоминать каждому из ныне живущих: «Помните!»

Подобную оценку читателей и научной общественности заслужили и все 13 книг (5 из них в соавторстве с Иосифом Рейтманом), изданных Гарри в Израиле.

При репатриации Гарри Фельдмана Федерация иудейских религиозных общин и организаций, учитывая многочисленные обращения общественности, руководителей еврейских общин Житомирского региона (в него входят все области Центральной и Западной Украины) и пожелания бывших жителей Романова, проживающих во многих странах мира, обратились к руководителям Государства Израиль с ходатайством о присвоении ему (Гарри Фельдману) звания Почётный гражданин Государства Израиль или города Нетания.

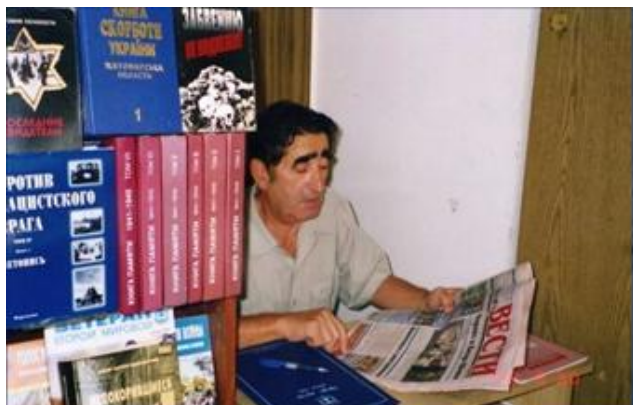
К сожалению, это ходатайство, как и соответствующее обращение группы общественных деятелей Израйля к мэру Нетании, осталось безответным.

За активное участие в ветеранском движении Государства Израиль Гарри Фельдман награждён медалями «65 лет Победы над фашистской Германией», «35 лет Союзу ветеранов», двумя Почётными грамотами Союза ветеранов, Почётной грамотой и благодарностью Нетанийского городского совета и рядом других грамот общественных и научных организаций. Его многолетний подвижнический труд отмечен также престижной медалью «Честь и достоинство», и памятным знаком Российского комитета ветеранов «70 лет Победы»ю

Гарри Фельдману присвоено звание «Почётный член Союза ветеранов».

Эту публикацию я подготовил не в качестве подведения итогов жизненного пути и тем более не ради тщеславия. Основная её цель – ещё на одном конкретном примере показать, что эвакуированные беженцы вполне заслуживают статуса жертв Катастрофы, и ещё раз выразить пожелание, чтобы нигде и никогда не повторилось подобное.

Гарри Фельдман



Почётный член Израильского Союза ветеранов Второй мировой войны, член Союза русскоязычных писателей, Лауреат двух конкурсов на историко-литературное произведение о воинском подвиге в годы Второй мировой войны.

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ГАРРИ ФЕЛЬДМАНУ
– ЛЕТОПИСЦУ ХОЛОКОСТА**

*Не существует ноши тяжелей,
Чем память сердца о зверином лихолетье,
Когда в земле, когда в дыму печей
В мученьях гибли матери и дети,
Виновные в одном - в своём еврействе.
Их с нами нет сейчас, но память их взывает:
Не забывайте о свершившемся злодействе -
Пусть большие выродки не убивают!
И озвучит свидетель скорбных дней
Могильный голос жертв, невинно убиенных,
И, вырвав сердце из груди своей,
Их память освятит пожаром искр священных.*

Анатолий Цалиович

Оглавление

Забвению не подлежит (вместо предисловия).....	3
Сказание о местечке Романов.....	6
Из воспоминаний Янкеля Герца.....	36
Я прошёл сквозь все круги ада	42
Его трижды пытались расстрелять.....	50
У моего брата было две матери	60
Простите меня	65
Незабываемое	87
Вспоминать тяжело, забыть невозможно.....	102
История Малки Пищаницкой	105
Память сердца	111
Всем смертям назло.....	129
Холокост был!	135
Ответ на трудный вопрос	140
Слово об авторе	148

